ZBORNÍK

MLADÁ RUSISTIKA

NOVÉ TENDENCIE A TRENDY II

Zborník Mladá rusistika – nové tendencie a trendy II
Bratislava, STIMUL, 2013
ISBN 978-80-8127-088-8
EAN 9788081270888

Univerzita Komenského v Bratislave
Filozofická fakulta
Katedra ruského jazyka a literatúry

Mladá rusistika – nové tendencie a trendy II

Bratislava 2013

Recenzenti: Prof. PhDr. Mária Kusá, CSc.
Doc. PhDr. Anton Eliáš, PhD.
PhDr. Ľubomír Guzi, PhD.
Mgr. Irina Dulebová, PhD.

Editorky: Mgr. Zuzana Lorková, PhD.
Mgr. Veronika Knapcová

Zborník s názvom *Mladá rusistika – nové tendencie a trendy II* je výstupom Katedry ruského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave. Pozostáva z príspevkov doktorandov a mladých vedeckých pracovníkov pôsobiacich na viacerých európskych univerzitách.

Za obsahovú a jazykovú stránku príspevkov zodpovedajú jednotliví autori.

Poďakovanie

Týmto by sme chceli vyjadriť úprimné poďakovanie za mnoho cenných pripomienok a užitočných rád recenzentom a všetkým, ktorí sa nejakým spôsobom podieľali na tvorbe zborníka.

Editorky

Obsah

PREDHOVOR 8

LINGVISTIKA 9

Лариса Боряева: ДИСТАНТНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ И ВОПРОСЫ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕТОПИСЕЙ И БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ) 10

Софья Краснощекова: ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕБЕНКА 19

Екатерина Куруськина: К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ НАЗВАНИЙ ЛОТОСА В САНСКРИТЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ 28

Lucia Molnárová: FENOMÉN INTERTEXTUALITY V EKONOMICKÝCH TEXTOCH 36

Daniela Timárová: PROFESIONALIZMY AKO SÚČASŤ ODBORNEJ KOMUNIKÁCIE STROJÁRSKYCH TEXTOV (V RUŠTINE A SLOVENČINE 48

Jakub Konečný: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТОНАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ. ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. 56

Libuše Dufková: ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ПРИЧИНЫ В РУССКОЙ ГАЗЕТЕ «Metro Санкт-Петербург» 66

LITERÁRNA VEDA 75

Andrea Haburová: FLÓRA V SYSTÉME OBRAZNOSTI POÉZIE F. I. ŤUTČEVA 76

Katarína Mäsiarová: ANALÝZA ŠPECIFIKY UMELECKÝCH POSTUPOV M. J. SALTYKOVA-ŠČEDRINA NA MATERIÁLI „ROZPRÁVKY“ ĽUDKOVIA Z HRAČKÁRSKEJ DIELNE 85

Daniela Krajčírová: SVET SOVIETSKEHO ČLOVEKA V OBDOBÍ ODMÄKU A JEHO OBRAZ V RUSKEJ LITERATÚRE 95

Kristína Ševečková: ZOBRAZENIE HLAVNÝCH HRDINOV V ROMÁNE L.N. TOLSTÉHO VZKRIESENIE 103

Jaroslav Sommer: UČITEL A ŽÁK VS. BLÍŽENCI – HOMOSEXUÁLNÍ VZTAHY V RUSKÉ LITERATUŘE S GAY-TEMATIKOU 110

Ivan Posokhin: К ВОПРОСУ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР. ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ. 120

Zuzana Lorková: AKO SA MENÍ V. SOROKIN V ČASE ALEBO KAM SMERUJE JEHO TVORBA? .. 130

Silvia Ascione: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АЛИ РАХМАНОВОЙ (1898 – 1991) 139

Lorenzo Marmiroli: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА СТРАНИЦАХ *LA VOCE* (1908 – 1916) 147

DEJINY A KULTÚRA 157

Nina Cingerová: PRAVOSLÁVIE A PRAVOSLÁVNA CIRKEV V POLITICKOM POLI POSTSOVIETSKEHO RUSKA 158

Zuzana Coculʼová: PRAVOSLÁVIE V SÚČASNOM ESTÓNSKU: MEDZI MOSKVOU A KONŠTANTÍNOPOLOM 168

Katarína Hrčková: „JAZYK IĽJIČA" V SÚČASNOM RUSKOM MEDIÁLNOM DISKURZE 178

Veronika Knapcová: MINULOSŤ V PRÍTOMNOSTI: IDENTITA RUSA A UKRAJINCA V UKRAJINSKOM ODBORNOM A MASMEDIÁLNOM DISKURZE 187

PREDHOVOR

Zborník *Mladá rusistika – nové tendencie a trendy II* je príležitosťou pre doktorandov a mladých vedeckých pracovníkov prezentovať výsledky svojej doterajšej výskumnej činnosti v oblasti rusistiky. Vznikol z iniciatívy Katedry ruského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave a pozostáva z príspevkov doktorandov a mladých vedeckých pracovníkov. Nový pohľad na lingvistické, literárnovedné a historicko-kultúrne otázky ponúkajú mladí rusisti pôsobiaci na univerzitách na Slovensku, v Čechách, Rusku a Taliansku.

Hlavným zámerom publikácie je poskytnúť generačnú platformu mladým adeptom rusistiky, podporiť ich vedecko-výskumnú činnosť a prostredníctvom nadviaznia pracovných kontaktov na medzinárodnej úrovni aj rozvoj rusistiky.

Veríme, že sa nám stanovený cieľ podarilo naplniť a že sa publikácia stane príjemnou tradíciou, ktorá bude zdrojom inšpirácie pre odborníkov nielen v oblasti rusistiky, ale aj slavistiky.

Editorky

LINGVISTIKA

ДИСТАНТНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ И ВОПРОСЫ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕТОПИСЕЙ И БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ)

Лариса Боряева, кандидат филологических наук

Кафедра русского языка, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

Boryaeva@yandex.ru

ABSTRACT:
The article deals with the problem of distant positions of secondary parts in the sentence. The author observes the processes in the syntactic structure and communicative organization of a simple sentence, traces the correlation between distribution of syntactic links and the main characteristics of the non-centered, polyfocal, paratactic sentence structure. The research is based on the data of chronicles and birchbark documents from the XI-XV centuries.

В статье рассматривается роль дистантного расположения зависимых членов в структурно-семантической и коммуникативной организации предикативной единицы. Дистантное расположение слов, находящихся в отношении непосредственной синтаксической зависимости, – одно из самых ярких и наиболее характерных явлений синтаксиса простого распространённого предложения в древнерусских берестяных грамотах и летописях (XI-XV вв.). На первый взгляд, дистантное словорасположение в грамотах и летописях охватывает те же группы случаев, что и современная русская разговорная речь, и свидетельствует о разговорном субстрате анализируемых текстов (таблица 1). Однако ниже мы попытаемся доказать не стилистическую, а системно-языковую природу рассматриваемого явления в древнерусском материале.

Таблица 1. Типы дистантного словорасположения

Современная русская разговорная речь[1]	Берестяные грамоты и летописи
Существительное + согласованное определение: • с препозицией определения (*А **отдельного** у вас нет **издания**? Ты **мои***	Существительное + согласованное определение: • с препозицией определения (…*далъ есемь полотину отцю дшевному*

[1] Согласно магнитофонным записям разговорной речи 1960-х гг. в Москве и Ленинграде: ЗЕМСКАЯ, Елена Андреевна и др. 1981. *Русская разговорная речь.* Москва: Наука, 1981. 276 с.

не видел ***перчатки****?*),	*Нестеру,* ***другую*** *далъ есемь Дмитру церенецю* ***полотину*** - №689[2]),
• с постпозицией определения (***Языка*** *я* ***арабского*** *не знал.* ***Дóма*** *не буду строить* ***зимнего***),	• с постпозицией определения (*...****моръ*** *бысть въ людехъ* ***многъ****...* - НІЛ, СС, 30 об.; *И наехаша на Яруна* ***сторожи*** *за Тьхверью* ***Ярославли*** - НІЛ, СС, 84; *А* ***полостецю*** *крени* ***церъну****...* - №809),
• с постпозицией определения и повтором предлога (*Он у Вас в Москве похоронен / у него лебедь* ***на кладбище*** *там /* ***на Новодевичьем*** *был //*);	• с постпозицией определения и повтором предлога (*А сь* ***на водмолчь*** *пло 6 кунь* ***на їночььмо*** - №927);
Существительное + зависимое существительное: Зависимый член – существильное в форме род.п. (***Игоря*** *к нам собиралась приехать* ***мама****. Куда* ***сын*** *уезжает* ***Ивановых****?*),	Существительное + зависимое существительное: • Зависимый член – существильное в форме род.п. (*Аже то* ***лодия*** *присълана* ***кыянина*** *обЬсти ю кънязу* - №745; *Заложена бысть* ***церкы*** *НовегородЬ* ***святого Николы*** НІЛ, СС, 8),
• Зависимый член – предложно-падежная форма (***Стол*** *он купил* ***из красного дерева*** *себе. Она* ***слона*** *вчера видела* ***из Индии***);	• Зависимый член – предложно-падежная форма (*А цто даше* ***провоза*** *язо во томо* ***до Торжеку*** - Тверь №2);
Числительное + существительное: • ***Три*** *давайте купим* ***килограмма****. Вон* ***собаки*** *бегут* ***две*** *друг за дружкой.*	Числительное + существительное: • *А* ***за са(н)[и]*** *по 5 куно* ***за довое*** - №601;
Глагол + зависимый член: • ***Стол*** *он* ***купил*** *из красного дерева* ***себе****. Японскую* ***принесла*** *она* ***грамматику****.*	Глагол + зависимый член: • *... князь ВсЬволодъ* ***побеже*** *въ ноць утаивъся* ***из Новагорода*** *съ всемь дворомь своимь* - НІЛ, СС, 94 об.; ***Побегоша*** *не успЬвъше ничтоже Половци* ***назадъ*** - НІЛ, СС, 98 об.).

[2] Здесь и далее указаны номера новгородских берестяных грамот.

Аппозитивная группа: • Разрыв имени и фамилии/отчества (***Лиду*** *к нам сегодня вызывали* ***Черёмину***. ***Анна*** *прибегает к нам* ***Петровна*** *и кричит*),	Аппозитивная группа: • Разрыв имени и фамилии/отчества (***У Клима*** *возми* ***у Щекарова*** *рубль 10 било и 4 лосося наклада* - №260; *…постави* ***Твьрдислав*** *церковь на воротЬхъ въ Оркажи манастыри* ***Михалковиць*** - НІЛ, СС, 72 об.),
• Разрыв словосочетания с именем нарицательным (*В* ***вагон*** *она ходила* ***ресторан*** *обедать.* ***Платье*** *она себе сшила* ***костюм***. *Она в* ***доме*** *живёт* ***девять***).	• Разрыв словосочетания с именем нарицательным (*А язъ* ***тобЬ*** *много кланяся* ***брату своему*** - №283, ***Жизнобуде*** *погублене у Сычевиць* ***новъгородьске смьрде*** - №607/562, *А* ***брата*** *посади Переяславли* ***ВсЬволода*** - НІЛ, СС, 39 об. – 40; *И приде* ***князь*** *Новугороду* ***Ярославъ*** *одаренъ* - НІЛ, СС, 50 об.).

Вопрос о порядке слов в предложении связан с определением состава синтаксических единиц, спецификой их вхождения в предложение, с особенностями структурной организации предложения.

Предложение в современном русском языке конструируется из блоков, или синтаксических групп, которые располагаются в соответствии с синтагматическими связями высказывания в тексте, тогда как порядок слов внутри групп – явление синтаксически автономное. Порядок групп изучается на уровне актуального членения, а порядок слов внутри групп – на уровне синтаксиса словосочетания: в атрибутивном словосочетании прилагательное – в препозиции, в субстантивном словосочетании управляемые члены – в постпозиции и т.д.[3] «Учёными отмечалась условность термина “порядок слов” в предложении (или в высказывании) по отношению к кодифицированному литературному языку: точнее было бы говорить не о порядке слов, а о порядке синтаксических групп, целых синтаксических “блоков”».[4]

Порядок выявления границ и синтаксический статус таких групп в составе предикативной единицы подробно описываются теорией структур составляющих,

[3] КОВТУНОВА, Ирина Ильинична. 1976. *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. Москва: Просвещение, 1976. 239 с.
[4] ЗЕМСКАЯ, Е.А. Там же. С. 380.

пользующейся термином *фразовые категории* (ФК). Составляющие были впервые рассмотрены в качестве синтаксических единиц представителями американской дескриптивной лингвистики: Н. Хомским, Л. Блумфильдом, З. Хэррисом. «Анализ по составляющим предполагает, что предложение представляет собой иерархическую структуру, состоящую из слов и групп, причём каждый из таких компонентов (слово или группа) принадлежит к некоторому классу – части речи или фразовой категории».[5] ФК играют значительную роль в синтаксисе современного русского предложения. «…Предложение не составляется непосредственно из слов как из конститутивных элементов и неразложимо непосредственно на слова».[6] ФК обладает признаком грамматической цельности и отделимости от остального состава предложения. Она может стать: 1) темой высказывания, 2) парцеллятом 3) самостоятельным высказыванием.[7] Ещё одна синтаксическая особенность ФК в современных языках – «эффект крысолова» (pied-piping[8]). Этот термин обозначает цельность ФК в отношении словопорядка: если один член ФК перемещается в какое-либо место в предложении, то вместе с ним перемещаются все её члены: *Я не знаю, [насколько приемлемые условия]*$_{\text{именная группа}}$ *он выдвинул*, но не: **Я не знаю, насколько он выдвинул приемлемые условия*.[9]

ФК может быть разорвана: ***О чём*** *ты хочешь со мной* ***поговорить***? В таких случаях перед нами, как правило, непроективная структура. Термин *непроективная структура* не является синонимом понятия *дистантное расположение членов словосочетания.*[10] Если синтаксические зависимости в предложении изображать при помощи стрелок, то предложение называется проективным при одновременном соблюдении условий непересечения и необрамления стрелок (никакая стрелка не перекрывает корневой узел).[11] Согласно наблюдениям И.И. Ковтуновой, в кодифицированном русском литературном языке (КРЛЯ) дистантный словопорядок – широко представленное явление, тогда как непроективность возможна лишь в

---

[5] ТЕСТЕЛЕЦ, Яков Георгиевич. 2001. *Введение в общий синтаксис*. М: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 796 с. ISBN 5-7281-0343-X.
[6] ЗОЛОТОВА, Галина Александровна. 1981. О конститутивной синтаксической единице. In: *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* Том 40. 1981, с. 496-508. С.496.
[7] ТЕСТЕЛЕЦ, Я.Г. Там же. С. 134-143.
[8] ROSS, John Robert. 1967. *Constraints on Variables in Syntax*. Doctoral dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1967. [цит. 30-08-2013]. <Available online at http://hdl.handle.net/1721.1/15166>.
[9] ТЕСТЕЛЕЦ, Я.Г. Там же. С.140-141.
[10] Определение проективности дано в работе: LECERF, Y. 1960. Programme des conflicts, modèle des conflicts. In: *La traduction automatique*. 1960, vol. 1, № 4. P. 11-18; № 5. P. 17-36.
[11] ТЕСТЕЛЕЦ, Я.Г. Там же. С. 94.

словосочетаниях «существительное + согласованное прилагательное»: *Рубашку я взял серую*.[12]

Таким образом, в современном КРЛЯ предложение состоит из синтаксических групп – ФК с закреплённым словопорядком внутри каждой группы, каждый член группы неразрывно связан с другими её членами и подчиняется «эффекту крысолова», преобладают проективные структуры.

По нашим наблюдениям, синтаксическая организация распространённого простого предложения в летописном тексте иная.

Сначала в предложении даётся номинативный и предикативный минимум[13], без которого предложение как целостная конструкция и как предикативная единица не состоится. Достраивание конструктивного центра предложения имеет приоритетное значение для пишущего и воспринимающего текст: структура предложения должна быть прозрачна, ясна, не требовать больших ресурсов памяти, интеллектуализации. После предикативного минимума следуют распространяющие члены, даже в том случае если без этих членов высказывание приобретает иной или неполный смысл.

Ниже **предикативный и номинативный минимумы** выделены полужирным шрифтом.

Во сЬтьхо 3 гривьнЬ *во сукънЬхо и во хлостЬхо* (№722). Это часть описи (купеческого?) имущества с указанием его стоимости. Семантически важно единство ряда однородных членов: на сетях, сукнах и холстах (вместе взятых). Тем не менее мы видим расчленение ряда однородных членов. Сомнительно, что пишущий при порождении высказывания забывает о полном перечне вещей. Здесь действует иная синтаксическая стратегия – дать минимальный «каркас» фразы.

Аналогично: ***А за са(н)[и] по 5 куно*** *за довое* (№601); ***А сь на водмолчь пло 6 кунь*** *на їночььмо* (№927); ***ДъвЬма десятьма гривь безъ гривьнЬ на[м](ъ по 7) рЬзанъ*** *дъвое…*(№293); ***У Дома(с)[л]ава 2 гривне*** *у поповиця по 10 резано…* (№215); ***Возми у него грамоту да приш[ли] ми*** *цтения доброго…* (№271); ***И велЬлъ ми старЬшЬи мои и сЬмяна и Ьмяна молотить*** *ваша Иване* (№755) ; ***[Ч]то бы ес[те] сиротокъ*** *моихъ* ***поблюлЬ*** *гляденцевъ.* ***А язъ вамъ челомъ бью*** *своеи осподЬ* (№693); ***Володимиръ иде на Емь*** *съ новгородьци сынъ Ярославль* (НІЛ, СС, 2 об.); ***Побегоша*** *не успЬвъше ничтоже*

[12] ЗЕМСКАЯ, Е.А. и др. Там же. С. 392.

[13] Понятие предикативного и номинативного минимумов предложения разрабатывалось в работах чешских лингвистов, легло в основу разграничения понятий *минимальные* и *расширенные* схемы простого предложения в трудах В. А. Белошапковой и Н. Ю. Шведовой. Определение термина см. в: БЕЛОШАПКОВА, Вера Арсеньевна и др. 1981. *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, 1981. 560 с. С. 437.

Половци *назадъ* (НІЛ, СС, 98 об.); ***Много добрыхъ мужь избиша*** *въ КлинЬ новъгородьць* (НІЛ, СС, 13 об.); ***Яропълкъ седе на столЬ*** *брат Мьстиславль* (НІЛ, СС, 13 об.); *...**такоже и скотъ помре** рогатыи* (НІЛ, СС, 30 об.).

С позиций современного восприятия текста многие предложения вызывают недоумение неподготовленного читателя, что свидетельствует о том, что эти примеры составляют специфику древнерусского синтаксиса, они не свойственны ни синтаксису современного КРЛЯ, ни синтаксису современной разговорной речи: *И велЬлъ ми СТАРЬШЬИ МОИ и сЬмяна и Ьмяна молотить ваша ИВАНЕ* (№755) – ‘А велел мне молотить весь ваш хлеб (зерно и семенное, и пищевое) старший мой – Иван’.

Могут «разрываться» и несвободные сочетания – элективные, комитативные: *...ищюще то **кто Всеволоду приятель** бояръ...* (НІЛ, СС, 18 об.) – ‘…искали, *КТО ИЗ БОЯР* приятель Всеволоду…’; ***На Смьне три гривнь*** *со братомь* (№73) – ‘*У СМЕНА С БРАТОМ* [долг] 3 гривны’; ***И посла князь Мьстиславъ Дмитра Якуниця*** *на Лукы съ новгородьци города ставитъ…* (НІЛ, СС, 76 об.) – ‘И послал князь Мстислав *ДМИТРА ЯКУНИЧА ВМЕСТЕ С НОВГОРОДЦАМИ* на Луки города ставить’. Подчеркнём условность формулировки «разрыв сочетаний»: члены древнерусского предложения входят в его состав не как члены словосочетания.

Расчленение комитативного сочетания семантически кажется неправомерным, так как может способствовать ложному пониманию высказывания: *...**зависть въложи людьмъ на архиепископа** Митрофана съ князьмь Мьстиславомь...*(НІЛ, СС, 77) – ‘(Дьявол) вложил в сердца людям и князю Мстиславу зависть против архиепископа Митрофана’. Постановка *съ князьмь Мьстиславомь* в конец предложения может породить ложный смысл: ‘против архиепископа Митрофана и против князя Мстислава’. Однако такое построение фразы для текста летописи не является аномалией. Аналогично: *…**придоша НЬмци** на Водь **с Чюдью**...* (НІЛ, СС, 128) – ‘Пришли немцы с чудью на водь’. Изменение синтаксической позиции не создаёт двусмысленности (немцы и чудь пришли на водь, но не немцы пришли на водь и чудь).

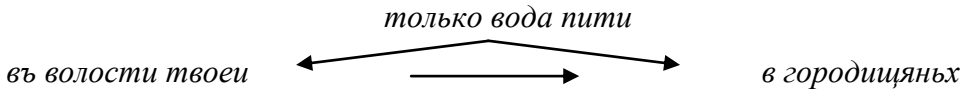
Стремление «достроить» каркас предложения, прежде чем вводить неконститутивные члены, проявляется и в конструировании сложных предложений: ***А цто даше провоза язо во томо*** *до Торжеку* (Тверь №2) – ‘А что заплатишь за провоз до Торжка, это за мной’.

Актуализация высказывания, так же как и в современном синтаксисе, приводит к перегруппировке элементов. На начальное положение выдвигаются тематические компоненты: *А **рожь** Петрову повелело есемо измолотиво Криву дати* (№196);

Фофудьи *былъ твоихъ 9 рьклъ я собЬ* (№675); *А* ***прокъ*** *ихъ ископавше яму вметаша в ню бещисла* (НІЛ, СС, 127).

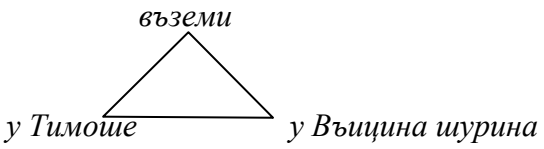
Обилие тематических компонентов чрезмерно осложняет фразу, делает синтаксический каркас предложения трудно вычленимым. Тогда древнерусский автор прибегает к дополнительному маркированию коммуникативной и синтаксической структуры предложения (высказывания), отделяя рему от темы союзом: *Сь святее дьля Варъвре вьверице твое въ городь отъ Домацка* (тема) */ а у Жирослава суть* (рема). (№657) – ‘Вот деньги твои от Домачка, [предназначенные] для [монастыря] святой Варвары, в городе, а лежат у Жирослава’. Актуализация высказывания привела к постановке в начало предложения большого числа второстепенных членов, обозначающих известную информацию, а именно идентифицирующих деньги, о которых идёт речь: ‘Вот деньги твои – те, что для монастыря/ те, что от Ильи/ те, что в городе – вот эти деньги лежат у Жирослава’. Одно из этих определений называет местонахождение денег (*в городе)*. Рема высказывания – это также информация о местонахождении денег: *у Жирослава.* В современном предложении два локатива соединяются в единый член *в городе у Жирослава.* Более того, для современного языка невозможно функциональное объединение определений, ориентированных на разные предикаты (*деньги, которые предназначены для монастыря; деньги, которые находятся в городе*; *деньги, которые получены от Ильи*), независимых от основного предиката предложения. Специфика древнерусского синтаксиса – в его «монтажности», в отличие от сформировавшейся позднее вербоцентричности.

Неконститутивный член, вводимый после номинативного минимума, может образовывать многосторонние связи с исходными членами: ***Въ волости твоеи толико вода пити*** *в городищяньх* (Ст.Р. №10) – ‘В Городище, твоем владении, только воду пить (есть уже нечего) = В волости твоей городищанам только воду пить’:



При инфинитивной конструкции два детерминирующих члена: один формально детерминант места (*въ волости твоеи*), другой – субъектный детерминант (*в городищяньх* ‘жителях Городища’). Невозможность сочетаний: **в городе в москвичах* (с одной стороны), **в городищанах только вода пити* (с другой стороны) доказывает, что идентифицирующее определение вводится в предложение не через состав словосочетания, а накладывается на конструкцию в целом. Идентифицирующая связь представляет собой синтаксическую связь второго яруса.

Дистантный словопорядок определяется не характером синтаксической связи: сильная/слабая, обязательная/ необязательная, предсказующая/непредсказующая[14], а двойными связями словоформы, её включением в предложение не через состав готового словосочетания:



Въземи ***у Тимоше*** *одину на десятЬ грив[ь]ну* ***у Въицина шурина*** *на конЬ* (№78).

В современной разговорной речи наблюдается внешне, казалось бы, сходное употребление предлогов: *К Пете я и пошел, к своему другу* (повтор предлога как способ развёртывания высказывания). Думается, в современном языке мы имеем однонаправленные связи: *я пошел → к Пете → к своему другу*, тогда как в древнерусском синтаксисе ярче проступают двусторонние связи. Аргументом в пользу различного изображения связей в современных и исторических примерах является невозможность в современной литературной, в том числе и разговорной, речи сочетаний типа **работать по учебнику по Розенталя, *общаться с другом с Ивана*, тогда как в историческом синтаксисе такие сочетания востребованы: *граничить с Ивановым селом с Хороброго*, *взял на поручнике на князе на Дмитриеве на Ряполовского на Петре*; *в твоей братьи в вотчинах* – из древнерусских договорных грамот великих и удельных князей XIV-XVI вв.[15]

Вопрос о становлении современных закономерностей порядка слов – это вопрос о формировании фразовых категорий как синтаксических единиц. Свобода перемещения распространяющих членов в составе древнерусского предложения – результат и свидетельство их синтаксической автономности, функционирования не в составе словосочетания, а в составе предложения.

Источники

Новгородская I летопись, Синодальный список – *Полное собрание русских летописей*. Том 3. Москва: Языки русской культуры, 2000. 692 с. ISBN 5-7859-0126-9.

[14] Типология связей дана в: БЕЛОШАПКОВА, В.А. Там же. С. 378-380.

[15] Цитируются по: ВОРТ, Дин. 2006. Повторение предлога в древнерусском. In: Ворт, Дин. *Очерки по русской филологии*. Москва: Индрик, 2006, с. 216-232.

Новгородские берестяные грамоты – ЗАЛИЗНЯК, Андрей Анатольевич. 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е издание. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 867 с. ISBN 5-94457-165-9.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕБЕНКА

Софья Краснощекова, аспирант

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

ndhito@mail.ru

ABSTRACT:
Present article concentrates on the acquisition of Russian relative pronouns. Said pronouns are late to appear if compared to other deictic words. Children start using them at the age of about 3 years. The most widely used are constructions, in which the relative part is connected to the noun or adjective or to the demonstrative pronoun. Children seldom make errors, but there are several differences from the adult language.

1. Относительные местоимения как разряд дейктических местоимений

К дейктическим местоимениям принято причислять местоимения тех разрядов, которые так или иначе связаны с «точкой отсчета», или дейктическим центром – «я, здесь, сейчас» (личные местоимения – персональный дейксис, указательные местоимения – пространственный дейксис и т.д.). Дейксис обычно делится на первичный (собственно дейксис, собственно указание) и вторичный/ нарративный, или анафору.[1] Во втором случае дейктическое слово связывается не напрямую с объектом внеязыковой действительности, а с предыдущим или последующим отрезком текста. Относительные местоимения и соответствующие местоименные наречия (*который, кто, что, как, когда* и пр.) всегда употребляются анафорически и не появляются в изолированных конструкциях. Таким образом, хотя они отстоят далеко от области первичного дейксиса, их можно считать анафорическими наряду с местоимением *он* и *этот* и, соответственно, дейктическими и в этом контексте рассматривать их усвоение ребенком.

2. Появление первых местоимений

Первые дейктические местоимения появляются в речи русскоязычных детей в возрасте 1;3–1;5[2] лет. Обычно это неизменяемые местоименные наречия *там* и *тут*.

[1] КИБРИК, Андрей. 1983. Об анафоре, дейксисе и их соотношении. In: *Разработка и применение лингвистических процессоров*. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1983, с. 107-129.

[2] Здесь и далее возраст детей приводится в формате «количество лет; месяцев; дней», например: 1;5;2 – один год, пять месяцев, два дня.

Первые изменяемые дейктические слова начинают употребляться в возрасте 1;8–1;10: личные и притяжательные (*я, мой*) и указательные (*этот*) местоимения. Анафорические отношения возникают у ребенка с началом использования личного местоимения третьего лица *он*. Несмотря на распространенность анафорической функции в речи взрослых, в речи маленьких детей она играет крайне небольшую роль. Если указательные местоимения в речи взрослых одинаково часто употребляются в указательной и в анафорической функции, то для ребенка до 3;6–4 лет количество анафорических употреблений остается на уровне 5–10% от всех зафиксированных контекстов с интересующими нас местоимениями. Это можно объяснить тем, что на ранних этапах речевого развития ребенок не способен порождает длинные и синтаксически сложные предложения и поэтому не испытывает необходимости в нарративных элементах. С развитием синтаксической системы и с появлением связных нарративов возрастает и число анафорических конструкций. Это справедливо и для относительных местоимений: хотя дети начинают употреблять их до 3 лет (в зависимости от ребенка это происходит в возрасте от 2;4 до 2;8), подчинительные конструкции фиксируются крайне редко и становятся более регулярными ближе к 4 годам.

Таким образом, относительные местоимения можно считать «поздними». Если включать их в классификацию местоимений по возрасту усвоения, они попадают в одну группу с возвратными местоимениями *себя* и *свой* и с указательным местоимением *тот*. Эти местоимения начинают использоваться после так называемого «местоименного взрыва», который происходит в возрасте 2;4–2;6 лет и характеризуется всплеском частотности уже освоенных местоимений и бурным развитием новых значений и функций. В этом возрасте осваивается анафорическая функция. «Поздние» местоимения сложны для ребенка из-за своих синтаксических свойств и из-за неэлементарного значения. К тому же, можно предположить, что до определенного возраста ребенок не испытывает в этих местоимениях необходимости: местоимения *тот* и *этот* воспринимаются как взаимозаменяемые; значения возвратных местоимений передаются личными и притяжательными, а подчинительные конструкции с относительными местоимениями не появляются, пока ребенок оперирует только простыми предложениями.

3. Материал

В качестве материала здесь используются расшифровки аудио- и видеозаписей и родительские дневники из Фонда данных детской речи РГПУ им. Герцена и базы

CHILDES. Анализируются записи речи четырех детей (два мальчика и две девочки) в возрасте от 2;2 (первая фиксация относительного слова в нашем материале) до 4;1 лет. Всего было обнаружено 150 контекстов с относительными словами. Этого недостаточно, чтобы делать статистически значимые выводы, но позволяет делать некоторые заключения о тенденциях в развитии детской речи и дает возможность описать выстраивание индивидуальной системы местоимений у конкретного ребенка.

4. Типы конструкций с относительными словами в речи детей

Среди относительных конструкций выделяются конструкции, в которых подчинительная часть присоединяется к сказуемому, и конструкции с «опорным словом», которое может быть полнозначным словом или указательным местоимением/ местоименным наречием из так называемой «т-группы»[3]. Материал показывает, что в детской речи разумно выделять следующие типы конструкций:

– указательное слово + относительное слово;

– полнозначное слово (существительное, прилагательное, наречие) + относительное слово;

– сказуемое + относительное наречие *где, когда, потому что*;

– сказуемое + изъяснительная часть.

Конструкции первого типа можно назвать «катафорическими». Если при традиционной анафоре местоимение связывается с предыдущим участком текста, то при катафоре оно отсылает к последующему тексту. В конструкциях с опорным указательным словом последнее выполняет катафорическую функцию: кореферентный ему участок текста (придаточное предложение) следует за ним. В речи детей такие конструкции занимают значительную часть: из 150 обнаруженных относительных конструкций 40 содержат указательные слова, при том что количество примеров в каждой из других групп также находится в диапазоне от 30 до 40. Катафорические конструкции показывают, в какой мере ребенок овладевает указательными местоимениями, и дают возможность судить о ходе развития местоименной системы.

Самым распространенным опорным словом здесь является *такой*. Если в речи взрослых основная часть соответствующих катафорических контекстов приходится на долю местоимения *тот*, то в речи детей *тот* появляется крайне редко. В нашем материале обнаружено два контекста с *тот*. Для сравнения, в устном подкорпусе

[3] ИВАНОВА, Анна. 1982. Слово «это» в письменной и устной речи. In: *Русский язык в школе*. 1982, №2, с. 80-86.

Национального корпуса русского языка[4] (НКРЯ) 22820 примеров для «тот (то), что» с расстоянием от 1 до 3 слов между заданными местоимениями и 5749 примеров для «тот, который» без учета формы. С другой стороны, 18 из 40 контекстов в нашем материале включают *такой*, в то время как общее количество примеров с «такой, который», «такой, как» и «такой, что» в НКРЯ составляет 6635. Известно, что *тот* вообще представляет сложность для освоения. Параллельное для «здесь–там» и «этот–тот» противопоставление по близости–дальности не актуально для маленького ребенка; *тот* легко заменяется на *этот* или *там*. *Тот* появляется на 4–6 месяцев позже, чем *этот*, и в начале используется в значении «другой», «правильный».

На этапе «местоименного взрыва» ребенок выбирает «дефолтные» местоимения: за каждым местоимением закрепляется одна функция. Так, *он* выступает как дефолтное анафорическое местоимение, *этот* – как дефолтное указательное. Вероятно, *такой* можно по аналогии считать дефолтным катафорическим, несмотря на то, что подчинительные конструкции начинают регулярно использоваться после «местоименного взрыва». Отработав на *такой* конструкцию, ребенок переносит уже освоенные подчинительные катафорические отношения на другие сочетания.

Итак, самыми распространенными являются конструкции «такой, как» и «такой, что»; возможны также «такой, который», «такой, чтобы» и «такой, где».

(1) ***Такой*** *зеленый,* ***как*** *телефон.* (Аня, 2,6,13)

(2) ***Такая*** *знак,* ***что*** *у него нету колес.* (Ваня, 3;3;18)

(3) *Откуда мы взяли отворот* ***такой, который*** *сломался?* (Витя, 4;0;3)

Из других указательных слов с относительными сочетаются *там* («там, где» и «там, когда»), *тогда* (+ *когда*), *так* и *туда*.

(4) <…> ***Туда, где*** *мы спим.* (Ваня, 3;0;20)

Что касается относительных слов, то самыми частотными являются адъективные (временные и локативные) конструкции с неизменяемыми наречиями *когда* и *где*. Сходное явление обнаруживается и в группе указательных слов. Неизменяемые локативные наречия появляются в речи ребенка первыми из дейктических элементов и раньше других приобретают новые функции, а также чаще употребляются в неядерных функциях, чем другие указательные слова. Это объясняется их фонетической простотой и легкостью для запоминания и воспроизведения. Можно предположить, что подобный

[4] Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru

процесс характерен для ребенка и при усвоении относительных слов. В этом случае основным критерием служит не фонетическая легкость, а неизменяемость элемента.

Конструкции второго типа можно разделить на три подтипа по опорному слову: конструкции с существительными, с наречиями и с прилагательными. Количество этих конструкций в нашем материале не превышает числа конструкций первого типа (37), причем конструкции с существительными занимают основное место. Существительные, как и в речи взрослых, сочетаются с относительными словами *который* и *какой*. В придаточной части возможны и относительные наречия *где, когда* и *чтобы*. Отдельно следует упомянуть сравнительные предложения с *как*.

(5) *Я* ***кот, который*** *любит винегрет и всякие вещи такие ... свеклу.* (Лиза, 4;1;29)

(6) *А вот* ***уши, как*** *у козы.* (Ваня, 3;6;20)

Тем не менее, здесь, в отличие от предыдущей группы, нет значимых отличий от речи взрослых. Исключение составляет смешение *который* и *какой*, о чем см. ниже (раздел 5). Прилагательные присоединяют сравнительные обороты с *как*. Зафиксированы также два маргинальных употребления *кто* и *который*, причем в обоих случаях употреблено субстантивированное прилагательное с обобщающим значением: *разные* и *всякие*. Эти примеры можно, таким образом, отнести к конструкциям с существительными и сделать вывод, что ребенок использует прилагательные с относительными словами только при сравнении.

(7) *Я* ***голодная*** *пришла,* ***как*** *волк или* ***как*** *собака.* (Лиза, 4;1;29)

(8) *Я только умею чинить, по-другому чинить* ***разные, которые*** *чинятся хорошо.* (Витя, 3;6;25)

Наречия сочетаются исключительно с *когда*. Все 4 обнаруженных примера располагаются между конструкциями первой и второй группы: временные наречия *потом* и *всегда*, выступающие здесь как опорные слова, близки к местоимениям/ местоименным наречиям и в некоторых работах включаются в их число.[5]

(9) ***Потом, когда*** *у меня перестанет болеть живот, я ее попробую.* (Лиза, 3;10;1)

Конструкции, в которых относительная часть зависит от сказуемого, появляются примерно с такой же частотой, что и две первых группы (в нашем материале обнаружено 33 таких употребления). Основные относительные слова – *когда* и *где*,

[5] КРЫЛОВ, Сергей. 1997. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы. In: *Семиотика и информатика*, вып. 35. М.: Русские словари; Языки русской культуры, 1997, с. 244-271.

реже *потому что*. С другой стороны, ребенок сочетает со сказуемым *который/какой* и *чтобы*; в этом случае пропускается субстантивный в норме актант, к которому должна присоединяться относительная часть.

(10) *Остановилась,* ***которая*** *людей спасает.* (Витя, 4;0;6)

Такой эллипсис описан в русской разговорной речи как одна из разновидностей полипредикативных идентифицирующих конструкций[6] и, следовательно, может проистекать как из особенностей языковой системы ребенка, так и из речевого окружения, инпута.

Определенную часть корпуса относительных конструкций занимают изъяснительные сочетания (в нашем материале их 37), которые связаны с полем относительных местоимений лишь отчасти: относительное *что* обычно выступает как союз. Кроме этого, возможно сочетание с *какой* («смотри, какой…»), а также *где* и *как*. Большинство употреблений не вызывает сомнений у взрослого носителя языка. Изъяснительные предложения присоединяются к глаголам мысли и речи (*скажи, думаю, знаешь*) и к глаголам группы «смотреть».

(11) *Смотри,* ***какая*** *кошка сидит.* (Ваня, 3;4;6)

5. Ошибки и сомнительные с точки зрения взрослого употребления

В некоторых случаях ребенок порождает если не ошибочные высказывания, то такие, которые выглядят для взрослого носителя несколько сомнительно. Можно выделить несколько «ошибочных» типов.

а) Инверсированные конструкции, в которых придаточная часть идет перед главной. Если в главной части есть опорное местоимение, то оно выполняет анафорическую функцию. Инверсированные варианты возможны у конструкций первого и второго основных типов.

(12) ***Когда*** *будет дождь и мы пойдем,* ***тогда*** *мы спрячемся.* (Ваня, 4,0,9)

(13) *Чашечку выбрать хочешь?* – Р: ***Наверху которая****, надо мне..* (Витя, 3,0,11)

В некоторых случаях инверсия придаточной части сочетается с так называемым «поддерживающим» местоимением. Местоимения *он* и *этот* в поддерживающей функции обычно следуют за именительным темы (*эта книга, она лежит на столе)*, но иногда употребляются шире – после предикативных конструкций.

(14) ***Где*** *там дорожка такая бетонная, я* ***по ней*** *вот стукнулся.* (Ваня, 3;1;9)

---

[6] ЗЕМСКАЯ, Елена – КИТАЙГОРОДСКАЯ, Маргарита – ШИРЯЕВ, Евгений. 1981. *Русская разговорная речь*: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1987. 276 с. – с. 260.

В целом, инверсия такого рода не противоречит правилам русской разговорной речи. Однако это может свидетельствовать и о том, что ребенок при построении высказывания руководствуется исключительно прагматическим принципом: тема всегда предшествует реме. Прагматические отношения для ребенка важнее синтаксических.

б) Конструкции первого типа, в которых указательное слово «т-группы» заменяется на соответствующее ему слово «группы близости»: *здесь* вместо *там*, *этот* вместо *тот*.

(15) *Сейчас пока же их нет,* ***этих****…,* ***которые*** *едят ветки*. (Лиза, 3,10,3)

Такие высказывания не запрещены в речи взрослых. В речи ребенка они могут появляться из-за того, что оппозиция близость–дальность здесь не актуальна и не помогает разграничить две группы указательных слов; другие критерии различения еще не выработаны, и «близкие» и «дальние» местоимения смешиваются.

в) Рифмованные конструкции первого типа, в которых указательное слово заменяется на второе относительное: «когда, когда» вместо «тогда, когда»/ «когда, тогда».

(16) ***Когда*** *оденешь,* ***когда*** *увидишь злых котов.* (Ваня, 3,6,20)

Вероятно, ошибочное употребление возникает из-за фонетического сходства местоимений: не рифмующиеся *там* и *где* и т.д. не смешиваются.

г) *Который* заменяется на *какой*. Замена в основном характерна для конструкций второго типа с существительными; отмечено одно употребление с опорным *такой* (возможно, здесь действует тот же принцип, что и в предыдущем пункте) и два употребления при сказуемом без опорного слова.

(17) *А, а там говорил крокодил,* ***какой*** *читал книгу.* (Ваня, 3;5;27)

Можно предположить, что определенную роль здесь играет разница в наборах вопросительных и относительных местоимений: если *когда, где, что, как* одинаково употребляются и в вопросительных, и в относительных контекстах, то *какой* принадлежит в большей мере вопросительному полю, а *который* – относительному. Кроме того, относительное *какой* используется в изъяснительных конструкциях, где редко используется синтаксически подобное ему *который*. Ребенок устраняет это несоответствие и унифицирует наборы местоимений, распространяя *какой* на все относительные контексты.

6. Формальные особенности местоимений

Самыми частотными падежными формами изменяемых относительных местоимений являются, как и следовало ожидать, формы именительного падежа. Кроме этого, зафиксировано 7 форм винительного падежа и 3 формы родительного падежа с предлогом «у». Это нормальное распределение для такой маленькой выборки: винительный падеж занимает второе место по частотности после именительного для существительных в речи детей; притяжательные формы, в том числе формы родительного падежа с предлогом, распространены для одушевленных существительных. Другие падежные формы не обнаружены, вероятно, из-за неполноты выборки. Формы единственного числа превалируют над формами множественного: обнаружено всего 4 контекста с формами *которые* и *какие*. Что касается рода, то формы мужского и женского рода употребляются равномерно, но с небольшим отклонением в сторону мужского рода. Большинство косвенных падежных форм приходится на долю женского рода. Это объясняется четкими, выпуклыми и простыми для артикуляции окончаниями винительного и родительного падежа. Отмечается одна форма среднего рода, что нормально для детей раннего возраста: средний род в русском языке усваивается поздно и долгое время смешивается с женским родом.

Ошибки и инновации в окончаниях не являются специфическими для относительных местоимений и стандартны для прилагательных.[7] Ошибки возникают в окончаниях адъективного склонения и при согласовании с существительными.

7. Выводы

Таким образом, относительные местоимения принадлежат к числу поздних дейктических элементов. Появление и распространение в том возрасте, когда ребенок оперирует уже достаточно сформировавшейся языковой системой, обуславливает небольшое количество ошибок при употреблении и формообразовании. Освоена как функциональная база (анафорические отношения), так и формальная (окончания адъективного склонения). Некоторую сложность для ребенка представляют синтаксические характеристики относительных конструкций, однако они не затрудняют понимание детских высказываний собеседником. Тем не менее, относительные местоимения и соответствующие конструкции остаются низкочастотными по крайней мере до 4 лет. Для того чтобы выяснить, как

[7] ВОЕЙКОВА, Мария. 2000. Формальные особенности парадигмы прилагательного и ее усвоение детьми. In: *Речь ребенка: ранние этапы.* Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике, вып. 1. СПб.: [б.и.], 2000, с. 147-169.

окончательно оформляется система относительных местоимений, требуется дальнейшее изучение речи старших детей.

Литература

ВОЕЙКОВА, Мария. 2000. Формальные особенности парадигмы прилагательного и ее усвоение детьми. In: *Речь ребенка: ранние этапы.* Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике, вып. 1. СПб.: [б.и.], 2000, с. 147-169.

ЗЕМСКАЯ, Елена – КИТАЙГОРОДСКАЯ, Маргарита – ШИРЯЕВ, Евгений. 1981. *Русская разговорная речь*: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1987. 276 с.

ИВАНОВА, Анна. 1982. Слово «это» в письменной и устной речи. In: *Русский язык в школе*. 1982, №2, с. 80-86.

КИБРИК, Андрей. 1983. Об анафоре, дейксисе и их соотношении. In: *Разработка и применение лингвистических процессоров*. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1983, с. 107-129.

КРЫЛОВ, Сергей. 1997. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы. In: *Семиотика и информатика*, вып. 35. М.: Русские словари; Языки русской культуры, 1997, с. 244-271.

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ НАЗВАНИЙ ЛОТОСА В САНСКРИТЕ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Куруськина Екатерина, аспирант

Кафедра славянской филологии, факультет русской филологии Московского государственного областного университета

katerina.kuruskina@gmail.com

ABSTRACT:
In this paper we focus on studying the cognitive basis of the names of the lotus flower in ancient Hindu and Slavic cultures, that is the lexico-semantic group of the ancient names of the lotus flower viewed in comparative aspect. We analyze the nomination and secondary nomination principles relative to this lexico-semantic group of words in Sanscrit and Russian, as well as the cultural, philosophical and linguocultural foundations that can be utilized for describing various aspects of the Russian language from the viewpoint of the studies of the modern Russian language or the reconstruction of the ancient protolanguage and protoculture.

По мнению языковедов, одним из самых устойчивых и надёжных хранителей информации является язык. Именно в языке может храниться достоверная информация о прошлом человечества, о его происхождении и когнитивной деятельности. Учёные говорят о возможности существования в далёком прошлом одного источника языков и народов, единого праязыка и працивилизации.

Этимологический и компонентный анализ единиц праславянского лексического фонда отдельных тематических и семантических групп русского языка, проведённый в синхронно-диахроническом аспекте, даёт возможность утверждать, что многие лексико-семантические группы восходят к санскриту, в том числе многие древние фитонимы. Этот фрагмент языковой картины мира важен для семантической и лексической типологии, разработки вопросов истории отдельных слов в семантических переходах, а также для реконструкции древнего праязыка.

В наше сложное, переходное время, когда глобализация семимильными шагами шествует по миру, когда народы теряют свое культурно-историческое самосознание и самобытность, забывают о своих корнях, что неизбежно приведёт их к гибели, распаду и растворению в мировом сообществе, с особой актуальностью встают проблемы изучения истоков. Познать прошлое значит сохранить настоящее и создать будущее. Взгляд вглубь истории нашего языка – это один из верных способов сохранить

самосознание народа и вернуть ему древнее величие. С этой целью нами исследовался фрагмент языковой картины мира – названия цветов в русском языке в фокусе его сопоставления с санскритом. Выбор этой лексической группы обусловлен её принадлежностью к наиболее древним пластам лексики, характеризующимся особой устойчивостью.

Славянский и индийский народы являются одними из самых близких в лингвокультурологическом плане среди индоевропейских. Растения имели огромное значение в их жизни, затрагивая различные её сферы (использовались в быту как сельскохозяйственные культуры, в сакральном аспекте как эзотерические и религиозные атрибуты).

Понятие «лотос» в санскрите имело несколько наименований, в основе каждого из которых обнаруживается определённый признак, характеризующий в национальном миропонимании данное растение. Вместе эти наименования формируют лексико-когнитивное гнездо, образующее общее представление о лотосе в культуре санскрита.
Самая большая группа наименований – лексемы со значением «общее название цветка». Сюда относятся следующие лексические единицы, обозначающие эти растения в целом:
abja (ap+ja), *toya-ja, uda-ja, pātho-ja, padma, padminī, putakini, ara-vinda, bisinī* – лотос, *kamala, nalina* – «цветок лотоса», *ka-ja* – «цветок лотоса (ka – солнце, душа, тело, время, радость, веселье, вода – метафизическое понятие)», *nalini* – «цветок лотоса, кувшинка», *kúvala* – «юююба, плод юююбы, кувшинка, лотос».

Лотос отождествляется с некоторыми другими растениями, что основано на внешнем сходстве цветков. Лексема *kaja,* одна из наиболее часто употребляемых, в основе своей содержит метафизическое значение, выраженное корнем, обозначающим целую совокупность понятий. В одном слове сочетается несколько смыслов сразу, причём эти смыслы не выделяются в отдельные семантические значения, а являют собой общее абстрактное представление о благе. Один из компонентов этого представления – вода; лотос – дитя воды – дитя блага. Содержа в себе всю сложную совокупность компонентов, лотос представляет как бы квинтэссенцию блага и становится его символом.

Основным мотивирующим признаком для названия лотоса является среда его произрастания, отсюда множество лексем со значением «рождённый в воде» в различных вариациях, в этой группе наименований четко прослеживается типичная номинационная модель названий растений:

ambu-ja – «водяной, рождённый в воде», *jala-ja* – «рождённый в воде, жемчужина», *nīra-ja* – «рождённый в воде, жемчуг», *vana-ja* – «рождённый в лесу или в воде; голубой лотос», *sarasi-ja* – «выросший в пруду», *sarasa* – «озёрный», *pañka-ja,* «рождённый в болоте», *vāri-ja* – «рождённый в воде, раковина, кувшинка», *sārasa* – «озёрный; индийский журавль; лебедь», *sarasi-ja* – «выросший в пруду».

В восточной традиции лотос используется для обозначения трёх этапов духовного роста человека. Подобно лотосу, существующему в трех стихиях - воде, земле и воздухе, - человек живет в материальном, интеллектуальном и духовном мирах. Корни лотоса живут в грязи, стебли пробиваются сквозь толщи воды, прекрасные цветы являют миру своё великолепие над её поверхностью. Вода, где растет лотос, символизирует изменчивый мир иллюзий. Представление о лотосе как о средоточии духовной энергии актуализировано в тех номинантах, в значениях которых фигурирует жемчуг. Вспомним одну из самых известных мантр – «Ом мани падме хум». Она имеет множество трактовок, связанных с толкованием смысла сакральных звуков составляющих её слогов. Однако дословно её можно перевести так: «О жемчужина, сияющая в цветке лотоса!».

Разнообразие названий лотоса, несущих одну и ту же смысловую нагрузку, является прямым следствием разнообразия названий воды, различных её ипостасей как одного из четырёх первоэлементов, её сакральных и эзотерических значений. С образом лотоса связаны две ипостаси воды: стоячая вода, символизирующая иллюзорный мир, и дождь, обозначающий жизненную силу, проливающуюся с небес, божье благословение. Именно образ воды-дождя, воды струящейся, текущей лёг в основу наименований этого цветка, отождествляемого с проявлением божественной благодати.

В древности понятие «лотос» включало несколько видов растений, которые современная наука относит к разным родовым группам. В их числе: Nelumbo nucifera – лотос орехоносный (лат. Nelumbo – род двудольных растений, единственный представитель семейства лотосовых (лат. Nelumbonaceae)); растения рода кувшинковых, или нимфейных (лат. Nymphaeaceae), среди них – кувшинка голубая, или голубой лотос (лат. Nympheae caerulea), Nympheae lotus, кубышка желтая (лат. Nuphar lutea) и, возможно, некоторые другие виды кувшинок. Все эти виды не являются специфически южными, распространены и на российской территории, что позволяет нам использовать наименования этих растений в качестве материала для исследования семантической эволюции древних фитонимов от санскрита до наших дней.

В этой группе наименований лотоса есть лексема, семантически связанная с наименованиями птиц. Это характерная черта древних фитонимов и зоонимов: они развиваются во взаимодействии. Образ птицы является неотъемлемым элементом философско-религиозной, культурной системы, ритуалов и традиций. Образ птицы, за некоторыми исключениями, является положительным. В ряде случаев мотивирующим признаком для названия лотоса становится сравнение его по внешним признакам, в частности цветовым характеристикам, и символическим значениям с образами определенных птиц (*sārasa* – «озерный; индийский журавль; лебедь», с образом лебедя связывается представление о чистоте, изяществе, поэзии и любви). Подобное встречается и в группе слов, обозначающих голубой лотос:
nīla-padma – «голубая водяная лилия», *utpala* – «цветок голубого лотоса», *púṣkara* – «голубой лотос, вид журавля», - а также в группе «белого лотоса», о которой речь пойдет ниже.

Голубой лотос сравнивается с журавлём по нескольким основным причинам. Прежде всего, это тот факт, что все виды рода птиц «журавли» (лат. Grus) связаны с водными и заболоченными территориями. В данном случае сравнение идет с конкретным видом журавля – Grus antigone, индийским журавлём. Голубоватое оперение индийского журавля и особенно длинная цветоножка, поднимающая цветок голубого лотоса над поверхностью воды, обосновывают сравнение по внешним признакам. Другой аспект метафоры – символический. Журавль – посланник богов, проводник в мир божественного, в измененные состояния сознания. С образом журавля также связано имя одной из дашамахавидья, десяти женских божеств мудрости, - Багаламукхи, обладавшей гипнотическим даром, – «та, чье лицо имеет силу управлять»; другая интерпретация имени богини – «имеющая лик журавля». Цветки и листья голубого лотоса включены в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В древности лепестки и листья голубого лотоса использовались для изготовления ритуальных благовоний и специальных настоев, обладавших психоактивными свойствами.

К этой группе наименований примыкает другая – наименования синего лотоса:
nīla-saroruha – «синяя кувшинка», *indivara* – «пчела; цветок синего лотоса», *nīlābja, nīlāmbhoja, nilotpala* – «синий лотос», *rājīva* – «полосатая рыбка; синий лотос».

Главным признаком, положенным в основу наименования синего лотоса, можно назвать его «полосатость», отсюда сопоставление с полосатой рыбкой и пчелой, тело

которой также покрыто желтыми полосками. Наличие полосок касается не только цветков, но и листьев растения.

Другая широко представленная группа – названия белого лотоса: *puṇdárīka* – «белый лотос, символ красоты и непорочности», *kalhāra* – «цветок белой водяной лилии», *kúmuda* – «белый лотос Nymphaea esculenta, красный лотос Nymphaea rubra» (разновидности кувшинки пушистой Nymphaea pubescens), *saugandhika* – «благоуханный, белый или голубой лотос», *hari-netra* – «глаз Хари, цветок белого лотоса; сова; желтоглазый», *çata-dala* – «имеющий множество листьев; павлин; дятел; цветок лотоса», *sita-kamala* – «белый лотос (sita – белый, светлый)», *saugandhika* – «благоуханный; белый или голубой лотос», *candrá-kantā* – «любимый луною или месяцем», название драгоценного камня (букв. «любимец луны»), белый лотос, цветущий ночью; *çaçi-kantā* – «лунный камень (букв. возлюбленный луны), белый цветок лотоса (распускающийся ночью)».

Белый лотос – классический, традиционный образ. Один из восьми буддийских символов доброго предзнаменования. Интересно подробней рассмотреть название «*hári-netra*». Ключевой составляющей здесь является *hári*. Хари – одно из имен Вишну и Кришны, *hári* – желтый, золотой, зелёный. Исторически слово родственно русским «золото», «жёлтый» и «зелёный».

Белый лотос представляет собой цветок с белыми или кремоватыми лепестками и яркой жёлтой серединкой, отсюда и метафора. С одной стороны, слово *hári-netra* выражает метафорическое значение - «око божества», тем самым в очередной раз это значение подтверждая. С другой стороны, имеет более приземленное значение: «желтоглазый», отсюда – наименование совы среди прочих толкований. Знаменательно появление совы в этом ряду лексических значений и тем, что сова – ночная птица, а также является традиционным символом мудрости. Мотивирующим признаком для названия белого лотоса становится особенность его цветения: большую часть времени, днём, цветок слегка погружён в воду и как будто дремлет, вечером же он раскрывается и предстает во всей красе ночью, под утро погружается обратно в дремоту. Это свойство белого лотоса породило «лунные» метафоры в его наименованиях; в эзотерике эпитет «лунный» обыкновенно свойственен понятиям и явлениям, для которых характерна интроверсия, созерцание, хотя все водные растения, листья которых расположены над поверхностью воды, считаются гелиотропами.

Противоположность «ночным» лотосам составляют лотосы «дневные»: *kuçeçaya* – «лежащий на траве куша, дневной лотос», *jalaja-kusuma* – «цветок дневного лотоса»,

tāmarasa – «дневной лотос».

Что касается образа лотоса в славянской традиции, здесь можно сказать следующее.

В русской речи в современном употреблении смешаны и перепутаны понятия «лотос», «кувшинка», «водяная лилия» и «кубышка». Ботанические термины используются некорректно, несколько растений различных видов, родов и семейств объединяются в один собирательный образ «кувшинки» - растения, чей удивительной красоты цветок плавает на поверхности воды или парит на изящном стебельке над нею и наряду с корнями используется для приготовления лечебных и магических снадобий.

Очень часто в славянском фольклоре, в старинных травниках, сборниках рецептов, сонниках и магических руководствах фигурирует так называемая одолень-трава. Существует несколько версий относительно принадлежности этого растения к тому или иному ботаническому виду, но по одной из самых распространенных и имеющих наиболее убедительные подтверждения, одолень-трава есть не что иное, как кувшинка/лотос.

Считалось, что одолень-трава обладает мощными магическими и целебными свойствами, поэтому издавна она относилась к Купальским травам, сбор и применение которых обязательно входят в ритуальный комплекс празднования летнего солнцестояния. Имя «одолень-трава» носит не только само растение, но и его древний сакральный символ, относящийся к солярной эмблематике (другое его название – Двойной огненный знак). Солярные знаки представляют собой различные варианты свастики, с дополнительными кругами и ответвлениями, указывающие на взаимодействие с определенными энергиями, но всегда сохраняющие общее значение классической свастики как эмблемы жизни, света и колеса бытия.

Одолень-трава спасала от злых духов, лжи, недугов, помогала восстановить внутреннюю гармонию, преодолеть своё собственное низменное начало, откуда и название растения, но одним из основных способов применения одолень-травы было приготовление психотропных зелий и «любовных эликсиров» (вспомним, что говорилось выше об определенных свойствах лотоса).

Как в индийской культуре, так и в славянской образ этого растения связывался с образами божественных созданий, но в древних славянских поверьях это создания скорее магические. У славян представление о лотосе/кувшинке традиционно ассоциируется с образами русалки и болотницы (в отличие от русалок, вместо хвоста имеет перепончатые лапы, как у водоплавающей птицы, но неописуемо прекрасна;

живёт в огромном цветке кувшинки/лотоса). Здесь непременно на ум приходит индийская богиня Лакшми, рожденная из золотого лотоса, поднявшегося над головой её мужа Вишну-Нараяны. Существовало множество самых разнообразных поверий и преданий, связывавших загадочные цветы и женских водяных духов.

На территории современной России наиболее распространен лотос орехоносный (в санскритской лексике обозначаемый как дневной лотос), выделяется два основных очага его произрастания: в Астраханской области и на Дальнем Востоке, поэтому для изучения сохранившихся древних названий лотоса следует изучать именно лексику говоров этих регионов. Что касается кувшинки белой, то здесь основную область исследования представляет европейская часть России, Урал и Западная Сибирь.

В западносибирских, уральских и говорах европейской части России сохранился ряд лексем санскрита из приведенных выше тематических групп, однако эти лексические единицы претерпели некоторые изменения с течением времени и требуют особого комментария. Нашей же задачей в данной статье было задать общее направление мысли в исследовании когнитивных оснований названий лотоса в древней индийской и славянской традициях, подробное рассмотрение собственно лексики приводится в основном тексте нашей диссертационной работы.

Анализ данных диалектных и этимологических словарей показал, что как наиболее продуктивные и устойчивые признаки, ложащиеся в основу номинации лотоса, с древних времен сохранились универсальный когнитивный признак, которым является цвет, а также среда обитания (произрастания) – водная, способность держаться на воде, плавать. Реже встречаются названия, в основе которых вербализован признак взаимодействия представителей животного мира и философское значение образа-символа. С различными вариациями чаще всего встречаются названия типа: балаболка, белые курочки, блискалка, бобряк (поедается бобрами), водяная маковка, водяной попутник, водяной цвет, глечики белые, мак водяной, молич, одолень-трава, одолень, плывучник, русалочий цветок, русалкин цвет. Среди наиболее распространенных мотивем – названия русалок, различные их вариации. Также, встречаются упоминания о лотосе как о «астраханской розе», «чулпанской розе» (по названию села в Астраханской области), лилии и маке.

С точки зрения особенностей философско-религиозной, культурной системы, ритуалов и традиций, можно отметить, что индийской традиции больше свойственна интроверсия, созерцание, «лунный темперамент», в то время как славянской – «солнечный», экстраверсия, действие. Эта особенность в числе прочих обосновывает

выбор пути развития слов, понятий и представлений. Выявляются определенные пути трансформации лексем от санскрита до современного русского языка и модели семантических переходов и переходов символических значений, которые позволяют в дальнейшем сделать вывод о близости культур, сходстве мыслительных процессов, когнитивной деятельности человека в целом, что говорит о сходстве, общности окружающей действительности и, следовательно, о первоначальном единстве культур.

КОЧЕРГИНА, Вера, 2005. *Санскритско-русский словарь.* Москва: Академический проект, Альма Матер, 2005. 944 с. ISBN 5-8291-0498-9.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (под ред. О.Н. Трубачева). Москва: Наука, вых. с 1974.

Словарь русских народных говоров. Москва: Наука, вых. с 1965.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем, 2001. Москва: Астрель, Миф, 2001. 576 с. ISBN 5-17-008096-4.

FENOMÉN INTERTEXTUALITY V EKONOMICKÝCH TEXTOCH

Mgr. Lucia Molnárová

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre

lucia.molnarova@ukf.sk

РЕЗЮМЕ:
Статья посвящена проблематике интертекстуальности в экономических текстах. На материалах научных, научно-популярных и публицистических экономических текстов приводятся конкретные примеры интертекстуальности. В научных текстах она существует в виде ссылки на источник информации. В научно-популярных и публицистических текстах присоединяется и стремление заинтересовать адресата и привлечь его внимание. Интертекстуальность является специфичным признаком всех видов текстов, и ее мера повышается.

Vzájomný vzťah medzi rôznymi textami môže existovať v nasledujúcich rovinách: intertextualita – prítomnosť dvoch alebo viacerých textov v jednom texte; paratextualita – vzťah textu k jeho častiam (záhlavie, doslov, epigraf, ilustrácie a pod.); metatextualita – odkazovanie textu na iné texty toho istého autora; hypertextualita – parodovanie textu iným textom; architextualita – medzižánrový vzťah textov[1]. Intertextualita ako dialogickosť textu vo vzťahu k iným textom je úzko spätá s informatívnosťou, ktorá je jednou zo základných kategórií textu. V danom príspevku sa sústredíme na intertextualitu v ekonomických textoch. Na materiáli konkrétnych vedeckých, populárno-náučných a publicistických ekonomických textov budeme prezentovať jednotlivé prvky intertextuality a ich funkciu v rôznych typoch ekonomických textov. Problematike intertextuality sa venujú mnohí autori (M. M. Bachtin, G. Genette, J. Kristevová, J. M. Lotman, J. Homoláč a i.). Podľa I. R. Gaľperina text môže z hľadiska jeho pragmatickej funkcie obsahovať rôzne druhy informácií, a to: a) obsahovo-faktuálne informácie, b) obsahovo-konceptuálne informácie, c) obsahovo-podtextové informácie. Obsahovo-faktuálne informácie hovoria o faktoch a udalostiach, ktoré sa dejú, udiali sa alebo sa ešte len udejú (môžu to byť rôzne vedecké hypotézy, predpoklady, zistenia a pod.). Obsahovo-faktuálna informácia je explicitná a vždy verbálne vyjadrená. Obsahovo-konceptuálne informácie hovoria o autorovom individuálnom ponímaní súvislostí medzi

[1] porov. s. 18 – 19, GENETTE, G. 1997. *Paratexts. Tresholds of Interpretation.* Cambridge University Press: 1997. 427 s. ISBN 0-521-42406-2.

javmi, ktoré opisujú obsahovo-faktuálne informácie. Tento druh informácií nie je vo všetkých prípadoch vyjadrený explicitne, je charakteristický najmä pre umelecké texty, ale môžu ho obsahovať aj texty populárno-náučné. Rozdiel spočíva v tom, že kým vo vedeckých textoch je obsahovo-konceptuálna informácia vyjadrená explicitne, v umeleckých textoch sú pre jej dekódovanie potrebné zintenzívnenie myšlienkovej činnosti príjemcu. Obsahovo-podtextové informácie sú skryté informácie, ktoré môžu byť vyvodené na základe obsahovo-faktuálnych informácií, a to vďaka asociatívnym a konotatívnym významom jazykových jednotiek[2].

Takýmto spôsobom sa dostávame k problematike implicitnej a explicitnej informácie obsiahnutej v texte. „Vzájomný pomer medzi explicitnosťou a implicitnosťou informácie je daný prirodzenou mierou proporcionality a optimalizácie. Presýtenosť explicitnosti môže mať za následok výrazovú redundantnosť a ťažkopádnosť, nadmerná implicitnosť môže viesť k neporozumeniu zmyslu alebo ku komunikačným nedorozumeniam“[3]. V našom prípade sa, samozrejme, zameriame na implicitné informácie, konkrétne na alúziu alebo narážku, ktorá je z pohľadu príjemcu súčasťou semaziologickej operácie a prechádza od formy k obsahu. Narážku ako jeden z druhov implicitnej informácie v texte môžeme považovať za podtextovú informáciu, ktorá stimuluje inverzný vzťah medzi textom a podtextom, pričom text je podradený kontextu. Pochopenie narážky v texte vyžaduje jej identifikáciu a interpretáciu. Príjemca ju interpretuje na základe predchádzajúcich skúseností, pričom jej interpretáciu môže uľahčiť aktuálnosť opisovanej skutočnosti. Narážka je vo svojej podstate prejavom intertextuality, keďže spočíva v nadväzovaní textu na už existujúce texty, resp. ich citácie[4]. Alúzie sme evidovali najmä v publicistických textoch, a to predovšetkým v titulkoch a medzititulkoch publicistických textov, pričom ich hlavnou funkciou bolo zaujať príjemcovu pozornosť. Zaznamenali sme nasledujúce príklady alúzií:

- *Krugman to rád inflačnejšie*[5]

V tomto prípade nachádzame spojitosť s názvom legendárneho amerického filmu *Niekto to rád horúce* z roku 1959. Konštatujeme, že slovné spojenia podobného typu sa stali akýmsi publicistickým klišé a stretávame sa s ním pomerne často. Dokonca v tom istom týždenníku v čísle 47/ 2012 nachádzame titulok *Niekto to rád štátne* (reakcia na spoluprácu ruskej banky Sberbank a slovenskej Eximbanky so slovenskými štátnymi inštitúciami), v čísle 36/ 2009

[2] porov. s. 26 – 29, ГАЛЬПЕРИН, И. Р. 2007. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2007. 144 с. ISBN 978-5-397-00031-4.
[3] SOKOLOVÁ, J. 2012. *Tri aspekty verbálneho textu.* Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2012. ISBN 978-80-558-0156-8. s. 33.
[4] ibid. s. 33
[5] *Trend. Týždenník o ekonomike a podnikaní.* 2012, č. 37. Bratislava: Trend Holding. ISSN 1335-0684. s. 30.

titulok *Niekto to rád neprehľadné* (zhodnotenie situácie okolo „sanitkových tendrov“ vtedajšieho ministra zdravotníctva). Na podobný fenomén upozorňuje aj J. Sipko v publikácii *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie (2011)* a podobné slovné hračky, kalambúry, priraďuje k prejavom neologizácie jazyka[6].

- *Cash is king*[7]

S ďalším výrokom, ktorý nadobudol charakter klišé, sa stretávame v čísle 42/ 2012. Autorom tohto výroku je P. H. Gyllenhammar, výkonný riaditeľ švédskej korporácie Volvo, ktorý takto reagoval na pád burzy v roku 1987.

- *S čím sa euri-boria banky*[8]

V tomto titulku je zašifrovaný skrytý význam a narážka na *Euribor – Euro Interbank Offered Rate*, čo je medzibanková referenčná úroková sadzba. Po dešifrovaní titulku je príjemcovi zrejmé s čím sa „boria“ (aj naše) banky.

- *Grexit poháňaný medveďom*[9]

V tomto prípade sa stretávame s ďalšou šifrovanou správou. Na prvý pohľad sú nejasné hneď dve časti daného slovného spojenia: *Grexit, medveď.* Pojem *Grexit* vzniká ako neologizmus, ktorý pomenúva prípadný odchod Grécka z eurozóny, a to spojením dvoch slov *Greece* a *exit* (analogicky sa používa neologizmus *Brexit* alebo *Brixit, Britain* a *exit*). *Medveď* v tomto slovnom spojení označuje už uvádzané obdobie poklesu svetových trhov (v tomto prípade si predovšetkým rusista môže tento titulok vysvetliť tak, že Rusko, ktorého symbolom je medveď, chce nejakým spôsobom napomôcť odchod Grécka z eurozóny).

- *Svätá trojica neexistuje*[10]

Na danom príklade môžeme vidieť, že v publicistike sa využívajú aj biblické prvky. Autor článku prirovnáva tri faktory úspešnej švajčiarskej ekonomiky (fixovaný výmenný kurz, nezávislú menovú politiku, voľné cezhraničné toky kapitálu) k biblickej Svätej trojici (aj keď samotné slovné spojenie sa vlastne v Biblii nevyskytuje, všetky tri sväté osoby Otec, Syn a Duch Svätý sa v Biblii na jednom mieste spomínajú len v evanjeliu podľa Matúša). Medzititulkom *Svätá trojica neexistuje* nepochybne vytvára určité napätie a takýmto spôsobom zaujme pozornosť príjemcu.

- *Капитал Америка: возвращение легенды*[11]

---

[6] porov. SIPKO, J. 2011. *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie.* Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011. 320 s. ISBN 978-80-555-0371-4. s. 103.
[7] *Trend. Týždenník o ekonomike a podnikaní.* 2012, č. 42. Bratislava: Trend Holding. ISSN 1335-0684. s. 27.
[8] *Trend. Týždenník o ekonomike a podnikaní.* 2012, č. 46. Bratislava: Trend Holding. ISSN 1335-0684. s. 42.
[9] *Trend. Týždenník o ekonomike a podnikaní.* 2012, č. 32. Bratislava: Trend Holding. ISSN 1335-0684. s. 28.
[10] *Trend. Týždenník o ekonomike a podnikaní.* 2012, č. 35. Bratislava: Trend Holding. ISSN 1335-0684. s. 48.
[11] *Коммерсантъ – Деньги*. 2012, № 34. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660. s. 16.

V tomto prípade išlo o titulok publicistického ekonomického textu, ktorý sa venoval problematike americkej ekonomiky a jej schopnosti zakaždým začať prosperovať. Pozorný príjemca v titulku identifikuje narážku na základe nezvyčajného usporiadania lexikálnych jednotiek, ktoré majú charakteristickú formálnu úpravu názvu filmu. Pri bližšom skúmaní identifikujeme slovnú hračku v prvom slove, kde jedno zmenené písmeno (*капитан – капитал*), ktorá vytvára vtipnú konotáciu americkej ekonomiky s legendárnou komiksovou postavou, ktorá je neporaziteľná a vždy pripravená zachrániť svet. Kapitán Amerika sa po prvýkrát objavuje už v roku 1941 a v súčasnosti v kinách premietajú filmy, v ktorých vystupuje práve táto postava, takže otázka aktuálnosti narážky je bezpredmetná, a z tohto dôvodu ju hodnotíme ako ľahko identifikovateľnú.

- *Ставки из Зазеркалья.*

  Да, но именно сейчас это королевство кривых зеркал господствует на мировых финансовых рынках[12]

V danom prípade ide o narážku na klasickú ruskú rozprávku *Kráľovstvo krivých zrkadiel*. Je to rozprávková krajina, v ktorej je všetko inak ako sa zdá na prvý pohľad do zrkadla. Krivé zrkadlá ukazujú pravý opak – bohatých ako chudobných, zlých ako dobrých, starých ako mladých a pod. Jediné zrkadlo, ktoré odráža realitu má kráľ. *Ставки из Зазеркалья* sú vlastne záporné sadzby úrokov v Centrálnej európskej banke, čiže opak podstaty úročenia, ktoré boli zavedené, aby prinútili banky radšej investovať do úverov, ako si ukladať peniaze v Centrálnej európskej banke. Takže, ak si v nej banky peniaze uložia, nebudú sa im úročiť, ale naopak, budú platiť za to, že si ich tam mohli uložiť.

- *Шерше не там*[13]

V tomto prípade sme zaznamenali narážku na známu francúzsku frázu *Cherchez la Femme*, ktorá má pôvod v románe Alexandra Dumasa *Parížski mohykáni* (1854) a používa sa v tom zmysle, že nezáleží na podstate problému a príčinou všetkých problémov je žena. Táto fráza navádza príjemcu, aby hľadal skutočnú podstatu problému. V ruskom článku je použitá v pozmenenej forme a priamo hovorí o tom, že riešenie problému (krízy) je potrebné hľadať inde (nie v zavedení „milionárskej dane“, ktorá pre ekonomiku nepredstavuje adekvátne riešenie).

- *Большой банк следит за тобой*[14]

[12] *Коммерсантъ – Деньги*. 2012, № 31 – 32. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660. s. 16.
[13] *Коммерсантъ – Деньги*. 2012, № 37. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660. s. 20.
[14] *Коммерсантъ – Деньги*. 2012, № 40. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660. s. 52.

V danom prípade sme zaznamenali narážku na známu anglickú frázu *Big Brother is watching you.* Postava Veľkého brata vystupuje v románe Georga Orwella *1984* a toto označenie sa používa predovšetkým so snahou štátu sledovať a kontrolovať svojich občanov. Rovnako sa volala aj známa reality šou, v ktorej boli jej účastníci pod neustálym dozorom kamier. Autor článku naráža na snahu bánk ponúknuť svojim klientom „len to najlepšie“ pomocou monitorovania ich aktivít napríklad prostredníctvom internetbankingu, platením kartou a pod.

Alúzia ani zďaleka nie je jediným prejavom intertextuality v ekonomických textoch. V analyzovaných textoch sme dokumentovali mnoho prípadov, v ktorých autor cituje známe osobnosti, uvádza známe výroky, príslovia a porekadlá, dokonca texty piesní. Intertextualita je jedným z prostriedkov dialogizácie textu a vytvára väzbu (tematickú, parodickú alebo explikatívnu) medzi novoutvoreným textom, intextom, a pôvodným textom[15].

Intertextualita sa vo vedeckých textoch prejavuje prostredníctvom odkazovania na použité informačné zdroje, a to priamym citovaním alebo parafrázovaním. „V texte sa realizuje prostredníctvom vlastných mien, osobných, ukazovacích a privlastňovacích zámen, ukazovacích adverbií, privlastňovacích adjektív, parentetických viet, slovesných, substantívnych a predložkových konštrukcií“[16]. Do textu sú zapojené pomocou slovesných a substantívnych konštrukcií, ktoré sa v slovenčine a ruštine realizujú nasledovne:

a) slovesné konštrukcie s priamym alebo nepriamym komplementom, napr.

David A. Aaker (Aaker, D. A., 2003) sa taktiež ***prikláňa k názoru, podľa ktorého je vybudovanie silnej obchodnej značky v súčasnosti náročnejšie ako tomu bolo kedysi.***[17]; *А Джеимс Гилмор вообще* ***предлагает «объявить мораторий на налогообложение электронной коммерции, как минимум на несколько лет, чтобы не помешать развитию информационной экономики».***[18];

b) slovesné konštrukcie s priamou rečou, napr.:

„Riadenie podľa ROI sleduje jediný prirodzený a zákonitý cieľ každého podnikania a podniku, ktorým je maximalizácia výnosnosti investovaného kapitálu – ROI. Dosiahnutie tohto cieľa vyžaduje dôsledné používanie ROI ako kriteriálnej miery vo všetkých

[15] porov. SOKOLOVÁ, J. 2012. *Tri aspekty verbálneho textu.* Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2012. 142 s. ISBN 978-80-558-0156-8. s. 84 – 85.
[16] ibid. s. 86
[17] MAJEROVÁ, J. – HRAŠKOVÁ, D. 2012. Budovanie a riadenie hodnoty značky v praxi zahraničných podnikov. In: *Podniková ekonomika a manažment*. Elektronický vedecký časopis o ekonomike, manažmente, marketingu a logistike podniku. 2012, č. 1, s. 30 – 36. ISSN 1336-5878. s. 30.
[18] СТАНИЦКИЙ, С. С. 2003. *Мобильные деньги как средство осуществления расчетов в информационной экономике.* Москва: 2003. s. 59.

riadiacich súvislostiach," hovorí Matějka.[19]; « *Экономисты-теоретики, – писал В. Леонтьев, – продолжая создавать десятки математических моделей ... не в состоянии заметно продвинуться в систематическом понимании структуры и принципов функционирования реальной экономической системы».*[20];

c) slovesné konštrukcie s vedľajšou vetou, napr.:
Český autor Synek (2007) ***uvádza, že*** *„cieľom finančnej analýzy je zlepšiť (zvýšiť) výkonnosť podniku a tým prispieť k zvýšeniu jej hodnoty".*[21] *Ситуация выглядит значительно сложнее, поскольку еще в свое время П. Икинз* ***отмечал, что*** *«экономическая наука зашла в тупик, инструментарий ее притупился ... Необходимы новый старт, разработка экономического подхода, который соответствовал бы науке, технологии, ценностям и отношениям конца XX века»*[22];

d) parentetické konštrukcie s antecedentným výrazom *как/ ako.* Daný typ konštrukcií sme v slovenských ekonomických textoch nezaznamenali, nachádzame ich však v ruských ekonomických textoch, napr. *Перспективная система расчетов для будущей экономики,* ***как полагает*** *Майкл де Луснет из компании Forrester Research, должна быть универсальным механизмом.*[23];

e) spojenia s prechodníkom. V tomto prípade sme opätovne zaznamenali absenciu daných konštrukcií v slovenských ekonomických textoch, ale v ruských ekonomických textoch ich môžeme označiť ako pomerne frekventované, napr.: ***Ссылаясь на мнения*** *таких известных ученых России, как Л. Абалкин, Д. Львов, правительственные программы социального оздоровления и модернизации экономики, можно сказать, что Россия имеет для этого все возможности и свой собственный ресурс.*[24];

f) bezpredložkové a predložkové spojenia, pričom v slovenských ekonomických sa nevyskytovali: ***По словам*** *Джеймса Глейка, «обеспечение бесопасности при работе с наличными деньгами требует значительных затрат».*[25];

---

[19] SOLČIANSKA, M. 2012. Ukazovateľ návratnosti investovaného kapitálu. In: *Podniková ekonomika a manažment.* Elektronický vedecký časopis o ekonomike, manažmente, marketingu a logistike podniku. 2012, č. 1, ISSN 1336-5878. s. 7.

[20] ЛЕМЕЩЕНКО, П. С. 2012. *Проблемы развития современной экономической науки.* s. 7.

[21] VESELOVSKÁ, L. 2011. Zvyšovanie výkonnosti podnikov cestovného ruchu finančno-ekonomickou analýzou. In: *Výkonnosť podniku.* Vedecký časopis Výskumného ústavu ekonomiky a manažmentu. 2011, roč. 1, č. 1. ISSN 1338-435X. s. 16.

[22] *Вопросы экономики*. 1993, № 1. ISSN 0042-8736. s. 57.

[23] СТАНИЦКИЙ, С. С. 2003. *Мобильные деньги как средство осуществления расчетов в информационной экономике.* Москва: 2003. s. 66.

[24] ГОНЧАРОВ, М. И. 2001. *Антикризисное управление :Стратегический путь обновления и развития экономики России.* Санкт-Петербург: 2001. s. 34.

[25] СТАНИЦКИЙ, С. С. 2003. *Мобильные деньги как средство осуществления расчетов в информационной экономике.* Москва: 2003. s. 17.

g) predložkové konštrukcie, ktoré vznikli elidovaním podstatného mena

Ekonomický pohľad na hodnotu určitého statku ***podľa*** *M. Maříka má dve základné stránky:..*[26]; *Кроме того,* ***согласно*** *Б. Мильнеру, в современных условиях бизнеса, организации сталкиваются с необходимостью оптимального использования знаний ...*[27].

Prvky intertextuality nachádzame aj v populárno-náučných textoch. Ide o citácie, resp. parafrázy použitej literatúry, ktoré však na rozdiel od vedeckých textov sú do textu začlenené bez pomoci substantívnych alebo slovesných konštrukcií, a vo väčšine prípadov je zdroj uvedenej citácie alebo parafrázy označený v poznámke pod čiarou. Domnievame sa, že takéto uvádzanie citácií použitej literatúry je v danom štýle adekvátne, nakoľko príjemca nie je zaťažovaný informáciami o zdroji a v prípade, že ho daný text zaujme, sám sa môže rozhodnúť, či sa pozrie do poznámky pod čiarou a dozvie sa, koho autor cituje, resp. na koho odkazuje, napr.:

„Доля просроченной задолженности иных неразборчивых банков, между прочим, лидеров в области потребительского кредитования, достигает пятой части от общего объема[119] *кредитов.“*

[119] *См. Елена Орлова, Сергей Селянин, «Рынок потребительских кредитов», Эксперт-Урал (№ 40 (210) от 24.10.2005)*[28].

Okrem uvedených citácií a parafráz ako prvkov intertextuality, nachádzame v populárno-náučných ekonomických textoch najmä rôzne odkazy a úryvky literárnych diel, populárnych piesní, výrokov slávnych, známych „hlášok“ z filmov a pod. Považujeme za potrebné poznamenať, že kým v slovenskom prípade nachádzame predovšetkým príslovia a porekadlá, odkazy na literárne diela sme vo zvýšenej miere zaznamenali najmä v ruskom analyzovanom texte čo súvisí s kultúrnym povedomím, mentalitou ruského národa a ich inklinovaním k ruskej literárnej tvorbe:

- *Когда же вы стулья принесете?*
- *Стулья против денег.*
- *Это можно, - сказал Остап, не думая.*

---

[26] POLIAKOVA, S. 2012. Pojem hodnota v znaleckej činnosti. In: *Podniková ekonomika a manažment.* Elektronický vedecký časopis o ekonomike, manažmente, marketingu a logistike podniku. 2012, č. 1. ISSN 1336-5878. s. 4.

[27] ЧЕРНЫШ, А. Д. 2010. Управление знаниями в организации. In: *Сборник статей IV ежегодной всероссийской с международным участием научно- практической конференции студентов «Человек. Общество. Экономика: проблемы и перспективы взаимодействия».* Пермь: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов». ISBN 978-5-904417-07-9. s. 301.

[28] ТИТОВ, В. 2006. *Личные финансы на кончиках пальцев.* Москва: Маска, 2006. 256 с. ISBN 5-91146-015-7. s. 212.

- Деньги вперед, - заявил монтер, - утром деньги вечером стулья, или вечером деньги, а на другой день утром – стулья.

- А может быть, сегодня стулья, а завтра деньги? – пытал Остап.

- Я же, дуся, человек измученный. Такие условия душа не принимаеть!

(Ильф-Петров, Двенадцать стульев, 1956)[29].

Na danom úryvku autor v publikácii vysvetľuje rozdiel medzi zálohovou platbou a platbou po dodaní tovaru (platbou na dobierku).

Если все же человек, с которым провели строгое вынушение, выдержал все приемы сотрудников коллекторского агентства, то, по утверждению коллекторских агентсв, его не растворяют в серной кислоте и не разбирают на запчасти. Его просто относят к разряду «невменяемых». «А у нас спокон веков нет суда на дураков!»[124]

[124] *Л. Филатов, «Про Федота-стрельца»*[30]

Tento výrok z diela L. A. Fedotova sa používa vo význame, že skôr, či neskôr „dôjde“ aj na tých hlupákov.

Intertextualita je neoddeliteľnou súčasťou aj publicistických textov, a to nielen vďaka využívaniu alúzií, ale aj uvádzaniu informačných zdrojov. Realizuje sa pomocou priamych citácií alebo parafrázovania, resp. kombináciou oboch spôsobov, ktoré do textu zapájajú slovesné a substantívne konštrukcie. „Zmysluplné zapojenie odkazovacích konštrukcií do textu musí rešpektovať komunikačno-pragmatické, kompozičné a gramatické pravidlá výstavby textu“[31]. Substantívne konštrukcie sa realizujú ako predložkové spojenia typu *podľa slov XY, podľa XY:*

*„**Podľa P. Staněka** je trend v starej európskej pätnástke taký, že si nezamestnaní obyvatelia vyberajú úspory: „Neskôr začnú hľadať iné cesty, napríklad čiernu prácu. Takto sa dostáva práca načierno do úplne iného svetla a nebude nástrojom na holé prežitie.“*[32]

Slovesné konštrukcie sa realizujú ako:

a) slovesné konštrukcie s priamou rečou podľa modelu, *„…,“ povedal/ konštatoval/ dodáva/ vysvetľuje* a pod., napr. *„Štát sa domnieva, že zvýši príjem, ale akoby nevnímal snahu podnikateľov zachovať svoj príjem a optimalizovať svoje účtovníctvo,“* ***hovorí*** *M. Hošťák.*[33]*; „Výskumy ukázali, že ľudia sú ochotní si utiahnuť opasky. Ale iba ak vidia význam. Keď oni majú šetriť, ale politikov a vybraných vrstiev sa to netýka, kašlú na dane,*

[29] ibid., s. 208
[30] ibid., s. 226
[31] SOKOLOVÁ, J. 2012. *Tri aspekty verbálneho textu.* Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2012. 142 s. ISBN 978-80-558-0156-8. s. 93.
[32] *Trend: Týždenník o ekonomike a podnikaní.* 2012, č. 44,. Bratislava: Trend Holding. ISSN 1335-0684. s. 12.
[33] ibid., s. 11,

prípadne idú do ulíc,“ ***vysvetľuje*** *P. Staněk*[34]; *«Совокупность таких показателей, как ВВП, потребление, можно использовать для мониторинга способности людей удовлетворять свои материальные потребности, отслеживания циклических изменений в экономике. Но агрерированная статистика может маскировать важную информацию», - сказал он ...*[35]*; «...Это означает, что они предлагают правительствам деньги на следующие десять лет», -* ***отмечает*** *Кругман*[36]*;*

b) slovesné konštrukcie s vedľajšou vetou podľa modelu *XY povedal/ myslí si/ konštatuje/ upozorňuje, že*, napr. *M. Hošťák* ***hovorí, že*** *je ťažké ísť podať daňové priznanie a večer si pozrieť v správach, ako sa v štáte plytvá alebo kde bola aká sprenevera.*[37]*; ... vysvetľuje ich rozdiely odborník na sivú ekonomiku Friedrich Schneider ... . Uvádza, že sivá ekonomika zvyšuje pridanú hodnotu hospodárstva krajiny, aj keď skryto.*[38]*; Леонард Лаудер ...* ***заметил, что*** *в непростом 2001 году продажи губной помады подскочили сразу на 11%, и предложил ...*[39]*; Питер Линч, выдающийся американский управляющий фондами, работавший в 1970-х – начале 1990-х,* ***заметил, что*** *бумаги пора продавать, если на вечеринке к нему подхоит зубной врач и заводит разговор об акциях, ...*[40].

c) slovesné konštrukcie s priamym alebo nepriamym komplementom podľa modelu *XY oznámil niečo,* napr. *В конце августа руководитель главной инспекции кредитных организаций Банка России Владимир Сафронов* ***заявил****, что встревожен ростом кредитования физлиц, который за полтора года составил почти 60%*[41].

Z daných príkladov vyplýva, že v slovesných konštrukciách publicistických ekonomických textov, ktoré začleňujú citácie a parafrázovanie zdrojov do textu sa používajú jednak slovesá ústneho a písomného vyjadrenia (verba dicendi: *hovoriť, tvrdiť, odpovedať, oznamovať, písať* atď.)[42], a jednak slovesá myslenia a vedenia (verba sciendi et putandi: *myslieť, domnievať sa, vedieť, veriť, chápať, domnievať sa* atď.). Okrem uvádzaných alúzií a citácií informačných zdrojov, v publicistických textoch nachádzame aj iné prvky intertextuality. „V publicistických textoch sa frekventujú nielen odborné termíny z rôznych

---

[34] ibid., s. 12
[35] *Коммерсантъ – Деньги*. 2012, № 34. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660. s. 16.
[36] ibid., s. 18
[37] *Trend: Týždenník o ekonomike a podnikaní.* 2012, č. 44. Bratislava: Trend Holding. ISSN 1335-0684. s. 12.
[38] ibid., s. 10
[39] *Коммерсантъ – Деньги*. 2012, № 31 – 32. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660. s. 11.
[40] ibid., s. 14
[41] ibid., s. 14
[42] SOKOLOVÁ, J. 2012. *Tri aspekty verbálneho textu.* Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2012. 142 s. ISBN 978-80-558-0156-8. s. 96.

mikrojazykov ..., ale autori týchto komunikátov často čerpajú aj z umeleckej literatúry (rôzne citáty, prirovnania, metafory, metonymie)“[43] V našom prípade ide najmä o rôzne výroky známych osobností, či príslovia a porekadlá:

- *От забора до обеда*[44]

V danom prípade nachádzame frázu, ktorá je spojená s arménskym folklórom. Je to ironické vymedzenie určitého časového úseku, počas ktorého musíme vykonávať často nezmyselnú a zbytočnú činnosť. Autor článku naráža na nekonečné úsilie investorov pomôcť svetovému trhu, avšak bez nejakého výrazného výsledku.

- *«Повторение порождает убежденность!»*[45]

Autorom daného výroku je Robert Collier, ktorý je autorom motivačnej literatúry. Autor článku použil tento výrok v súvislosti so stádovým efektom v súvislosti s tretím kvantitatívnym uvoľňovaním (QE3), ktorému podľa neho podliehajú finančníci a veria, že práve tento finančný nástroj prinesie úľavu od krízy.

Z uvedených príkladov vyplýva, že intertextualita je neoddeliteľnou súčasťou vedeckých, populárno-náučných i publicistických ekonomických textov. Kým vo vedeckých ekonomických textoch sa prejavuje vo forme citácií a parafráz, ktoré sa do textu zapájajú pomocou rôznych substantívnych a slovesných konštrukcií, v populárno-náučných a publicistických ekonomických textoch je zastúpená v najrôznejších formách: okrem citovania informačných zdrojov sa vyskytujú alúzie, porekadlá a príslovia, známe výroky a frázy, úryvky z literárnych diel a podobne. Prvky intertextuality vo vedeckých ekonomických textoch spĺňajú referenčnú funkciu. Intertextualita v populárno-náučných a publicistických ekonomických textoch má okrem referenčnej funkcie za úlohu zaujať príjemcovu pozornosť, pobaviť ho, a je len na príjemcovi, či ju vo všetkých prípadoch aj identifikuje a pochopí (napr. alúzie). Na záver konštatujeme, že v súčasnosti je tendencia k intertextualite vlastná všetkým typom ekonomických textov a má stúpajúci charakter.

Literatúra:

DEKANOVÁ, E. 2009. *Kapitoly z teórie a didaktiky prekladu odborných textov.* Nitra: FF UKF, 2009. 152 s. ISBN 978-80-8094-598-5.

[43] DEKANOVÁ, E. 2009. *Kapitoly z teórie a didaktiky prekladu odborných textov.* Nitra: FF UKF, 2009. 152 s. ISBN 978-80-8094-598-5. s. 77.
[44] *Коммерсантъ – Деньги*. № 40, 2012. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660. s. 52.
[45] *Коммерсантъ – Деньги*. № 41, 2012. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660. s. 52.

GENETTE, G. 1997. *Paratexts. Tresholds of Interpretation.* Cambridge University Press: 1997. 427 s. ISBN 0-521-42406-2.

MOLNÁROVÁ, L. – TIMÁROVÁ, D. – LOPUŠNÁ, S. 2012. Ономатологический аспект общественно-политических текстов. In: *Русское слово в контексте этнокультуры XX. - XXI вв.*: сборник научных трудов по итогам Международной заочной научной конференции (ноябрь 2011 г.). Старый Оскол: Роса, 2012. с. 251 – 256. ISBN 978-5-903659-88-3.

MURÁNSKA, N. 2005. *Román Michaila Bulgakova Majster a Margaréta*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2005. 172 s. ISBN 80-8050-817-8.

SIPKO, J. 2011. *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie.* Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011. 320 s. ISBN 978-80-555-0371-4.

SOKOLOVÁ, J. 2012. *Tri aspekty verbálneho textu.* Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2012. 142 s. ISBN 978-80-558-0156-8.

ГАЛЬПЕРИН, И. Р. 2007. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2007. 144 с. ISBN 978-5-397-00031-4.

Ďalšie zdroje:

MAJEROVÁ, J. – HRAŠKOVÁ, D. 2012. Budovanie a riadenie hodnoty značky v praxi zahraničných podnikov. In: *Podniková ekonomika a manažment.* Elektronický vedecký časopis o ekonomike, manažmente, marketingu a logistike podniku. č. 1, 2012, s. 30 – 36. [cit. 04-04-2013] ISSN 1336-5878. Dostupné na: http://ke.uniza.sk/assets/casopis/PEAM12012final.pdf.

POLIAKOVA, S. 2012. Pojem hodnota v znaleckej činnosti. In: *Podniková ekonomika a manažment.* Elektronický vedecký časopis o ekonomike, manažmente, marketingu a logistike podniku. č. 1, 2012, s. 3 – 6. [cit. 12-04-2013]. ISSN 1336-5878. Dostupné na: http://ke.uniza.sk/assets/casopis/PEAM12012final.pdf.

SOLČIANSKA, M. 2012. Ukazovateľ návratnosti investovaného kapitálu. In: *Podniková ekonomika a manažment.* Elektronický vedecký časopis o ekonomike, manažmente, marketingu a logistike podniku. č. 1, 2012, s. 7 – 10. [cit. 14-04-2013]. ISSN 1336-5878. Dostupné na: http://ke.uniza.sk/assets/casopis/PEAM12012final.pdf.

Trend. Týždenník o ekonomike a podnikaní. 2012, č. 32 – 47. Bratislava: Trend Holding. ISSN 1335-0684.

VESELOVSKÁ, L. 2011. Zvyšovanie výkonnosti podnikov cestovného ruchu finančno-ekonomickou analýzou. In: *Výkonnosť podniku.* Vedecký časopis Výskumného ústavu ekonomiky a manažmentu. roč. 1, č. 1. 2011. s. 14 – 24. ISSN 1338-435X.

Вопросы экономики. № 1, 1993. [cit. 04-04-2013] Dostupné na: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n1_1993.html

ГОНЧАРОВ, М. И. 2001. *Антикризисное управление :Стратегический путь обновления и развития экономики России.* Санкт-Петербург: 2001. 310 с. [cit. 14-04-2013]. Dostupné na:http://www.dissercat.com/content/antikrizisnoe-upravlenie-strategicheskii-put-obnovleniya-i-razvitiya-ekonomiki-rossii#ixzz2UeatrD00.

Коммерсантъ – Деньги. 2012, № 31 – 41. Издательский дом Коммерсантъ. ISSN 1810-8660.

ЛЕМЕЩЕНКО, П. С. 2012. *Проблемы развития современной экономической науки.* 25 с. [cit. 04-04-2013]. Dostupné na: http://newpoliteconomy.org/publications/articles/241.pdf

СТАНИЦКИЙ, С. С. 2003. *Мобильные деньги как средство осуществления расчетов в информационной экономике.* Москва: 2003. 239 с. [cit. 04-04-2013]. Dostupné na: http://www.labrate.ru/disser/080001_stanickyj_ois_2003_dis.pdf.

ТИТОВ, В. 2006. *Личные финансы на кончиках пальцев.* Москва: Маска, 2006. 256 с. ISBN 5-91146-015-7.

ЧЕРНЫШ, А. Д. 2010. Управление знаниями в организации. In: *Сборник статей IV ежегодной всероссийской с международным участием научно- практической конференции студентов «Человек. Общество. Экономика: проблемы и перспективы взаимодействия»*. Пермь: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», с. 301 – 302. ISBN 978-5-904417-07-9. [cit. 12-04-2013] Dostupné na: http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ticket/13698152732abd1553c5867d0ec5cc5b527095b92c/%D0%A1%D0%91%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%98%D0%9A%20%D0%9D%D0%9F%D0%9A%D0%A1%202010.pdf

PROFESIONALIZMY AKO SÚČASŤ ODBORNEJ KOMUNIKÁCIE STROJÁRSKYCH TEXTOV (V RUŠTINE A SLOVENČINE)

Mgr. Daniela Timárová

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre

daniela.timarova@ukf.sk

РЕЗЮМЕ:
В статье рассматривается профессиональная лексика как составная часть речи машиностроителя в отдельных сферах его деятельности (в рамках общего машиностроения). Определяются основные характеристики профессионализмов в системе современного русского языка, профессиональные номинации и их соотношение с официальными терминами и словами общего употребления. Лексико-грамматический состав профессиональных номинаций исследуется с точки зрения словообразования и номинации на основе анализа конкретных однокомпонентных и многокомпонентных профессионализмов. Акцент делается на исследовании функции профессиональных номинаций в русских и словацких текстах в процессе профессиональной коммуникации.

S rozvojom nových technologických odborov neoddeliteľne súvisí aj vývin odborného jazyka, vznik nových lexikálnych jednotiek, ktoré pomenúvajú nové predmety, javy, prístroje, stroje, zariadenia, výrobné procesy atď. V jazykoch, resp. odboroch, ktoré už majú vytvorenú vlastnú terminologickú sústavu, vystupujú profesionalizmy ako neterminologické náprotivky termínov, čo zjednodušuje, resp. zrýchľuje komunikáciu medzi pracovníkmi daného odboru. V technologických odboroch, ktoré ešte nemajú vytvorenú vlastnú terminologickú sústavu, profesionalizmy zastupujú termíny.

Problematika profesionalizmov je v súčasnosti veľmi aktuálna a pertraktuje sa najmä v ruskej lingvistike, napriek tomu stále neexistuje ich jednotná definícia a vymedzenie ich vlastností. Problematické je aj samotné pomenovanie tohto jazykového javu. Kým napríklad J. Findra[1] a J. Mistrík[2] hovoria o profesionalizmoch, I. Masár[3] ich nazýva neterminologickými náprotivkami, Krátky slovník slovenského jazyka[4] ich označuje ako profesionálne slangy.

[1] FINDRA, Ján. 2004. *Štylistika slovenčiny*. Martin: Osveta, 2004. 232 s. ISBN 80-8063-142-5
[2] MISTRÍK, Jozef. 1997. *Štylistika*. Bratislava: SPN, 1997. 598 s. ISBN 80-08-02529-8
[3] MASÁR, Ivan. 1982. Termín a jeho neterminologické náprotivky v športovej publicistike. In: *Jazyk a štýl publicistiky*. Zost. J. Mistrík. Bratislava, 1982.
[4] *Krátky slovník slovenského jazyka*. 1987. Bratislava: Veda, 1987. 592 s.

V ruštine zasa nachádzame pomenovania профессионализмы, профессиональное просторечье (Superanskaja–Podoľskaja–Vasilievová)[5].

„V odborných textoch sa popri terminologickej lexike frekventuje aj profesionálna lexika. Sú to slová a slovné spojenia, ktoré nemajú vlastnosti termínu, t.j. neidentifikujú pojmy a predmety daného odboru, ale používa ich výlučne úzky okruh odborníkov v príslušnej sfére komunikácie.“[6] Profesionalizmy sú odvodené od termínov, a môžu s nimi vstupovať do vzťahu synonymie. Spoločne vytvárajú odbornú lexiku, a preto považujeme za potrebné poukázať na rozdiely medzi termínmi a profesionalizmami. V. P. Danilenková, ako reprezentantka ruskej terminologickej teórie, charakterizuje termín ako „slovo (alebo slovné spojenie) s odbornou sférou použitia, ktoré pomenúva odborný pojem a vyžaduje si definíciu“[7]. A.V. Superanskaja, N.V. Podoľskaja a N. V. Vasilievová definujú termín ako „špecializovanú jazykovú formu, ktorá reprezentuje definovaný pojem v rámci špeciálnej/odbornej oblasti“[8]. J. Findra uvádza: „osobitnosť terminologických pomenovaní spočíva v tom, že ako pomenovania pojmov sú vymedzené definíciou. Ich význam sa špecifikuje miestom v systéme pojmov príslušného vedného alebo technického odboru“[9].

Pri charakteristike profesionalizmov a ich vlastností vychádzame najmä z prác J. Findru *Štylistika slovenčiny* (2004), J. Mistríka *Štylistika* (1997) ako reprezentantov slovenskej lingvistiky, z ruskej jazykovedy sme si ako metodologické východisko zvolili prácu A. Superanskej, N. Podoľskej a N. Vasilievovej *Общая терминология. Вопросы теории* (2009).

J. Mistrík charakterizuje profesionalizmy ako výrazy, ktoré sa používajú v bežnom hovorenom jazyku profesionálov a niekedy sa chápu aj ako profesionálny slang. Používajú sa namiesto úzko odborných termínov, ale autor ich radí k spisovným pomenovaniam.[10] „Pomenúvajú predmety, javy a deje, späté s istou pracovnou oblasťou. Používajú ich odborníci v jednotlivých vedných odboroch a pracovníci v jednotlivých výrobných oblastiach.“[11] Na základe jednotlivých odborov a oblastí sa ďalej rozdeľujú do skupín, napr.

---

[5] СУПЕРАНСКАЯ, Александра – ПОДОЛЬСКАЯ, Наталия – ВАСИЛЬЕВА, Наталия. 2009. *Общая терминология.* Вопросы теории. Москва: Едиториал УРСС, 2009. 248 с. ISBN 978-5-397-00688-0

[6] DEKANOVÁ, Eva. 2009. *Kapitoly z teórie a didaktiky prekladu odborných textov*. Nitra: FF UKF, 2009. ISBN 978-80-8094-598-5. str. 16.

[7] ДАНИЛЕНКО, Валерия: *Русская терминология*. Опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977. str. 15.

[8] СУПЕРАНСКАЯ, Александра – ПОДОЛЬСКАЯ, Наталия – ВАСИЛЬЕВА, Наталия. 2009. *Общая терминология.* Вопросы теории. Москва: Едиториал УРСС, 2009. ISBN 978-5-397-00688-0. str. 129.

[9] FINDRA, Ján. 2004. *Štylistika slovenčiny*. Martin: Osveta, 2004. ISBN 80-8063-142-5. str. 26.

[10] por. MISTRÍK, Jozef. 1997. *Štylistika*. Bratislava: SPN, 1997. ISBN 80-08-02529-8. str. 77-78.

[11] *Encyklopédia jazykovedy*. 1993. Ed. J. Mistrík. 1. vyd. Bratislava: Obzor, 1993. ISBN 80-215-0250-9. str. 355.

profesionalizmy strojárske, stavbárske, lekárske, železničiarske atď. Profesionalizmy si na rozdiel od termínov nevyžadujú definíciu. „Profesionalizmy sa používajú ako prostriedky jazykovej ekonómie, keď hovoriaci chce stručne a čo najrýchlejšie odovzdať informáciu. Tým sa líšia od slangu, ktorému ide o exkluzívnosť vyjadrovania, a od argotu, ktorý sa využíva na utajovanie informácie. Preto niet dôvodov zaraďovať profesionalizmy k slangizmom ako tzv. odborný slang."[12]

Profesionalizmy sa vyznačujú určitým stupňom expresívnosti a dávajú sa do protikladu k presnosti a štylistickej neutrálnosti termínov. J. Findra akcentuje, že „v čase svojho vzniku sú profesionalizmy nespisovné prostriedky, a preto sa využívajú predovšetkým v ústnom jazykovom styku ako prostriedky výrazovej úspornosti, mobilnosti a operatívnosti ústnej komunikácie. Častým používaním sa postupne zbavujú príznaku expresívnosti, vstupujú do rangu nocionálnej makroparadigmy."[13]

Termíny ako pomenovania odborných pojmov sú najmä vo vedeckých a technických odboroch presne definované a fixované v slovníkoch. Každý termín funguje len ako súčasť určitej terminologickej sústavy.[14] Profesionalizmy pomenúvajú predovšetkým predmety – nástroje, výrobky, pracovný/výrobný proces a javy v konkrétnej výrobnej/odbornej sfére. Kým termíny zabezpečujú oficiálnu odbornú komunikáciu, profesionalizmy sú zložkou neoficiálnej odbornej komunikácie.

Profesionalizmy môžu vznikať na základe troch podnetov:

- psychologických – patrí k nim snaha komunikujúcich osôb, o rôznorodosť zložiek ich komunikácie najmä v prípade, ak pracujú v jednom odbore,
- psycholingvistických – sú to rôzne spôsoby metaforizácie, metonymizácie, ktoré však neprekračujú hranice normatívnej lexiky,
- lingvistických[15].

Hlavným jazykovým dôvodom vzniku profesionalizmov je snaha o úsporné vyjadrovanie, používanie skrátených foriem slov. Z tohto hľadiska môžeme tvrdiť, že profesionalizmy často vznikajú ako jednoslovné neterminologické náprotivky viacslovných terminologických pomenovaní a vystupujú ako synonymá termínov. Najčastejšie sa tvoria slovotvorným postupom univerbizácie, napr. *vŕtačka* – vŕtací prístroj alebo stroj.

---

[12] FINDRA, Ján. 2004. *Štylistika slovenčiny*. Martin: Osveta, 2004. ISBN 80-8063-142-5. str. 29.
[13] FINDRA, Ján. 2004. *Štylistika slovenčiny*. Martin: Osveta, 2004. ISBN 80-8063-142-5. str. 29.
[14] por. MOLNÁROVÁ, Lucia. 2013. *Lexikálne a štylistické osobitosti odbornej lexiky* (na materiáli ekonomických textov): dizertačná práca. Nitra: FF UKF, 2013. str. 10-52.
[15] por. СУПЕРАНСКАЯ, Александра – ПОДОЛЬСКАЯ, Наталия – ВАСИЛЬЕВА, Наталия. 2009. *Общая терминология.* Вопросы теории. Москва: Едиториал УРСС, 2009. ISBN 978-5-397-00688-0. str. 71.

Profesionalizmy sú lexikálne jednotky, ktoré sa používajú pri komunikácii v bežnom pracovnom styku, v našom prípade, pri komunikácii pracovníkov z oblasti strojárstva, ich tvorba je motivovaná snahou po stručnom, zreteľnom, čiže jednoslovnom vyjadrovaní. Zo slovotvorných prostriedkov môžu plniť túto funkciu skracujúce prípony:

-k(a) – napr. *brúska, frézka* (pomenovania strojov),

-čk(a) – napr. *zváračka, vŕtačka, obrusovačka, falcovačka* (pomenovania strojov a miestností),

-ár – napr. *strojár, frézar, tokár* (pomenovania činiteľov deja),

-ák – napr. *zverák, zdvihák* (pomenovania nástrojov)

-iv(o) – napr. *pletivo, stavivo, kurivo, mazivo* (pomenovania materiálov).[16]

Konštatujeme, že vo väčšine prípadov vystupujú ako profesionalizmy jednoslovné pomenovania. Na rozdiel od tvorby terminologických (odborných) pomenovaní zaznamenávame opačnú tendenciu – zatiaľ čo pri tvorbe termínov v súčasnosti do popredia vystupuje tendencia k viacslovným pomenovaniam, v prípade profesionalizmov sú frekventované skôr jednoslovné lexikálne jednotky, čo potvrdzuje našu tézu o jazykovej ekonómii.

V ruskom jazyku sa profesionalizmy rovnako ako v slovenčine najčastejšie tvoria pomocou rôznych univerbizačných postupov. V širšom zmysle je univerbizácia chápaná ako „všeobecná tendencia vychádzajúca z princípu ekonómie komunikačného procesu“[17], univerbizácia v užšom zmysle slova sa uplatňuje v lexikálnej rovine. Ide o transformáciu existujúcich viacslovných, resp. zložených pomenovaní na jednoslovné pomenovania, prostredníctvom kondenzácie pomenovania. Novovzniknuté univerbizované pomenovania potom vystupujú ako synonymá viacslovných pomenovaní, s ktorými sú v motivačnom vzťahu.[18]

B. Rudincová k prostriedkom univerbizácie zaraďuje:

- deriváciu (univerbizácia sufixáciou)
- kompozíciu
- substantivizáciu adjektív
- abreviáciu

[16] por. MISTRÍK, Jozef. 1997. *Štylistika*. Bratislava: SPN, 1997. ISBN 80-08-02529-8. str. 78-79.
[17] RUDINCOVÁ, Blažena. 2000. *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta. 2000. ISBN 80-7042-586-5. str. 171.
[18] por. RUDINCOVÁ, Blažena. 2000. *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta. 2000. ISBN 80-7042-586-5. str. 171.

Pri univerbizácii sufixáciou vzniká z dvoj- alebo viacslovného pomenovania jednoslovné, kondenzované, postavené na adjektívnom komponente združeného pomenovania. Pri tvorení univerbizovaného pomenovania mužského rodu sa v ruštine používa sufix –ик, a pri ženskom rode sufix –к(а).[19] Napríklad: *храповик – храповой механизм, сверлилка – сверлильная машина*.

Okrem univerbizácie sufixáciou je v ruštine široko zastúpená univerbizácia skracovaním. Patria k nej:

- iniciálové hláskované skratky
- skratkové slová (sylabické, zmiešané, parciálne, eliptické)
- akronymá (iniciálové skratkové slová).

Iniciálové hláskované skratky sú tvorené začiatočnými písmenami viacslovného pomenovania, kde každému plnovýznamovému slovu zodpovedá jeho začiatočné písmeno, napr.: *ТКМ – технология конструкционных материалов*.

Ďalším z produktívnych univerbizačných procesov sú parciálne, resp. čiastkové skratkové slová. Skratkové slovo môže byť utvorené dvoma spôsobmi:

- Je tvorené spojením skráteného adjektívneho komponentu s celým slovom – substantívom v nominatíve (*шлифмашина - шлифовальная машина*). Takéto lexikálne jednotky môžu byť ďalej rozšírené pridaním adjektíva na spresnenie významu: *угловая шлифмашина – uhlová brúska, ленточная шлифмашина – pásová brúska*. Pre ruštinu sú typické aj prípady, keď v čiastkovom skrátenom slove dochádza k spojeniu dvoch alebo viacerých skrátených adjektív so substantívom (*электрошлифмашина – электрическая шлифовальная машина*).
- Je tvorené spojením skráteného substantívneho komponentu so substantívom v nepriamom páde.[20]

Ďalším zo spôsobov univerbizácie, ktorý sa využíva aj v tvorbe profesionalizmov je substantivizácia adjektív. B. Rudincová tento slovotvorný postup hodnotí ako „zmenu slovnodruhového sémantického rámca východiskového adjektíva, čiže zmenu významu príznaku substancie na význam samotnej substancie“, je výsledkom univerbizácie zloženého pomenovania typu „adjektívum + substantívum“, pri ktorej sa vypustí určovaný člen (substantívum) a určujúci člen prevezme význam celého spojenia.[21] Napr. profesionalizmus

[19] por. RUDINCOVÁ, Blažena. 2000. *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta. 2000. ISBN 80-7042-586-5. str. 171 – 172.
[20] por. RUDINCOVÁ, Blažena. 2000. *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta. 2000. ISBN 80-7042-586-5. str. 175-187.
[21] RUDINCOVÁ, Blažena. 2000. *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava: Ostravská univerzita,

строймонтаж (*строительно-монтажные работы*) je utvorený pomocou substantivizácie adjektíva a zároveň univerbizácie skracovaním. Príklady na tento druh univerbizácie nachádzame aj v slovenčine: *horizontálka* (vodorovná/horizontálna frézovačka), *vertikálka* (zvislá/vertikálka frézovačka).

Ďalším zo spôsobov nominácie profesionálnej lexiky je zmena adjektívno-substantívneho viacslovného pomenovania na atributívny typ apozičného kompozita, v ktorom sa prejavuje kvalitatívna determinácia (pre ruštinu je takáto nominácia charakteristická). V atributívnom type zložených pomenovaní zaujíma určujúci, špecifikujúci člen, (označujúci kvalitu, resp. príznak určovaného člena) miesto druhého komponentu[22], napr. *пусковой двигатель – двигатель-пускач* (určujúci komponent – пусковой).

Vo funkcii profesionalizmov sa často využívajú lexikálne jednotky všeobecnej lexiky, ktoré nadobudnú nový sémantický význam, napr. *обезьянка* (zariadenie na meranie stredného priemeru závitníka).

V niektorých prípadoch vznikajú profesionalizmy odklonením sa od gramatických, resp. slovotvorných noriem. „V strojárstve sa častejšie používa variant *шестеренчатый нанос* namiesto oficiálneho termínu *шестеренный нанос* (zubové čerpadlo), *небаланс* namiesto *дисбаланс* atď.“[23]

Ako sme už uviedli, psycholingvistickými faktormi vzniku profesionalizmov sú rôzne spôsoby metaforizácie a metonymizácie, synekdochy a rozličné asociácie. Uvádzame príklad, kde v ruštine aj v slovenčine došlo k rovnakému spôsobu metaforizácie, keď sa (výrobným) materiálom pripisuje vlastnosť živých organizmov, t. j. únava, ktorá reprezentuje zmenu mechanických a fyzikálnych vlastností materiálu vplyvom neustáleho/dlhotrvajúceho namáhania: *усталость материалов – únava materiálu.*

V rámci profesionálnej lexiky môžeme vyčleniť aj profesionálne frazeologizmy, ktoré nie sú ani v slovenčine, ani v ruštine také frekventované ako napríklad v angličtine. Je potrebné si uvedomiť, že profesionálne frazeologizmy nie sú súčasťou všeobecnej lexiky, sú zrozumiteľné len v odbornej sfére a slúžia ako hovorové ekvivalenty termínov. Napr. *закозлить печь* (namiesto заморозить доменную печь, čiže *ochladiť vysokú pec* na teplotu, pri ktorej tuhne kov i troska).[24]

Filozofická fakulta. 2000. ISBN 80-7042-586-5. str. 174.

[22] RUDINCOVÁ, Blažena. 2000. *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta. 2000. ISBN 80-7042-586-5. str. 142.

[23] СЕРДОБИНЦЕВА Елена. Профессионализмы в научном стиле. In: *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского.* [online]. 2011. № 23. [cit. 27.8.2013]. str. 241. Dostupné na internete: < http://cyberleninka.ru/article/n/professionalizmy-v-nauchnom-stile>.

[24] por. СУПЕРАНСКАЯ, Александра – ПОДОЛЬСКАЯ, Наталия – ВАСИЛЬЕВА, Наталия. 2009. *Общая*

Profesionalizmy ako súčasť odbornej komunikácie sú dosiaľ v rusko-slovenskom komparatívnom lingvistickom výskume relatívne menej prebádaným javom (najmä v oblasti strojárstva). V našom príspevku sme sa pokúsili zmapovať základnú charakteristiku týchto lexikálnych jednotiek v nosných teoretických ruských, slovenských, resp. i českých publikáciách a pomocou našej materiálovej bázy identifikovať niektoré frekventované nominačné postupy. Problematika rusko-slovenskej komparácie profesionalizmov si vyžaduje širší a rozsiahlejší výskum. Práve tu sa „otvárajú nové dimenzie pre komparatívny výskum v interkultúrnej komunikácii“[25].

LITERATÚRA:

DEKANOVÁ, Eva. 2006. *Adjektiváliá v translačnom procese*. Nitra: UKF, 2006. - 126 s. - ISBN 80-8050-991-3.

DEKANOVÁ, Eva. 2009. *Kapitoly z teórie a didaktiky prekladu odborných textov*. Nitra: FF UKF, 2009. 151s. ISBN 978-80-8094-598-5.

DEKANOVÁ, Eva. 2003. Špecifiká prekladu odborného textu. In. *Preklad a tlmočenie 5*. Banská Bystrica: Filozofická fakulta UMB, 2003, s. 156 – 161. ISBN 80-8055-865-5

Encyklopédia jazykovedy. Ed. J. Mistrík. 1. vyd. Bratislava: Obzor, 1993. 513 s. ISBN 80-215-0250-9

FINDRA, Ján. 2004. *Štylistika slovenčiny.* Martin: Osveta, 2004. 232 s. ISBN 80-8063-142-5

KRÁTKY slovník slovenského jazyka. Bratislava: Veda, 1987. 592 s.

MASÁR, Ivan. 1982. Termín a jeho neterminologické náprotivky v športovej publicistike. In: *Jazyk a štýl publicistiky*. Zost. J. Mistrík. Bratislava, 1982.

MISTRÍK, Jozef. 1997. *Štylistika.* Bratislava: SPN, 1997. 598 s. ISBN 80-08-02529-8

MOLNÁROVÁ, Lucia. 2013. *Lexikálne a štylistické osobitosti odbornej lexiky* (na materiáli ekonomických textov): dizertačná práca. Nitra: FF UKF, 2013. 154 strán.

RUDINCOVÁ, Blažena. 2000. *Typy pojmenování v současné ruštině*. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta. 2000, 210 s. ISBN 80-7042-586-5

ДАНИЛЕНКО, Валерия. 1977. *Русская терминология.* Опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977. 245 с.

Машиностроение. Толковый словар терминов. Dostupné na internete: <http://sl3d.ru/>

терминология. Вопросы теории. Москва: Едиториал УРСС, 2009. ISBN 978-5-397-00688-0. str. 73-74.

[25] DEKANOVÁ, Eva. 2003. Špecifiká prekladu odborného textu. In: *Preklad a tlmočenie 5*. Banská Bystrica: Filozofická fakulta UMB, 2003. str. 160.

СЕРДОБИНЦЕВА, Елена. 2011. Профессионализмы в научном стиле. In: Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. [online]. 2011. № 23. С. 241 – 244, [cit. 27.8.2013]. Dostupné na internete: < http://cyberleninka.ru/article/n/professionalizmy-v-nauchnom-stile>.

СУПЕРАНСКАЯ А.В. – ПОДОЛЬСКАЯ Н.В. – ВАСИЛЬЕВА Н.В.: *Общая терминология. Вопросы теории.* Москва: Едиториал УРСС, 2009. 248 с. ISBN 978-5-397-00688-0

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТОНАЦИОННЫХ КОНСТРУКЦИЙ. ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. [1]

Mgr. Jakub Konečný

Кафедра русистики и лингводидактики Педагогического факультета Карлова Университета в Праге

jakub.konecny@pedf.cuni.cz

ABSTRAKT:
Příspěvek se zabývá komunikativním potenciálem intonačních konstrukcí v současném ruském jazyce. Při charakteristice intonačních konstrukcí vycházíme z klasifikace provedené E. A. Bryzgunovovou. V příspěvku budou představeny výsledky analýzy učebních souborů pro žáky středních škol „Raduga po-novomu“, „Vremena“ a „Klass“. Pozornost bude věnována možnostem použití jednotlivých intonačních konstrukcí jako prostředku vyjádření emocionálního a modálního hlediska promluvy.

«Интонация – слабое звено языковой системы»

Т.Э. Янко

Здра^{2}вствуйте! – Здра^{4}вствуйте!

Откро^{2}йте окно! – Откро^{3}йте окно!

Лу^{2}чше работай! – Лучше рабо^{2}тай!

Интонация как один из элементов супрасегментного уровня звукового строя языка представляет собой важное средство, играющее роль в реализации коммуникативного акта. Согласно Е.А. Брызгуновой, интонация – это «звуковое средство языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели <…> и передают субъективное отношение к высказываемому. <…> Интонация характеризуется количественными изменениями основного тона. <…> При этом направление движения основного тона может быть **ровным**, **нисходящим**, **восходящим**, **нисходяще-восходящим**, **восходяще-нисходящим**. Из всех компонентов интонации изменения основного тона <…> наиболее существенны для выражения и восприятия различий по

[1] Работа выполнена в рамках проекта GA UK 253-450 „Fonetická gramotnost českých žáků v ruském jazyce“, разработанного на Педагогическом факультете Карлова Университета в Праге.

цели высказывания и субъективного отношения говорящего к высказываемому. <…> Интонация – это **различные соотношения количественных изменений тона, тембра, интенсивности, длительности звуков, служащие для выражения смысловых и эмоциональных различий высказываний**». [Брызгунова in Шведова и др. 1980: 96]

Как замечает Т.Э. Янко, «у интонации есть свои особенности, которых нет у других языковых уровней». [Янко 2008: 9] В плане содержания интонация «маркирует крайне абстрактные значения, которые не всегда легко не только сформулировать, но и обнаружить в силу их непредметного характера: интонация показывает, в чем состоит глобальное коммуникативное намерение говорящего (задать вопрос, выступить с сообщением, выразить чувства), интонация может придавать высказываниям перформативный характер, соотносить текущие высказывания с предшествующим и последующим текстом, интонация может указывать на то, что текущее предложение не последнее, а также на то, что предложение, следующее за текущим, тоже не последнее, интонацией может выражаться сопоставление объекта референции с упорядоченным или неупорядоченным рядом объектов, подобных ему». [Янко 2008: 9-10] Особенностью инонации является также факт, что «омонимия и многозначность – свойства, присущие всем языковым уровням, – в интонации распространены особенно широко. Так, подъём тона в контексте вопроса и в контексте повествовательного предложения имеет разные значения. Это свойство интонации предъявляет специальные требования к контекстному анализу интонационных единиц». [Янко 2008: 10]

Из вышесказанного вытекает, что для правильного восприятия речи говорящего (не говоря о реализации собственных высказываний) необходимо учитывать роль интонации как одного из смыслоразличающих средств в процессе коммуникации. Кроме того, интонация представляет собой также область, чья неправильная реализация создаёт одну из важнейших черт иностранного акцента в русской речи у говорящих-иностранцев.

Работая над звучащей речью, необходимо учитывать факт, что «основная трудность при обучении иноязычному произношению состоит в том, что учащиеся воспринимают звучание чужой речи сквозь призму фонетической системы родного языка. Обладая устойчивыми навыками слышания и произнесения звуков родного языка, они подгоняют под эти шаблоны своё восприятие и воспроизведение непривычных звуков чужой речи». [Бернштейн 1937: 13] К сказанному С.И. Бернштейном можно дополнить, что данная проблема касается не только сегментных

элементов звукового строя изучаемого языка (т.е. звуков), но и явлений супрасегментного уровня. А.А. Реформатский считает, что «главная трудность при обучении произношению чужого языка – не овладение чужим, а борьба со своим». [Реформатский 1970: 508]

В современной чешской дидактике русского языка (как иностранного/второго иностранного языка), к сожалению, вышесказанное почти не отражается. Вытекающие из этого последствия проявляются в существовании всё усиливающегося феномена, о котором писал уже в 1985 году Йосеф Веселы. Речь идёт о т.н. «чешском русском языке», т.е. проявлении в речи чехов, говорящих по-русски, тех навыков родного языка, которые образовывают сильный акцент (порой сильно меняющий смысл сказанного или полностью искажающий его). [ср. Veselý 1985]

Одной из причин такой ситуации является бесспорно также форма работы над развитием фонетической грамотности чешских учащихся в русском языке, определённая, в основном, содержанием фонетического минимума, включенного в отдельные учебно-методические комплексы.

Для наглядности приведём пример из трёх учебников, предназначенных для использования учащимися средних школ: УМК «Радуга по-новому», «Времена» и «Класс». Говоря об интонации, мы придерживаемся системы, разработанной Е.А. Брызнуновой. «Согласно этой системе в русском языке можно выделить семь основных типов интонационных конструкций (ИК). Эти ИК имеют ряд общих свойств. 1) Каждый тип ИК способен различать значение предложений с одинаковой синтаксической конструкцией и лексическим составом. <…> 2) Один и тот же тип ИК может восприниматься по-разному в зависимости от синтаксической конструкции и лексического состава предложения. <…> 3) В каждом типе ИК выделяется слог, на котором происходит изменение интонации, значимое для выражения таких различий, как, например, вопрос-сообщение, вопрос-волеизъявление. Этот слог является интонационным и смысловым центром ИК. В зависимости от места интонационного центра выделяются две другие составные части ИК – предцентровая и постцентровая. <…> 4) У каждого говорящего есть свой средний тон, на котором обычно произносятся предцентровые части ИК. Повышения и понижения тона, которые происходят в центре ИК, становятся значимыми при сравнении со средним тоном. <…> 5) Основными различительными признаками ИК являются интервалы по тону между составными частями ИК и направление тона в центре.» [Брызгунова 1977: 16-18]

Таблица 1 – Материал, разработанный в УМК для средних школ – Интонационные конструкции

ИК/УМК	Радуга по-новому	Времена	Класс
ИК-1	+	+	+
ИК-2	+	+	+
ИК-3	+	+	+
ИК-4	+	+	-
ИК-5	+	-	-
ИК-6	-	-	-
ИК-7	-	-	-

Как видно из таблицы, во всех трёх УМК разработаны ИК-1, ИК-2 и ИК-3. ИК-4 содержится только в учебниках «Радуга по-новому» и «Времена», ИК-5 включена в фонетический минимум только чешского учебного комплекса «Радуга по-новому». Ни один из анализированных нами УМК не предлагает для усвоения ИК-6 и ИК-7, хотя, по нашему мнению, ИК-6 используется в устной (особенно разговорной) речи нередко. Нельзя предполагать, что учителя добавляют в фонетический минимум отсутствующие в нём элементы. Таким образом, учащиеся, слушая носителей языка, не в состоянии понять смысл высказываний с незнакомыми им ИК и не умеют в своей речи выразить те эмоциональные или модальные оттенки, оформляющиеся неизвестными им ИК.

Важным недостатком всех трёх учебников можно считать также факт, что работа над интонацией осуществляется исключительно формой непосредственной имитации. Учебники не предлагают учащимся схемы реализации отдельных ИК, не знакомят их с возможностями их употребления в речи. Более того, ни один УМК не пользуется при работе над интонацией системой, разработанной Е.А. Брызгуновой[2].

Таблица 2 – Объём материала, представленного в УМК (том учебника/урок/страница, например, U1/3/36 обозначает, что данный материал содержится в первом томе учебника, в третьем уроке на странице 36)

ИК/УМК	Радуга по-новому	Времена	Класс
ИК-1	U1/3/36, U1/4/54, U4/1/11, U4/5/120	U1/1/18, U2/7/60	U1/2/27

[2] Мы имеем в виду, что включенные в фонетический минимум ИК не обозначаются цифрами, хотя, мы убеждены в том, что учащиеся средних школ в состоянии понять и освоить систему интонации русского языка так, как предлагает Елена Андреевна.

ИК-2	U1/2/21, U1/3/36, U1/4/54, U2/2/30, U2/6/111, U3/1/14, U4/1/11	U1/2/34-35, U1/2/43, U2/7/60	U1/1/17, U1/2/27, U1/3/37, U2/17/95, U3/24/103
ИК-3	U1/2/21, U1/3/36, U1/4/54, U2/2/34, U2/5/93, U3/4/79, U4/1/11, U4/4/81	U1/1/18, U2/7/60	U1/3/37, U2/17/95
ИК-4	U1/4/54	U1/2/40	
ИК-5	U1/4/54, U2/5/93, U4/1/11		
ИК-6			
ИК-7			

Кроме того, что в анализированных УМК разработаны не все ИК, недостаточным, на наш взгляд, является также объём материала и его распределение между отдельными томами всего комплекса. Таким образом, работа над интонацией или сосредоточена только в первом томе учебника и больше не повторяется, или задания на повторение интонации появляются в разных томах учебников без всякой последовательности и структуры.

Компоненты интонации (интонационные средства), к которым принадлежат 1) тип ИК; 2) передвижение интонационного центра; 3) синтагматическое членение предложения и 4) пауза «выполняют в различных языках следующие основные функции: коммуникативную, смыслоразличительную (фонологическую), кульминативную (выделительную), синтетизирующую (объединительную), делиминативную (разграничительную), эмоциональную и экспрессивную. Национально специфическими для русской речи являются <...> своеобразные интонационные структуры – их количество, качественные особенности, многообразие воплощений, комбинаций и модификаций». [Черемисина-Ениколопова 1999: 19]

Из приведённых выше функций сосредоточимся подробнее на коммуникативной и смыслоразличительной (фонологической). «Интонация оформляет предложение как минимальную единицу общения, как относительно самостоятельную коммуникативную единицу – в отличие от слова и словосочетания». [Черемисина-Ениколопова 1999: 19]. Она играет важную роль при установлении контакта между говорящими, поддерживает его в процессе общения, указывает на завершение высказывания. При помощи интонации выделяется информативный центр высказывания. [ср. Черемисина-Ениколопова 1999: 19]

«Смыслоразличительные возможности интонации наиболее ярко проявляются при сравнении высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или высказываний с разным синтаксическим строением, но одинаковым звуковым составом словоформ». [Брызгунова in Шведова и др. 1980: 97]

Данное явление связано с феноменом полифункциональности языковых единиц. Ф.И. Панков насчитывает 13 реализаций данного лингвистического явления. [ср. Панков 2013: 450]

Нас, однако, интересует определение полифункциональности высказывания как «наличие у него потенциальных значений, которые вне интонации и смысловых связей остаются нераскрытыми, неактуализированными». [Панков 2013: 452]

«Полифункциональные слова и словоформы могут различаться и коммуникативной ролью, т.е. способностью занимать ту или иную позицию в коммуникативной структуре высказывания <…>, ср., например, полифункциональное слово *какой* в составе следующих высказываний: а) ***Како^{2}й*** *у Олега голос?* б) ***Како^{5}й*** *у Олега го^{1}лос!* в) ***Какой*** *у Олега го^{6}лос!* г) ***Како^{7}й*** *у Олега голос!*». [Панков 2013: 454][3]

Далее в своей статье автор подробно анализирует полифункциональное слово *ещё*, причём выделяет 11 оппозиций, отличающихся друг от друга средствами интонации. [ср. Панков 2013: 454-460]

Кроме способности уточнять значение отдельных слов в высказывании, отдельные типы интонационных конструкций могут образовать целый ряд фонологических оппозиций, в рамках которых противопоставляются друг другу, изменяя значение всего высказывания. Дальше приводятся некоторые примеры из Русской грамматики 1980. [ср. Брызгунова in Шведова и др. 1980: 99-109]

Противопоставление высказываний, смысловые различия которых несовместимы в одном и том же контексте:

1. Оппозиция ИК-1 и ИК-2: *Где проходили бои^{1}.*
   Где^{2} проходили бои?
2. Оппозиция ИК-1 и ИК-3: *Он предупреди^{1}л их.*
   Он предупреди^{3}л их.
3. Оппозиция ИК-1 и ИК-7: *Какие там сады^{1}.*
   Каки^{7}е там сады!

[3] а) вопросительное местоимение (в составе частного вопроса); б) и в) выражение качественной оценки; г) экспрессивное отрицание или несогласие.

4. Оппозиция ИК-2 и ИК-3: *Все^{2}м идти!*

Все^{3}м идти?

Воды^{2}!

Воды^{3}!

5. Оппозиция ИК-2 и ИК-5: *Како^{2}й сегодня день?*

Како^{5}й сегодня де^{5}нь!

6. Оппозиция ИК-2 и ИК-6: *А что^{2} мы знаем?*

А что мы зна^{6}ем!

7. Оппозиция ИК-4 и ИК-5: *Сколько де^{4}вушек?*

Ско^{5}лько де^{5}вушек?

8. Оппозиция ИК-4 и ИК-6: *Де^{4}вушек сколько?*

Де^{6}вушек сколько?

9. Оппозиция ИК-6 и ИК-7: *Кака^{6}я у него специальность?*

Кака^{7}я у него специальность!

Различия нейтрального и субъективного отношения говорящего в высказываниях:

10. Оппозиция ИК-1 и ИК-4: *Чита^{3}ла это? –* ***Чита^{1}ла****.*

Чита^{3}ла это? – ***Чита^{4}ла****!*

11. Оппозиция ИК-1 и ИК-5: *Я не был здесь пя^{1}ть лет.*

Я не был здесь пя^{5}ть ле^{5}т!

Стилистические различия высказываний:

12. Оппозиция ИК-5 и ИК-6: *Включите в смету: / гости^{4}ницы, / поездки не теплохо^{4}де, / автобусные экску^{4}рсии, / всё!*

Гости^{6}ницы, / поездки на теплохо^{6}де, / автобусные экску^{6}рсии, / - всё нравилось ему, / всё было ново!

Опираясь на «Программу по русскому языку для иностранных магистрантов – литературоведов», разработанную для студентов Филологического факультета МГУ, можно привести следующие способы «выявления основного значения звучащего предложения на основе анализа взаимодействия лексики, синтаксиса, интонации и контекста». [Амиантова 2000: 78]

Смыслоразличительные возможности ИК:

Какой там ле^{1}с. (Название статьи, т.е. О том, какой там лес)

Како^{2}й там лес? (Вопрос)

Какой там ле^{3}с? (Повторение вопроса при ответе)

Како^{4}й там лес? (Официальный вопрос)

Како^{5}й там ле^{5}с! (Повествовательное оценочное предложение)

Какой там ле^{6}с! (Повествовательное оценочное предложение)

Како^{7}й там лес! (Оценочное предложение)

Смыслоразличительные возможности передвижения интонационного центра:

Какую я читал по^{6}весть? Мне она очень понра^{1}вилась. (Оценочное прежложение)

Каку^{6}ю я читал повесть? Не могу вспо^{1}мнить. (Вопрос с оттенком припоминания)

Интонационная синонимия:

Синонимия ИК-2 и ИК-3:	*Прочита^{2}йте стихотворение!*	
	Прочита^{3}йте стихотворение!	
Синонимия ИК-1, ИК-2, ИК-4:	*Вы чита^{3}ли это книгу?*	– ***Чита^{1}л.***
		– ***Чита^{2}л.***
		– ***Чита^{4}л.***
Синонимия ИК-3, ИК-4, ИК-6:	*Эта пье^{3}са / была написана в 1854 году.*	
	Эта пье^{4}са / была написана в 1854 году.	
	Эта пье^{6}са / была написана в 1854 году.	

Мы согласны с Ф.И. Панковым, который утверждает, что «следует обращать внимание учащихся на то, что в звучащей речи, особенно в предложениях с многозначным лексико-грамматическим составом, активизируется роль системы интонационных средств и смысловых связей высказываний в контексте». [Панков 2013: 461].

Настоящая статья ни в коем случае не является исчерпывающим изложеним интересующей нас стороны звучащей речи. Нашей целью было обратить внимание читателей на интонацию как одно из значимых средств, принимающих участие в процессе коммуникации.

Как указано выше, современные учебно-методические комплексы «Радуга по-новому», «Времена» и «Класс», используемые в чешской школе в процессе обучения

русскому языку, предлагают работу над интонацией (как и над звучащей речью в общем) только в рамках коммуникативного метода обучения, что, по нашему убеждению, и, на основе опыта и уровня языка выпускников средних школ и поступающих в вузы по специальности русский язык, недостаточно для того, чтобы достичь поставленной данным методом цели обучения.

Приведённые в статье примеры фонологических оппозиций и коммуникативно значимых функций интонационных языковых средств являются примерами, подчёркивающими значение данных элементов супрасегментной стороны русской звучащей речи. Чтобы правильно овладеть навыками устной речи, учащиеся должны сознательно освоить интонационную систему русского языка и понять роль интонации в процессе общения. Без этого нельзя говорить о достижении цели коммуникативно направленного обучения, т.к. учащиеся в своей речи часто допускают ошибки, искажающие смысл высказывания или полностью мешающие его пониманию собеседником.

Использованная литература:

VESELÝ, Josef. 1985. *Problematika vyučování ruštině jako blízce příbuznému jazyku*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1985. 179 s.

АМИАНТОВА, Эльвина Ильинична, et. al. 2000. *Программа по русскому языку для иностранных магистрантов-литературоведов (научный стиль речи).* Москва: Изд-во МГУ, 2000. 135 с.

БЕРНШТЕЙН, Сергей. 1937. *Вопросы обучения произношению. Применительно к преподаванию русского языка иностранцам*. Москва: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937. 66 с.

БРЫЗГУНОВА, Елена Андреевна. 1977. *Звуки и интонация русской речи*. Москва: Русский язык, 1977. 278 с.

ПАНКОВ, Фёдор Иванович. К вопросу о полифункциональности языковых единиц. In: *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей* [online]. Вып. 47, цитировано [14-08-2013]. Доступно в Интернете: < http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_47.pdf>.

РЕФОРМАТСКИЙ, Александр Александрович. 1970. Фонология на службе обучения произношению неродного языка. In: *Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия*. Москва: Наука, 1970.

ЧЕРЕМИСИНА-ЕНИКОЛОПОВА, Нинель Васильевна. 1999. *Законы и правила русской интонации*. Москва: Флинта, 1999. 520 с. ISBN 5-89349-132-7

ШВЕДОВА, Наталия Юльевна, et al. 1980. *Русская грамматика*: т. I – Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва: Наука, 1980. 783 с.

ЯНКО, Татьяна Евгеньевна. 2008. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте.* Москва: Языки славянских культур, 2008. 312 с. ISBN 978-5-9551-0267-2

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ПРИЧИНЫ В РУССКОЙ ГАЗЕТЕ «Metro Санкт-Петербург»

PhDr. Mgr. Libuše Dufková

Университет им. Масарика, Философский факультет, г. Брно, Чешская Республика

dufkova@gmail.com

ABSTRACT:
In the following contribution ***Выражение причинных отношений обстоятельствами причины в русской газете «Metro Санкт-Петербург», (The Ways of Expression of Causative Occasions with Causative Adverbials of in Russian Newspaper „Metro Санкт-Петербург“)*** I deal with ways of expression of causative occasions in Russian language in both theoretical and practical fields. First of all, the term *causative occasions* will be specified according to Russian and Czech linguists. Secondly, the possible ways of expression of causative occasions will be outlined and supported by illustrative examples. Thirdly, the collected practical material which consists of database of expressions of causative occasions from Russian version of newspaper “Metro” (February – June 2012) will be analysed according to criteria set in the first and second part of my contribution.

Поскольку обстоятельства причины и придаточные предложения причины указывают на причину возникновения действия или признака, а также дают обоснование действия или состояния, автор статьи предполагает, что их применение в текстах газетно-публицистической разновидности публицистического стиля будет занимать особое место. Для подтверждения нашего предположения мы решили создать корпус примеров выражений причинных отношений, использованных в различных русских газетах. В настоящей статье будем уделять внимание выражениям причинных отношений из базы данных примеров, выписанных из газеты «**Metro Санкт-Петербург**». Несмотря на качество статьей в данной газете, с нашей точки зрения, способ выражения причинных обстоятельств событий, о которых отдельные жанры публицистического стиля в газете «Metro Санкт-Петербург» информируют, является важным и достойным нашего внимания.

«Metro Санкт-Петербург» является бесплатной газетой, первый номер которой вышел 21 марта 1997 года. Учредителями данного издания стали частные лица, заинтересованные успехом газеты «Metro» в шведской столице Стокгольм. Создатели

заключили договор на распространение газеты в метрополитене Санкт-Петербурга и зарегистрировали в Роспатенте свои права на газетные бренды «Metro» и «Метро» на территории всей России. Необходимо отметить, что петербургская и московская газеты «Метро» развивались отдельно и у петербургского проекта не было в отличие от московского особой финансовой поддержки. Сначала газета выходила еженедельно, лишь в 2004 году стало «Метро» первой в России ежедневной массовой бесплатной информационной газетой. В том же году «Метро» стало лидером по объемам продаж рекламы и лидером по размеру читательской аудитории среди ежедневных газет Санкт-Петербурга. В связи с тем, что в 2005 году концерн Metro International купил права на бренды «Metro» и «Метро» на территории России, газета стала частью крупнейшей мировой сети газет Metro и 26 сентября 2005 года вышел первый номер «Metro Санкт-Петербург» с международным зеленым логотипом.

Газета «Metro Санкт-Петербург» характерна короткими текстами из сферы отечественной и заграничной политики (разделы Россия, Мир), или других событий (разделы Деньги, Спорт, Мнения, Мода, Дом, Недвижимость, Офис, Развлечение, Рекламы, и многие другие). Статьи газеты дополнены большим количеством цветных фотографий и иллюстраций. Характеристическим признаком статей данной газеты является сжатость изложения предлагаемой информации, о котором свидетельствует низкое количество сложных предложений. Хотя сложные предложения в текстах также присутствуют, количество слов, использованных в данном предложении ограничено. Поскольку газета «Metro Санкт-Петербург» раздается бесплатно на станциях и остановках общественного транспорта и главной ее целью является предоставление информации читателям в кратком периоде времени, предназначенном для их перемещения на работу, короткие тексты и простая форма изложения статей является логичной.

Суть нашего исследования заключается в анализе базы данных выражений причинных отношений, источником которой стало **37** выпусков газеты «Metro Санкт-Петербург» от 2012 г. Поиск выражений причинных отношений в ниже перечисленных номерах проводился одновременно с чтением газеты «Metro Санкт-Петербург» в пути на занятия во время стажировки, которую мы проводили с февраля по июнь 2012 года в СПБГУ. В феврале приведенного года был проведен анализ 5 выпусков: No 30 (2398), No 31 (2399), No 32 (2400), No 33 (2401), No 35 (2403). В марте мы исследовали выражение причинных отношений в следующих 13 номерах: No 36 (2404), No 38 (2406), No 39 (2407), No 41 (2409), No 42 (2410), No 43 (2411), No 45 (2413), No 47

(2415), No 48 (2416), No 50 (2418), No 52 (2420), No 53 (2421), No 55 (2423). В апреле было проанализировано 10 номеров: No 57 (2425), No 58 (2426), No 59 (2427), No 61 (2429), No 63 (2431), No 64 (2432), No 65 (2433), No 67 (2435), No 68 (2436), No 69 (2437). В мае было разобрано 6 номеров: No 86 (2454), No 89 (2457), No 90 (2458), No 92 (2460), No 93 (2461), No 94 (2462). В июне 2012 года мы исследовали только 3 выпуска: No 99 (2467), No 100 (2468), No 102 (2470).

В целом мы подвергли анализу 350 единиц, которые необходимо было разделить на две группы:

1) способы выражения причинных отношений обстоятельствами причины в простом предложении,
2) способы выражения причинных отношений придаточными причины в сложном предложении.

Как отмечают М. В. Панов и Р. Б. Сабаткоев (ср. Панов, Сабаткоев 2002: 65) в простом предложении причинные отношения выражаются при помощи наречий, предложно-падежных сочетаний, деепричастий и деепричастных оборотов. В качестве примеров предлогов для выражения обстоятельств причины предложно-падежным сочетанием М. В. Панов и Р. Б. Сабаткоев приводят предлоги: *благодаря, из-за, от, по, с, за, вследствие, ввиду, в связи с*. Чешский лингвист С. Жажа считает, что составные предлоги *в силу, ввиду, за счет, по случаю, в результате* и *по причине* принадлежат к книжному стилю. Выражение причины посредством приведенных предлогов характерно для научных текстов (ср. Bauer, Mrázek, Žaža 1960: 305). В нашем исследовании мы сосредоточимся на причинных отношениях, выраженных предложно-падежными сочетаниями. Внимание будет также уделяться составным предлогам, которые были С. Жажой означены как книжные.

В сложном предложении причинные отношения выражаются при помощи синтаксических конструкций с союзами, причем важной оказывается позиция придаточной части в структуре предложения (постпозиция или свободная позиция). Союзы *потому что, ибо* имеют постпозицию; союзы *оттого что, так как, поскольку, благодаря тому что, из-за того что, ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, в связи с тем что, по причине того что* имеют свободную позицию. (ср. Баско, Джонг, 1960 [Электронный ресурс]. [цит. 20-4-2013]. Доступный из WWW: http://old.kpfu.ru/conf/LENCA-2/sbornik.htm)

Переходим к сути нашего исследования. Из 37 выше приведенных номеров газеты «Metro Санкт-Петербург» было выписано в целом 350 примеров причинных

отношений. Из общего количества примеров 211 единиц относятся к обстоятельствам причины, 139 единиц являются придаточными предложениями причины. Результат данного разделения вполне соответствует стилю статей газеты «Metro Санкт-Петербург», т. е. короткости и сжатости текстов, входящих в ее состав. Наше исследование подтвердило предположение преимущество причинных отношений, выраженных посредствам обстоятельств причины.

В настоящей статье будем рассматривать только способы выражения причинных отношений обстоятельствами причины. В целом было употреблено для выражения причинных отношений 14 предлогов. Чаще всего авторы статей использовали предлоги *из-за* (85 раз), *благодаря* (29 раз), *по* (25 раз), *от* (18 раз), *за* (13 раз). Т. е. среди самых употребляемых предлогов не находились составные предлоги *в силу, ввиду, за счет, по случаю, в результате* и *по причине*, отмеченные чешским лингвистой С. Жажой как книжные.

Предлог *из-за* употребляется для выражения неблагоприятной причины. Л. С. Крючкова (ср. Крючкова 2004, 383) отмечает, что причина может а) препятствовать осуществлению действия, б) вынуждать субъект прекратить действие, в) вызывать нежелательное действие, г) являться поводом для конфликта. Примеры для классификации Л. С. Крючковой приведены ниже:

Ad а) *Петербургские поклонники знаменитой рок-группы Black Sabbath пребывают в шоке: их любимцы* ***из-за*** *болезни гитариста Тони Айомми отменили европейское турне, а значит, не состоится концерт, намеченный на 20 мая в Северной столице.*

Metro Санкт-Петербург, 21 февраля 2012, No 30 (2398), с. 2.

Ведь основной голкипер марсельцев Стив Манданда пропустит сегодняшний матч ***из-за*** *дисквалификации.*

Metro Санкт-Петербург, 28 марта 2012, No 53 (2421), с. 8.

Ad б) *В последний раз запуск был отменен в субботу за полсекунды до старта* ***из-за*** *неисправности, обнаруженной в двигателе.*

Metro Санкт-Петербург, 23 мая 2012, No 89 (2457), с. 9

Певица отменила свой концерт в столице Индонезии Джакарте, назначенный на 27 мая, ***из-за*** *угроз, полученных от радикально настроенных приверженцев ислама.*

Metro Санкт-Петербург, 28 мая 2012, No 92 (2460), с. 23.

Ad в) *Вертолет мог разбиться* ***из-за*** *попадания в мощный снежный заряд и потери пространственной ориентировки.*

Metro Санкт-Петербург, 16 марта 2012, No 45 (2413), с. 3.

Городские власти говорят, что музей был закрыт ***из-за*** *ремонтных работ на пешеходной улице.*

Metro Санкт-Петербург, 28 марта 2012, No 53 (2421), с. 6.

Ad г) *—Мы вместе с соседями считаем, что жену убили* ***из-за*** *дома. — прямолинейно заявила Metro жительница одного из близлежащих домов Анна.*

Metro Санкт-Петербург, 12 марта 2012, No 41 (2409), с. 5.

Два бизнесмена подрались в Чувашии ***из-за*** *покупки поросят.*

Metro Санкт-Петербург, 30 мая 2012, No 94 (2462), с. 4.

Хотя предлог *из-за* служит в общем для выражения неблагоприятной причины, в нескольких случаях он был употреблен для выражения причины благоприятствующей. Автор настоящей статьи считает, что причиной упомянутого употребления мог стать стилистический прием иронии или сарказма, или также недостаточный уровень знания тонкостей в выражении причинных отношений русского языка, хотя вторая приведенная причина считается скорее всего невероятной, так как журналисты в России проходят тщательную подготовку. Ниже приводим примеры ненадлежащего употребления предлога *из-за*, в издании от 1 марта от 2012 г.:

*Почему решили сниматься в этом кино? —****Из-за*** *Кэмерона. Есть невероятные моменты в фильмах Кроу, когда вы понимаете, каковы люди на самом деле, и одновременно смеетесь.*

Metro Санкт-Петербург, 1 марта 2012, No 36 (2404), с. 26.

Мы набираем людей ***из-за*** *их достоинств, а не* ***из-за*** *их опыта.*

Metro Санкт-Петербург, 1 марта 2012, No 36 (2404), с. 12.

Вторым по частоте предлогом стал предлог *благодаря*, выражающий положительное явление, ставшее причиной какого-либо действия, обеспечивающее его выполнение или определяющее желательный результат. Предлог *благодаря* был зафиксирован 29 раз. Если сравнить распространенность данного предлога с выше упомянутым предлогом *из-за*, имеющим отрицательное значение, то он был употреблен довольно мало. Возможным объяснением такого результата исследования является тематика статьей, меньшая необходимость изложения положительных явлений или преобладание отрицательных новостей над положительными. Употребление предлога *благодаря* для выражения причины неблагоприятной в нашей базе примеров зафиксировано не было.

Благодаря *большой площади застройщики совершенно свободны в выборе технологий, архитектурных решений и планировки квартир.*
Metro Санкт-Петербург, 6 апреля 2012, No 61 (2429), с. 17.

Благодаря *этому прибору пилот может в ручном режиме совершать стыковку со станцией.*
Metro Санкт-Петербург, 22 февраля 2012, No 31 (2399), с. 7.

Предлог *по* применяется для выражения причины, обоснованной логическим выводом, который позволяет судить о причине. Вторым значением, которое предлог *по* раскрывает, это вынужденное действие, событие или явление. Предлог *по* был в нашей базе данных зафиксирован 25 раз. Иллюстративные примеры приведены ниже:

В 1980 году он ***по*** *совету отца женился на еврейке и затем уехал в Израиль.*
Metro Санкт-Петербург, 7 июня 2012, No 100(2468), с. 2.

По *подозрению в совершении преступления задержаны двое рабочих.*
Metro Санкт-Петербург, 4 апреля 2012, No 58(2426), с. 2.

Предлог *от,* употребляемый вместе с глаголами, обозначающими изменение состояния субъекта, изменение цвета, перемещение субъекта в пространстве или

действие связанное с жестами и мимикой, был употреблен в целом 18 раз. Ниже приведенные примеры иллюстрируют, что для выражения изменения состояния к лучшему и худшему мы можем использовать одинаковый предлог:

Пациентка умерла ***от*** *внезапного сердечного приступа.*
Metro Санкт-Петербург, 11 апреля 2012, No 63 (2431), с. 3.

Мировая рекордсменка вне себя ***от*** *счастья, что ей удалось осуществить свою мечту.*
Metro Санкт-Петербург, 24 мая 2012, No 90 (2458), с. 10.

Предлог *за*, который означает основание действия, связанного с благодарностью, похвалой, вознаграждением, осуждением или наказанием, был отмечен 13 раз. Предлог *за* был скорее использован для выражения отрицательного значения:

В Петербурге геев впервые задержали ***за*** *пропаганду*
Metro Санкт-Петербург, 6 апреля 2012, No 61 (2429), с. 15.

За *сотрудничество с коммерческими компаниями НАСА подверглась критике бывших астронавтов.*
Metro Санкт-Петербург, 18 мая 2012, No 86 (2454), с. 5.

Средства выражения причинных отношений *в силу, ввиду, за счет, по случаю, в результате* и *по причине*, приведенные С. Жажой в качестве книжных, в простых и сложных предложениях встречались довольно мало. По сравнению с первыми по частоте средствами можно сказать, что их употребление являлось редким. Исключением является средство *в результате*, которое было в простых предложениях использовано 8 раз. Причиной является результативное значение обусловливающего события, что способствует в определенной мере экономии языковых средств. Ниже приводим примеры данного предлога:

В результате *серии взрывов в Ираке, прогремевших в разных районах страны, погибло не менее 40 человек.*

Metro Санкт-Петербург, 21 марта 2012, No 48 (2416), с. 4.

В результате *погибли также 68 человек — это все, кто находился на борту.*
Metro Санкт-Петербург, 3 апреля 2012, No 57 (2425), с. 5.

Предлог *по причине* был употреблен также 8 раз. Данный предлог был в некоторых предложениях расширен местоимением *этот*, т. е. *по этой причине*:

К моему знакомому психологу часто приводили юношей 16-17 лет, которые пытались именно ***по этой причине*** *убить себя.*
Metro Санкт-Петербург, 6 апреля 2012, No 61 (2429), с. 15.

При этом 59,5% аварий произошло ***по причине*** *несоблюдения технологии проведения строительно-демонтажных работ, 26% —из-за нарушения условий и нормативных сроков эксплуатации здания, 2,6% — из-за ошибок в проектировании.*
Metro Санкт-Петербург, 6 июня 2012, No 99 (2467), с. 13.

Книжный предлог *за счет* был зафиксирован 4 раза. Три раза был употреблен в середине предложения, один раз являлся его начальным элементом. Ниже приводим примеры обеих позиций:

Однако их доля снижается ***за счет*** *восстановления потребности в супермаркетах.*
Metro Санкт-Петербург, 5 апреля 2012, No 59 (2427), с. 8.

За счет *применения самых современных материалов улучшается энергоэффективность дома: он отдает меньше тепла в окружающую среду.*
Metro Санкт-Петербург, 11 апреля 2012, No 63 (2431), с. 14.

Выше упомянутый предлог *в силу* был употреблен только один раз:

Причина в том, говорят врачи, что ***в силу*** *возраста и опыта "взрослые" мамы чаще избегают опасных ситуаций, в которые может попасть ребенок.*

Metro Санкт-Петербург, 24 мая 2012, No 48 (2498), с. 19.

Книжные предлоги *ввиду* и *по случаю* в нашей базе данных примеров выражения причинных отношений обстоятельствами причины найдены не были.

Из исследования созданного нами корпуса вытекает, что в газете «Metro Санкт-Петербург» причинные отношения выражаются скорее всего обстоятельствами причины, чем придаточными предложениями причины. Поскольку упомянутая газета предназначена для массового потребителя, который читает ее рано утром в пути на работу, авторы газеты «Metro Санкт-Петербург» больше, чем авторы других газетно-публицистических жанров, должны писать свои статьи в соответствии с основными чертами публицистического стиля, т. е. лаконичностью изложения, доходчивостью, эмоциональностью и экономией языковых средств. Чаще всего был употреблен предлог *из-за, благодаря, по, от, за*. Книжные предлоги, выражающие причинные отношения, встречались довольно редко.

Список литературы

АБДУКАРИМОВА, А. А. *Публицистический стиль, его основные признаки и функции.* [Электронный ресурс]. [цит. 20. 04. 2013]. Доступный из WWW:
http://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Philologia/27536.doc.htm
http://www.metronews.ru/about/history/#spb

БАСКО, Н. В., ДЖОНГ, Л. Х. *Сравнительный анализ выражения причинно-следственных отношений в русском и корейском языках.* [Электронный ресурс]. [цит. 20-4-2013]. Доступный из WWW: http://old.kpfu.ru/conf/LENCA-2/sbornik.htm

КРЮЧКОВА, Л. С. *Синтаксис простого и сложного предложения.* Москва, ВЛАДОС, 2004. с. 382-394.

ПАНОВ, М. В., САБАТКОЕВ, Р. Б.: *Русский язык. Синтаксис.* Санкт-Петербург, Просвещение, 2002. с. 65.

Стилистика публицистических жанров. [Электронный ресурс]. [цит. 20. 04. 2013]. Доступный из WWW:
http://maxref.ru/referat_396_32.html

BAUER, J., MRÁZEK, R., ŽAŽA, S.: *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Skladba.* SPN, Praha 1960. s. 305.

LITERÁRNA VEDA

FLÓRA V SYSTÉME OBRAZNOSTI POÉZIE F. I. ŤUTČEVA

Mgr. Andrea Haburová, PhD.

Katedra rusistiky, Filozofická fakulta Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave

andrea.haburova@gmail.com

РЕЗЮМЕ:
В настоящей статье внимание уделено флоре в образной системе лирики представителя так называемой чистой поэзии Ф. И. Тютчева. На основе интерпретации тютчевских поэтических текстов мы попытались найти и определить отдельные элементы флоры и показать, каким способом они помагают создавать коннотации с тематикой природы, а затем декодировать художественную модель мира поэта. Можно считать, что хотя в стихах Тютчева обнаруживаются некоторые конкретные названия деревьев, цветов и других растений, они имеют обобщающий характер.

Flóra ako neoddeliteľná súčasť prírody zohráva v systéme obraznosti Ťutčevovej lyriky nezastupiteľnú úlohu. Na jej základe možno vymedziť ústredné elementy systému obraznosti Ťutčevovej poézie a dekódovať tak básnikov umelecký model sveta. Cieľom nášho príspevku je preto prostredníctvom interpretácie básnických textov Ťutčeva nájsť jednotlivé prvky flóry, definovať ich miesto pri vytváraní konotácií s tematikou prírody a následne odhaliť konotačný kód básnika. Pozornosť budeme venovať aj poetologickým postupom, ktoré bude predstaviteľ esteticko-umeleckého prúdu tzv. čistého umenia pri vystavaní jednotlivých básnických obrazov využívať.

Pri pozorovaní prvkov flóry v Ťutčevových veršoch možno nájsť niektoré konkrétne pomenovania stromov, kvetov a iných rastlín. Avšak domnievame sa, že tieto konkréta plnia v ťutčevovskej poézii zovšeobecňujúcu funkciu, pretože majú zväčša symbolický charakter. Napríklad, motív lipy je prítomný v básni *Князю П. А. Вяземскому*[1] (1861), ktorú Ťutčev napísal pri príležitosti peterburgských osláv 50. výročia literárnej činnosti básnika, literárneho kritika a historika, kniežaťa P. A. Viazemského (1792–1878). Slávnostný pátos básni pridáva vyzdvihnutie prírody na piedestál najmä prostredníctvom lexiky, ktorá akcentuje

[1] Pri prvom uvádzaní názvov básní budeme postupovať nasledovne: najprv uvedieme slovenský preklad básne a následne jeho originálny názov v azbuke a rok napísania básne. V prípade, že preklad originálneho názvu básne nie je súčasťou slovenského literárno-kultúrneho priestoru, uvedieme len originálny názov básne v azbuke a rok napísania básne. Ak sa názov básne v ďalšom texte opakuje, budeme operovať len so slovenským prekladom básne a v prípade absencie slovenského prekladu len s originálnym názvom v azbuke.

nedoziernosť prírody: „...Сама великая природа / Ваш торжествует юбилей...“[2] Využitím rozkazovacieho spôsobu „смотрите“, uvádzajúceho druhú a tretiu strofu, básnik akoby naliehal na čitateľa, aby si všimol tú nekonečnú krásu vôkol seba, aby si uvedomil, že príroda sa v tento veľkolepý deň na počesť rozlúčky s básnikom odela do najskvostnejšieho hávu.

Objavujú sa tu Petrove lipy – zjavná alúzia na fakt, že v sankt-peterburgských parkoch rastú lipy, privezené Petrom I. zo západnej Európy a vysadené ešte za jeho panovania. Tento druh lipy (lipa európska) sa vyznačuje mimoriadne dlhou životnosťou (bežne sa dožíva niekoľko sto rokov). Využitie tohto obrazu s motívom líp v básni venovanej oslave Viazemského diela možno chápať aj ako konotačnú alúziu na nadčasovosť jeho básnického odkazu.

Okrem motívu lipy, ktorá sa zriedkavo vyskytuje v tvorbe Ťutčeva, možno spomenúť aj motív duba, napríklad v básni *Uspokojenie* (Успокоение, 1829), ktorá ponúka obraz prírody po búrke:

„Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.“[3]

V úvodných veršoch sa pozornosť koncentruje na vysoký dub, ktorý boj s „перунами“ prehral (Perún v slovanskej mytológii figuroval ako boh hromu a blesku). No aj napriek záhube duba („сизый дым“ ako symbol jeho smrti) príroda po búrke ožíva: hlasnejšie a plnšie sa po húštine rozlieha pieseň operencov, na oblohe sa objavuje farebná dúha a svet nadobúda sviežosť a „zdravú“ farbu. Koniec, zánik jedinca, akokoľvek „vysokého“ neznamená však zánik života – okolitá zeleň vďačí za svoju sviežosť tej istej búrke a triumfuje nad „sivým dymom“ ako život vždy triumfuje nad smrťou.

V súvislosti s touto, ako aj inými ťutčevovskými básňami, nemožno opomenúť ani zvukovú inštrumentalizáciu veršov, ktorú Ťutčev dosahuje najmä prostredníctvom zvukov s, š, z, ž s cieľom podčiarknuť atmosféru celej básne.

Podobné významové vyznenie má aj báseň *Tu, kde sa díva na zem biednu...* (Здесь, где так вяло свод небесный..., 1830). Unavená pozemská príroda je v okovách železného spánku a tie jej môže sňať len „vyššia“, nebeská moc, ktorá determinuje nielen osud ľudí na

[2] ŤUTČEV, F. I. 1965. *Lirika II*. Moskva: Nauka, 1965. S.150.
[3] ŤUTČEV, F. I. 1965. *Lirika I.* Moskva: Nauka, 1965. S. 32.

zemi, ale aj ročné obdobia, počasie. Zoslanie zimy z nebeského sveta pozemskému možno vnímať ako pohyb zhora smerom nadol, ktorý sa umocňuje v druhej strofe básne:

„Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.“[4]

Usporiadaním jednotlivých prvkov flóry – brezy ➔ kríky ➔ mach – sa dodržiava vertikálna línia od hora smerom dolu, nastolená v prvej strofe. Spiacu prírodu síce drží pod zámkom zima, no pozemská flóra aj napriek snehovej pokrývke stále žije, čím narúša smrteľný pokoj zimnej prírody. Boj život verzus smrť sa v básni vyrieši v prospech života, s ktorým básnik sympatizuje.

V tvorbe Ťutčeva, ako sme už naznačili pri predchádzajúcej interpretácii, rezonuje aj breza ako symbol Ruska, básnikovej rodnej krajiny. Jej obraz, resp. obraz jej listov, symbolizujúci obnovujúcu sa prírodu, možno pozorovať napríklad v básni *Prvý list* (Первый лист, 1851). Prvý verš signalizuje znovuzrodenie mladého brezového lístia: „...листьем молодым / Стоят обвеяны березы...“[5] Zelená farba nových listov je symbolom mladosti, prírody, života. Prvé listy na stromoch signalizujú jar, pre ktorú je vlastné pučanie stromov, objavovanie sa prvých listov, predznamenávajúce nový začiatok.

Prvý a posledný verš záverečnej strofy možno chápať ako kontrast prvého, živého a mŕtveho listu (skôr ako víťazstvo mladými silami kypiaceho života nad reliktami zimnej „smrti“):

„О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.“[6]

V predposlednom verši „...в этих тысячах и тьмах“ možno badať istý stupeň explicitne zdôraznenej kvantitatívnej gradácie pri opisovaní množstva listov: úvodný verš prvej strofy

[4] Tamže, s. 31.
[5] Tamže, s. 134.
[6] Tamže, s. 134.

(„Лист зеленеет молодой“) má metonymický charakter; v poslednej strofe však básnik využíva číslovku „tisíce“ a následne tento počet zosilňuje pomocou starého ruského ľudového slova „тьма“ použitého s významom „nespočetné množstvo“. Z hľadiska komplexného myšlienkového uchopenia básne možno hovoriť o obraze cyklického kruhu reprodukcie života prírody a paralelne aj života človeka ako jej súčasti.

Motív lístia vyplýva už aj z názvu ďalšej Ťutčevovej básne *Листья* (1830), nastoľujúcej protiklad ihličnatých a listnatých stromov. Borovice a smreky sú trvácne, odolné voči nepriaznivým poveternostným vplyvom. Básnik im však vyčíta ich „chudobnú“ zeleň – ihličie, ktoré je ostré, necitlivé, nikdy nekvitnúce, ale zato bodajúce. Vyčíta im ich rezistenciu, „koexistenciu“ s chladom. Naopak, listnaté stromy sa vyskytujú v teplejších oblastiach. Nedisponujú síce takou odolnosťou ako ihličnany, ale básnik vyzdvihuje ich schopnosť kvitnúť a skrášľovať lístím letnú prírodu.

V ďalších veršoch básne nastáva istý zlom: vtáctvo odletelo do teplých krajín, kvety odkvitli, vánok už nevanie a aj lístie akoby stratilo zmysel svojej existencie. Listnaté stromy sú preto nútené ustáť zimu nahé. Metaforicky by sa báseň dala chápať ako protiklad dvoch typov ľudí: na jednej strane takých, ktorí sú tvrdí, vytrvalí, necitliví, a na druhej strane takých, ktorí sú ochotní „kvitnúť“, žiť pre iných.

Smrek ako jeden z dominantných druhov porastov rodného kraja A. de Lamartina, francúzskeho básnika, prozaika, románopisca a dramatika, jednej z vedúcich postáv francúzskeho romantizmu, figuruje aj v básni *Как он любил родные ели...* (1849), ktorú Ťutčev napísal na počesť 20. výročia jeho smrti. Druhý verš je alúziou na Lamartinov rodný región Savojska, rozprestierajúci sa na území najzápadnejšej časti Álp, pre ktorý je príznačný práve smrek. Konáre smrekov, clivý šum, divoké zvuky a neprívetivá temnota smrekového lesa nočných Álp, vytvárajú podľa Ťutčeva melódiu Lamartinových veršov a stali sa inšpiračným zdrojom pre lamartinovskú tvorbu.

Odhliadnuc od zriedkavého využívania konkrétnych pomenovaní stromov, Ťutčev v oveľa väčšej miere inklinuje k zovšeobecňujúcim apelatívam ako je strom, resp. stromy či les. Iba ako pars pro toto uvádzame niekoľko príkladov: „верхи дерев колышет“ (*Mal'aria*, 1830), „с деревьев ржавый лист валился“ (*Н. И. Кролю*, prvá polovica 60. rokov), „тень деревьев“ (*Пошли, господь, свою отраду...*, 1850), „не умолкал в деревьях птичий гам“ (*Дым*, 1867), „испещренные деревья“ (*Обвеян вещею дремотой...*, 1850), ale aj „по темной зелени дерев“ (*Одиночество. Из Ламартина*, 1822), „зловещий блеск и пестрота дерев“ (*Осенний вечер,* 1830). Personifikované stromy uňho dokonca spievajú a

chvejú sa radosťou: „поют деревья“, „деревья радостно трепещут“ (*Plieskajú vlny, slnce svieti* – Сияет солнце, воды блещут, 1852).

„Les“ je zastúpený v obraznom systéme Ťutčevovej lyriky taktiež v celom rade variácií: jednak v priamom význame, ako napríklad: „в лесу не молкнет птичий гам“, „гам лесной“ (*Jarná búrka* – Весенняя гроза, 1828-1854), „вершины леса“ (*Ako sladko drieme sad zelený...* – Как сладко дремлет сад темно-зеленый..., 1835), „лес в тумане“ (*Молчит сомнительно Восток...*, 1865), „шумел и зеленел (волшебный) лес“ (*Дым*), jednak s „upresňujúcimi“ epitetami: „черный лес“ (*Снежные горы,* 1830), „зеленый лес“ (*Как летней иногда порою...,* 1863), „дальние леса“ (*Aké je chmúrne nebo v noci...* – Ночное небо так угрюмо..., 1865), „таинственный лес“, „родной лес“ (*Дым*) a napokon aj v metaforickej personifikovanej podobe: „околдован, лес стоит“ (*Čarodejnica je zima* – Чародейкою Зимою, 1852) či „лес грустит“ (*Обвеян вещею дремотой...*). Ako vyplýva z uvedeného, „лес“ a „деревья“ sú často personifikované, čo korešponduje s celkovým naturfilozofickým chápaním prírody v Ťutčevovej tvorbe.

Okrem apelatív „лес“, „дерево“ („деревья“) Ťutčev aj pri pomenúvaní kvetov v prevažnej miere operuje apelatívom „цвет“, resp. „цветы“. Ich konkrétne pomenovania sa v ťutčevovských básňach objavujú veľmi zriedkavo. V celej tvorbe básnika možno nájsť len pomenovania dvoch konkrétnych druhov kvetov – ruže a klinčeka. Klinček sa vyskytuje u Ťutčeva len v jednej básni, a to v *Cache-cache* (1828). Francúzsky názov básne možno preložiť ako hra na schovávačku, čo predznamenáva veselú, hravú náladu básne:

„Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?“[7]

Prvé štvorveršie básne signalizuje duchovnú vznešenosť a lásku k hudbe subjektu označeného zatiaľ zámenom „ona“. Klinčeky a ruže – podobne ako harfa – odkazujú na také vlastnosti subjektu „ona“, ako sú záľuba v kráse a blízky vzťah k prírode. V ďalších veršoch prebieha hra na schovávačku. Lyrický subjekt hľadá svoju nezbedníčku, silfidu. Slovo silfida vzniklo z gréckeho slova silphe, čo znamená moľa, motýľ. V stredovekom folklóre sa pojmom silfy označovali duchovia vzduchu. Ich ženské pohlavie – silfidy, sú krásne mytologické bytosti s farebnými krídlami, ktoré majú schopnosť levitovať, vznášať sa vo vzduchu. V básni sa

[7] Tamže, s. 14.

pozornosť Ťutčeva koncentruje práve na silfidu, ktorá svojou vôňou odkazuje na milovanú osobu. Lyrický subjekt cíti vôňu milovanej a pri pohľade na klinčeky a ruže, sa im prihovára a vyzdvihuje ich sýtočervenú farbu. Potom ich pomenúva už len apelatívom „цветы“ a nachádza v nich toho, koho hľadal. Čarovnú náladu umocňuje dojem, že pri pohľade na kvety lyrický subjekt počuje sladké rozochvenie strún harfy, rozozvučaných v jeho predstavách „jej“ prstami. Hľadá ju v strunách, ktorým vdýchla život. Tento sviatočný okamih básnik umocňuje použitím „vznešenej lexémy“ (ako ich A. D. Grigorieva nazýva)[8] „очи“ namiesto neutrálneho „глаза“ na vyzdvihnutie krásy jej očí, do ktorých sa zamiloval. V motíve ohňa možno badať gradáciu – iskry ➔ oheň ➔ plameň ako prostriedok umocnenia pocitu lásky k milovanej, ktorý rozochvel struny v jeho srdci.

Báseň nasýtenosťou obrazov, deminutívami (prachové zrnká, kvietok, motýlik), melódiou harfy, ktorá prehlbuje povznášajúci, sviatočný pátos, možno vnímať ako očarenie citom lásky, oslavu nádherného pocitu zaľúbenia, ale aj ako uvedomenie si skutočnosti, aké ťažké je nielen dosiahnuť, ale najmä udržať si tento cit vo vzájomnom súznení obidvoch jeho aktérov.

Okrem básne *Cache-cache* sa obraz ruže vyskytuje aj v básňach *Mal'aria*, *Sedím zadumaný, sám* (Сижу задумчив и один, 1836), *Весна* (1838), *Oj, ako kruto milujeme* (О, как убийственно мы любим, 1851) a i., kde však symbolizuje vášnivú, no zhubnú lásku. Azda najpriezračnejšie to možno demonštrovať na ploche básne *Oj, ako kruto milujeme*, ktorej úvodné verše znejú:

„О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей...!“[9]

Už samotné adverbium spôsobu „убийственно“ umiestnené do jednej roviny s láskou predurčuje deštruktívny charakter ľúbostného citu. Ťutčev konštatuje, že čím viac niekto ľúbi, tým viac by si chcel uzurpovať toho druhého iba pre seba. Tým ho ale de facto čoraz viac hubí, ubíja, a preto je to vlastne akoby osudový súboj, v ktorom hynú obaja. V tejto súvislosti je potrebné podčiarknuť konštatovanie A. Eliáša, s ktorým nemožno nesúhlasiť, a to, že Ťutčev „odhaľuje hlbokú substanciálnu protirečivosť prežívania tohto citu; protirečivosť, ktorá sa prehlbuje tým viac, čím viac každý z dvojice subjektov nástojí na svojich

[8] GRIGORIEVA, A. D. 1980. *Slovo v poeziji Ťutčeva.* Moskva: Nauka, 1980. S. 34-35.
[9] ŤUTČEV, F. I.: *Lirika I.* S. 131.

individuálno-egoistických ′právach′.“[10] Opakovanie prvej strofy v závere básne a tým jej rámcovanie zosilňuje, umocňuje a celým prerozprávaným príbehom potvrdzuje platnosť počiatočného konštatovania.

V rečníckej otázke „Куда ланит девались розы, / Улыбка уст и блеск очей?“[11] možno pozorovať staré básnické „klišé“ z čias sentimentalizmu „ланит розы“, predstavujúci metaforický výraz ruže líc, t. j. červeň líc ako symbol zdravia, duševnej pohody a vyrovnanosti, ktorý sa v ťutčevovskom kontexte stráca s narastajúcim a umocňujúcim sa citom lásky. Na margo básne možno okrem iného poznamenať, že ak vychádzame zo skutočnosti, že báseň bola napísaná v prvej polovici roku 1851 a v marci toho istého roku bol odhalený nemanželský ľúbostný vzťah Ťutčeva s o 12 rokov mladšou J. Denisievovou, možno konštatovať, že báseň bola napísaná na Ťutčevovom biografickom materiáli.

Aj vo veršoch z raného obdobia tvorby často nachádzame motív ruže, spájajúci sa so záhubou. Možno to demonštrovať napríklad na veršoch básne *Mal'aria*, čo v tomto prípade predznamenáva už samotný preklad názvu básne (v starovekej taliančine sa slovom mal'aria označoval zlý vzduch). Ťutčev v úvode básne konštatuje: „Люблю сей божий гнев! Люблю сие, незримо / Во всем разлитое, таинственное Зло...“[12] Boží hnev možno chápať ako narážku na prvý hriech a všetko zlo, ktoré je všade prítomné a nevyhnutne sprevádza ľudský život. Básnik vyjadruje svoj vzťah k zlu slovesom „люблю“, čo naznačuje akoby dvojznačný, protikladný vzťah, riešený v básni: na jednej strane cíti smútok zo zla, smrti, na strane druhej ho priťahuje zvodná krása tohto života, akcentovaná anaforami („...Все тот же запах роз... и это все есть Смерть!..“[13]), a predstavujúca smrť, pretože na tú je človek odsúdený od narodenia. Komplexný obraz básne možno ponímať ako riešenie Ťutčevovho vzťahu život verzus smrť (resp. ich zápasu), no (aj napriek ťutčevovskej nedopovedanosti) s jeho príklonom k životu.

Motív ruže rezonuje aj v básni *Sedím zadumaný, sám*, ktorú možno ponímať ako uvažovanie nad osamelosťou človeka, zraneného láskou. Básnik konštatuje, že aj zajtra bude všetko tak, ako predtým: okrem novej trávy, listov na stromoch, budú kvitnúť aj ruže so svojimi tŕňmi. Domnievame sa, že konkrétne pomenovanie ruže je v tomto kontexte použité so zovšeobecňujúcim významom „kvet“. Ďalšie pomenovanie kvetu, avšak už apelatívom „цвет“, sa vyskytuje už pri objasňovaní dôvodu smútku, pocitu osamelosti básnika.

[10] ELIÁŠ, A. 2008. Lyrický subjekt F. I. Ťutčeva a prekonávanie romantického individualizmu. In: *Demiurg či reptajúca trstina? Lyrický subjekt v ruskej romantickej, postromantickej a neoromantickej poézii*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2008. S. 70. ISBN 978-80-223-2548-6.
[11] ŤUTČEV, F. I.: *Lirika I.* S. 131.
[12] Tamže, s. 44.
[13] Tamže, s. 44.

Dozvedáme sa, že to, čo už nezakvitne, je kvet lásky, ktorý básnik odtrhol, už ho nevzkriesi. Svojmu kvetu lásky pridáva epiteton „biedny, bledý“, čo môže evokovať smrť. Pečať nesmrteľnosti pridáva odtrhnutému kvetu lásky fakt, že tento kvet, analogicky cit, je stále živý v jeho srdci. Pominuteľnosť ľudí, vecí je síce javom, prináležiacim prírode, vesmíru, no spomienka na ne môže byť v mysli človeka stále prítomná.

Záver:

Na základe našej interpretácie jednotlivých básnických textov s tematikou prírody, resp. flóry, možno konštatovať, že Ťutčev aj napriek zriedkavému využitiu konkrétnych pomenovaní stromov, kvetov má tendenciu operovať s apelatívami (strom, les, kvet), čo svedčí o jeho generalizujúcom vnímaní skutočnosti. Jeho spôsob pomenúvania živej prírody (stromov, listov, kvetov, kríkov, lesov a iných prvkov flóry) a ich častá personifikácia nás oprávňuje konštatovať, že každý z týchto elementov sa aktívne podieľa na tvorbe jednotlivých obrazov a ich konotácií, ktoré svojím usporiadaním a častým prelínaním do viacerých básní vytvárajú vzťahy a súvislosti, tvoriace jednoliatu štruktúru, systém básnikovej obraznosti. Rozkrývanie, „roztváranie“ ich významu analýzou a interpretáciou umožňuje nielen Ťutčevov poetologický kód, ale aj rekonštruovať základné aspekty jeho umeleckého modelu sveta.

V porovnaní s konotačným kódom poézie Feta možno pripomenúť názor Dobroľubova, že „na rozdíl od Feta je Ťutčev schopen kromě prchavých dojmů z poklidné přírody zachycovat i horoucí vášně, neústupné volní vzepětí, hluboké myšlenky probouzené nejenom přirozenými pohnutkami, ale i mravními otázkami a zájmy společenského života“[14]. Stupňovanie napätia pri zobrazovaní pokojnej prírody či vášnivého, ale prevažne zhubného citu lásky (aj za pomoci jednotlivých častí flóry), sa prejavuje predovšetkým Ťutčevovým obľúbeným využitím kontrastu ako kľúčového výrazového prostriedku, na ktorom je vystavaná väčšina jeho obrazov (život – smrť, dobro – zlo, vysoké – nízke a pod.).

Použitá literatúra:

ELIÁŠ, A. 2008. Lyrický subjekt F. I. Ťutčeva a prekonávanie romantického individualizmu. In: *Demiurg alebo reptajúca trstina? Lyrický subjekt v ruskej romantickej, postromantickej a neoromantickej poézii.* Bratislava: Univerzita Komenského, 2008. S. 51– 86. ISBN 978-80-223-2548-6.

[14] PAROLEK, R. – HONZÍK, J. 1977. Hlavní proudy a boje v ruské poezii. A. Tolstoj, Fet, Ťutčev aj. In: *Ruská klasická literatura (1789 – 1917).* Praha: Svoboda, 1977. S. 257.

KOVAČIČOVÁ, O. et al. 2007. *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia*. Bratislava: VEDA – Ústav svetovej literatúry SAV – Filozofická fakulta Univerzity Komenského, 2007. 581 s. ISBN 978-80-224-0967-4.

PAROLEK, R. – HONZÍK, J. 1977. Hlavní proudy a boje v ruské poezii. A. Tolstoj, Fet, Ťutčev aj. In: *Ruská klasická literatura (1789 – 1917)*. Praha: Svoboda, 1977. S. 246-258.

ŤUTČEV, F. I. 1972. *Posledná láska*. Bratislava: Tatran, 1972. 113 s.

БУХШТАБ, Б. Я. 1955. Глава II.Тютчев. In: *История русской литературы. Том VII*. Москва – Ленинград: Изд.-во АН СССР, 1955. С. 695 – 719.

ГРИГОРЬЕВА, А. Д. 1980. *Слово в поэзии Тютчева*. Москва: Наука, 1980. 248 с.

ЛОТМАН, Ю. М. 1972. *Анализ поэтического текста. Структура стиха*. Ленинград: Просвещение, 1972. 270 с.

ПИГАРЕВ, К. В. 1962. *Жизнь и творчество Тютчева*. Москва: Академия наук СССР, 1962. 395 с.

ТЮТЧЕВ, Ф. И. 1965. *Лирика I.* Москва: Наука, 1965. 447 с. Подготовка текста: К. В. Пигарев.

ТЮТЧЕВ, Ф. И. 1965. *Лирика II.* Москва: Наука, 1965. 511 с. Подготовка текста: К. В. Пигарев.

ANALÝZA ŠPECIFIKY UMELECKÝCH POSTUPOV M. J. SALTYKOVA-ŠČEDRINA NA MATERIÁLI „ROZPRÁVKY“ ĽUDKOVIA Z HRAČKÁRSKEJ DIELNE

Mgr. Katarína Mäsiarová, PhD.

Katedra ruského jazyka a literatúry, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave

masiarova@fphil.uniba.sk

АБСТРАКТ:
Одним из самых известных сатирических произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина являются *Сказки*. Несмотря на название цикла, в него входит ряд произведений, которые по своим формальным признакам резко отличаются от остальных сказок цикла. Одним из таких произведений является „сказка“ *Игрушечного дела людишки*, которая почти лишена элемента сказочности и относится к другой жанровой форме. В данной статье рассматривается эта „сказка“ с точки зрения специфики сюжета, жанра, композиции, образности и т.п.

K najčítanejším a najobľúbenejším spomedzi literárnych diel významného ruského satirika 19. storočia M. J. Saltykova-Ščedrina patrí nepochybne cyklus 32 satirických príbehov s názvom *Rozprávky*. Uvedené dielo bolo napísané v záverečnom období spisovateľskej kariéry autora a predstavuje myšlienkovú i umeleckú syntézu jeho satirickej tvorby. Z formálnej i obsahovej stránky však jeho rozprávky nemožno stotožňovať s tradičným žánrom ľudovej slovesnosti. Saltykov sa totiž formou rozprávok pokúsil tlmočiť dlhoročné skúsenosti a poznatky, ktoré nadobudol neúnavným pozorovaním a analyzovaním života spoločnosti v ruskom samoderžavnom vládnom systéme. Vo svojich rozprávkach sa preto – bez štipky idealizácie či viery v „zázraky“ – dotkol najpálčivejších problémov, ktoré sužovali vedomie a svedomie ruského vzdelanca i prostého človeka z ľudu.

V tomto žánri sa najzreteľnejšie prejavili špecifiká satiry Saltykova-Ščedrina: politická údernosť, reálnosť fantastických obrazov, hyperbolizovanie negatívnych javov a nedostatkov súdobej spoločnosti, ezopovský jazyk, humor s občasným nádychom bezradnosti a bezvýchodiskovosti, ktorý neraz prechádza do irónie, sarkazmu a neľútostnej grotesky.[1]

Spomedzi všetkých „rozprávok“ autora je „rozprávka“ *Ľudkovia z hračkárskej dielne* najrozsiahlejšia. Bola vydaná v roku 1880. Nešlo však o rozprávku v pravom slova zmysle,

[1] MÄSIAROVÁ, Katarína. 2008. K otázke sujetových a žánrových špecifík rozprávok o zvieratách M. J. Saltykova-Ščedrina. In: *Philologica 64: ruská literatúra v súčasnej literárnovednej reflexii*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2008, s. 259.

ale o satirickú poviedku, ktorá mala tvoriť úvodnú kapitolu k samostatnému „bábkovému“ cyklu satirických poviedok. Saltykov neskôr od svojho pôvodného zámeru upustil a zaradil ju do cyklu *Rozprávok* aj napriek odlišnej žánrovej forme.[2]

Satirická poviedka *Ľudkovia z hračkárskej dielne* je zasadená na rozdiel od ostatných „rozprávok“ cyklu do konkrétneho časopriestoru. Dej sa odohráva v 40. rokoch 19. storočia v okresnom mestečku Ľubeznov blízko jedného nemenovaného guberniálneho mesta na severe cárskeho Ruska.

Ďalším špecifickým znakom tohto diela je fakt, že rozprávač je zároveň aj jednou z jeho postáv. Na rozdiel od všetkých ostatných „rozprávok“ cyklu v „rozprávke“ *Ľudkovia z hračkárskej dielne* má teda narácia podobu rozprávania v 1. osobe (ich-forme). Rozprávač vystupuje ako pozorovateľ okolitého sveta, ako „sprostredkovateľ medzi čitateľom a obsahom oznámenia“[3], rozprávanie má však ostré satirické zacielenie. Autor v tomto diele naplno využíva také spôsoby a postupy umeleckého zobrazovania, ako sú irónia, satira, groteska, hyperbola, fantastickosť, kontrast a pod.

Aj z hľadiska kompozície patrí toto dielo v rámci cyklu *Rozprávok* k tým zložitejším – do žánrového rámca satirickej poviedky totiž Saltykov-Ščedrin v tomto prípade zakomponoval aj ďalšie žánrové útvary ako povesť, anekdotu, divadelné scénky a tiež prerozprávané scénky vo forme krátkych čŕt. Základnú dejovú líniu tvorí príbeh, odohrávajúci sa počas dvoch dní v okresnom mestečku Ľubeznov, ktorý rozpráva hlavná postava – nemenovaný vyšší úradník z neďalekého guberniálneho mesta. Rozprávač hovorí o svojich dvoch neformálnych návštevách, z ktorých druhá bola neplánovaná, a preto má vo vzťahu k zobrazovanej realite o to väčší význam. Obidve však spolu úzko súvisia. No ešte predtým, ako sa začne odvíjať vlastný dej príbehu, predstaví nám rozprávač z dvoch odlišných hľadísk mesto Ľubeznov, kde sa opisované udalosti odohrávajú. Najprv čitateľovi sprostredkuje formou opisu, charakteristiky mesta a jeho obyvateľov svoje subjektívne hľadisko, potom mu ponúkne aj „objektívny“ pohľad, pričom pre navodenie ilúzie, že pôjde o nezainteresovanú charakteristiku, zvolí naračný kľúč „relata refero“, t. j. transformuje naračný modus do podoby bežnej v žánri povesti. V konečnom dôsledku sú však obidve hľadiská – subjektívne i „objektívne“ – preniknuté rovnako ostrým satirickým nábojom.

Jadro príbehu tvoria už spomínané dve návštevy rozprávača v meste Ľubeznov u dvoch ľudí s rôznym spoločenským postavením, ktoré výrazne determinuje ich správanie a myslenie. Prvá návšteva prebieha v dome rozprávačovho priateľa mešťanostu, kde sa

[2] VLAŠÍNOVÁ, Vlasta. 1975. *Satira okřídlená fantazií*. Praha: Lidové nakladatelství, 1975, s. 91.
[3] HARPÁŇ, Michal. 1994. *Teória literatúry*. Bratislava: ESA, 1994, s. 208.

rozprávač nechtiac stáva svedkom nepríjemnej scény – scény súdu. V pozícii sudcu vystupuje sám mešťanosta a v pozícii obvineného jeden z miestnych obyvateľov – Nikanor Sergejev Izuverov (Zúrivec), vlastník najlepšej dielne na výrobu hračiek v meste.

Druhá návšteva sa koná na druhý deň v dome majstra Zúrivca, ktorý rozprávača zasväcuje do svojho remesla. Priamo pred jeho očami rozohráva divadelné predstavenia pozostávajúce z niekoľkých scénok, v ktorých účinkujú nezvyčajné mechanické hračky-bábky, ktoré svojím výzorom, pohybmi a konaním nesmierne pripomínajú živých človiečikov z reálneho, skutočného života. Dianie v týchto scénických výjavoch, ktoré Saltykov zakomponoval do rozprávania v rámci poviedkovej formy, má aj svojho komentátora. Je ním sám majster Zúrivec, ktorý ako scenárista i režisér malého bábkového divadla zároveň – na rozdiel od tradičného divadelného inscenovania – aj vlastným slovom dopĺňa, resp. vysvetľuje významovo dôležité momenty scénok. Pod jeho taktovkou akoby všetky bábky na scéne zázračným spôsobom „ožívali“ a „kopírovali“ reálny svet. Dochádza tak k prelínaniu, porovnávaniu dvoch svetov – reálneho, v ktorom hrajú svoje úlohy živí ľudia, s ireálnym svetom mechanických bábok, ktorý je do značnej miery jeho zrkadlovým obrazom.

Vzorom pre mechanické bábky majstra Zúrivca sú teda živí ľudia – ich správanie, vyjadrovanie, gestá, mimika, oblečenie, celkový výzor. Majster sa snaží o vytvorenie dokonalej kópie ľudskej podoby a je natoľko posadnutý svojou prácou, že občas prestáva vnímať rozdiely medzi realitou a výtvormi svojej fantázie. Jeho bábky však aj napriek odlišnej vonkajšej podobe majú rovnakú podstatu: stelesňujú negatívne ľudské vlastnosti, ktoré sú v nich vystupňované do maxima a nadobúdajú priam fantastické rozmery. Majster Zúrivec aj napriek veľkému úsiliu nedokáže zostrojiť bábky predstavujúce dobré ľudské vlastnosti, pretože v reálnom svete nenachádza pre ne vhodný prototyp:

„*Вообще, позвольте вам доложить, сколько я ни старался добродетельную куклу сделать, – никак не могу! Мерзавцев – сколько угодно, а что касается добродетели, так, кажется, экого слова и в заводе-то в этом царстве нет. Да ведь это, впрочем, и естественно. Возьмите даже живую куклу – разве она понимает, что такое добродетель?*“[4]

Výrobca mechanických hračiek svojím spôsobom uteká pred reálnym svetom, ktorý je preňho nepriateľský, antihumánny, do sveta, ktorý si sám zostrojil. V tomto svete je on sám

[4] *Ľudkovia z hračkárskej dielne* (Igrušečnogo dela ľudiški). In: SALTYKOV-ŠČEDRIN, Michail Jevgrafovič. 2006. *Skazki*. Moskva: Drofa, 2006, s. 212. Keďže všetky úryvky z uvedenej „rozprávky“ budú citované z tohto vydania, v ďalšom uvádzame v zátvorke priamo za citovanou pasážou už iba číslo strany. Citované pasáže uvádzame v origináli, pretože v prekladovej interpretácii by sa mohli stratiť práve tie štylistické či významové nuansy, ktoré danými úryvkami chceme dokumentovať.

tou riadiacou silou, ktorá podľa vlastných predstáv uvádza všetko do vopred určeného pohybu. Dalo by sa povedať, že ide o akýsi proces samoliečby pomocou bábok, prostredníctvom ktorých vytvára kópiu reálneho obrazu, ale zároveň pohŕdaniahodného sveta. Všíma si pritom najmä predstaviteľov tých spoločenských vrstiev a síl, ktoré v jednoduchých ľuďoch ubíjajú samostatnosť, individualitu, tvorivosť a napokon ich menia na automaty, na „živé“ bábky, čo nie sú schopné rozhodovať o sebe a len mechanicky plnia ich vôľu. Pod vplyvom rôznych okolností sa takýmito bezduchými stvoreniami stali aj ľudia v mestečku Ľubeznov. Ich duchovný rast, slobodný a prirodzený rozvoj sa zastavil, zmenili sa na automaty bez vôle, vnútorných hodnôt, bez úžitku. Ich záujmy sú mechanické a prázdne, ich talent sa vybíja v bezvýznamnej, nepotrebnej alebo nezmyselnej činnosti (výroba hovoriacich hračiek, hracích skriniek, drevených hodín, ktoré za 24 hodín ukazujú 48 hodín, práca na vynájdení perpetua mobile a pod.).

Takýto proces dehumanizácie človeka je načrtnutý už v úvode „rozprávky“, konkrétne v povesti, ktorú rozpráva rozprávač pri predstavovaní mesta Ľubeznov a jeho obyvateľov. Spočiatku to boli hrdí, nepoddajní a nezávislí ľudia, plní energie a života, ale pod vedením štyroch „pohlavárov“ sa postupne zmenili na ľudí neslobodných, podriadených, plných pokory a poníženia, v ktorých všetko vnútorne živé bolo nakoniec potlačené alebo úplne zlikvidované.

Obyvatelia tohto mesta akoby sa premenili na bezduché bábky, ktoré poslušne, bez akéhokoľvek protestu plnia vôľu svojich nadriadených. Živé mesto definitívne onemelo a ponorilo sa do mŕtveho ticha, čo v povesti symbolizuje umlčanie zvona zvolávajúceho obyvateľov na verejné zhromaždenia − Ľubeznovčania ho utopili v rieke. V tomto meste neostalo teda nič duchovne živé, vládol tu len pocit skľúčenia, prázdnoty, nemoty, čo intenzívne pociťuje majster Zúrivec. Rovnakou atmosférou je nasiaknutý jeho dom, dielňa, svet mechanických hračiek, rovnaká zhubná nálada sa prenáša aj na samotného rozprávača:

„*Но тут, в этой насыщенной «игрушечным делом» атмосфере, меня вдруг охватило какое-то щемящее чувство, не то чтобы грусть, а как бы оторопь. Точно я вошел в какое-то совсем оголтелое царство, где все в какой-то отупелой безнадежности застыло и онемело. Это последнее обстоятельство было в особенности тяжко, потому что немота именно заключает в себе что-то безнадежное*.“ (s. 201).

Mechanickým opakovaním reálneho sveta prostredníctvom bábok dochádza k zrkadlovému odrazu dvoch svetov – reálneho a fantastického. V tomto prípade teda „mechanizmus“, „bábka“, ako píše J. Kardaš, predstavuje jednoduché opakovanie toho, čo už

raz bolo vytvorené, čo už existuje.[5] Niekedy sa hranica medzi reálnym svetom a svetom bábok natoľko stiera, že sa zdá, akoby divadlo nehrali mechanické bábky, ale živí ľudkovia. Napätie sa stupňuje, scénky sú veľmi dynamické a sugestívne. Jednou z nich je aj výstup dvoch bábok – úradníka, ktorý berie úplatky, a bohatého mužíka, ktorý ho podpláca. Táto scéna postupne graduje až do fantastických rozmerov:

„*...коллежский асессор словно остервенился. Откинулся всем корпусом назад и некоторое время стоял в этой позе, как бы разглядывая свою жертву*; *потом начал раскачиваться из стороны в сторону, наливаясь кровью, и наконец со всех ног бросился на мужика и принялся его теребить и грабить. Все это было проделано до такой степени живо, что у меня даже волосы встали дыбом. «Мздоимец» повытаскал из-за пазухи мужика всех курят, выволок из кармана за рога корову, потом выворотил другой карман и нашел там свинью, которая со страху сейчас же опоросилась десятью поросятами, и при всякой находке восклицал*: *– Папп-па! папп-па! папп-па!*“(s. 210-211).

Majster Zúrivec sa pohybuje medzi dvoma svetmi, lenže čím viac sa snaží priblížiť svet bábok ku skutočnosti, tým viac sa vzďaľuje od reálneho sveta. Jeho okruh záujmu sa zužuje, výrobou neživých mechanizmov duchovne degraduje a postupne stráca jasnú predstavu o rozdiele medzi „živým“ a „mŕtvym“. Neuvedomuje si, že jeho profesionálna vášeň mu uzatvára cestu k ľuďom, na ktorých sa už pozerá ako na bezduché bábky:

„*Или, например, женский род, – сколько тут для кукольного дела материалу сыщется! Одних «щеголих» десятками не сосчитаешь, а сколько бесстыжих, закоснелых, оглашенных, сколько таких, которые всю жизнь зря мотаются и ни к какому безделью пристроить себя не могут! Да вот она-с! извольте присмотреть! – вскрикнул он, указывая в окошко, – это соседка наша, госпожа Строптивцева, по улице мостовой идет! Муж у ней часовым мастерством занимается, так она за него, вишь, устала, погулять вышла! Извольте взглянуть, – чем не кукла-с?*“ (s. 202);

„*Взглянешь кругом*: *все-то куклы! везде-то куклы! не есть конца этим куклам! Мучат! Тиранят! В отчаяность, в преступление вводят!*“ (s. 205).

Ani k svojej manželke sa nedokáže správať vľúdnejšie. Nevenuje jej dostatočnú pozornosť, city neopätuje, akoby v ňom tiež všetko živé vyhaslo. Kvôli tomu aj on sám neraz pripomína mechanizmus bez emócií, tvora, ktorý v druhom človeku „uprednostňuje

[5] KARDAŠ, Jelena. 2006. Tajna „tancujuščich starušek“: „zerkala“ i „avtomata“ v romantičeskoj literature i „Soročinskaja jarmarka“. In: *Russkaja literatura*. № 3. Sankt-Peterburg, 2006. s. 30-31.

funkciu“.[6] Oženil sa z rýdzo praktických dôvodov: po matkinej smrti mu v dome chýbala gazdiná, a tak si vybral ženu, ktorá zodpovedala jeho predstavám o čisto mechanickom plnení domácich funkcií:

„*Некому было шти* (щи − pozn. K. M.) *сготовить, некому заплату на штаны положить. В это время под руку подвернулась двадцатипятилетняя девица Матрена Идолова, рослая, рыхлая, как будто нарочно созданная, чтобы горшки из печи таскать*.“ (s. 199).

Jeho manželka však mala o manželstve iné predstavy. Nie je spokojná s jeho správaním a žaluje ho. A tak sa majster Zúrivec dostáva do rúk mešťanostu. Nie náhodou autor v prvej časti poviedky zobrazuje scénu súdu, ktorá gestami, mimikou, ale aj rečovým prejavom aktérov nápadne pripomína jeden z výjavov, inscenovaný neskôr majstrom vo svojom bábkovom divadle. Opäť tak dochádza k zrkadleniu dvoch svetov, lenže s obrátenými úlohami. V jednom svete – vo svete hračiek, ktorý si majster Zúrivec sám zostrojil – hrá úlohu nadriadeného on a neživé mechanizmy poslušne vykonávajú vôľu svojho tvorcu. V scéne súdu z druhého, reálneho sveta Zúrivec už nehrá rolu nadriadeného, práve naopak, je to on, kto sa stáva objektom manipulácie. Pred čitateľom sa tak otvára tragikomický výjav, keď sa majster ocitne v rovnakej pozícii ako jeho bábky, ktoré predstavujú typy ukrivdených, biednych a ponížených ľudí. Jeho sudcom je mešťanosta, ktorý disponuje mocou a naplno ju využíva. Nakladá s ňou podľa vlastného uváženia, neohliadajúc sa na zákony, čoho svedectvom je aj ironická poznámka rozprávača:

„*Я убежден, что, не наткнись я на сцену и не возбуди вопроса о том, есть ли в законе, или нет, никто (и всех меньше сам Изуверов) и не подумал бы об этом. Никанор Сергеев не только высидел бы в холодной свое «положенное», но, наверное, был бы и «вспрыснут». Много-много, если бы Вальяжный перед «вспрыснутием» сказал бы*: *«А ну, образованный, ложись!». Это был бы единственный компромисс, который он допустил бы в свидетельство, что в городническом правлении, действительно, имеется шкаф, в котором в качестве узника заключен закон*.“ (s. 199-200).

V scéne súdu sa majster takmer nezmôže na slovo. Ľahšie sa mu preto žije medzi bábkami – „pseudoľuďmi“[7], ako medzi skutočnými ľuďmi – pseudobábkami. Ako bolo už vyššie spomenuté, je to jeden zo spôsobov samoliečby; jeden z prostriedkov, ako zahnať pocit

[6] OBUCHOVA, Irina. 2001. Obraz marionetki v skazke M. J. Saltykova-Ščedrina „Igrušečnogo dela ľudiški“. In: *Molodaja filosofija*. Sbornik naučnych trudov. Novosibirsk, 2001, s. 48.
[7] EĽSBERG, Jakov. 1957. *Voprosy teorii satiry*. Moskva: Sovetskij pisateľ, 1957, s. 267.

strachu, úzkosti, odporu a poníženia, hoci vo vzácnych chvíľach precitnutia si sám uvedomuje iluzórnosť takéhoto východiska.

Okrem povesti a divadelných scénok je do satirickej poviedky zakomponovaná aj anekdota a dva samostatné príbehy v podobe črty. Ako sa dozvedáme z príbehu, pôvodne išlo o dve scénky s názvom *Potrestaný nafúkanec* a *Nerozvážny špekulant*, ktoré majster Zúrivec zahral rozprávačovi a ten ich potom už len stručne a výstižne zreprodukoval. Anekdotu povedal rozprávačovi majster Zúrivec, aby mu tak lepšie ozrejmil význam jednej z divadelných scénok.

Popri zložitej kompozícii a žánrovej rozmanitosti táto „rozprávka“ vyniká aj ako príklad skvelej portrétovej charakteristiky. Saltykovovi sa v nej podarilo prostredníctvom majstrovských individuálnych portrétov jednotlivých „bábok“ podať zovšeobecnené, ale pritom živé a nanajvýš presvedčivé obrazy typických predstaviteľov určitých sociálnych skupín. Výstižne je tu zobrazený napríklad typ úradníka-úplatkára, ktorý pôsobí natoľko autenticky, že sám rozprávač je presvedčený, že sa s touto bábkou (ale v živom prevedení), už niekde a dokonca niekoľkokrát stretol.

Charakterizované postavy sú zväčša vykresľované v komickom duchu, ku ktorému sa však neraz pridružuje aj výrazná dávka grotesky či hyperbolizácie, čím sa výsledný obraz posúva až do satirickej roviny, ako vidno napríklad z opisu markízy či bohatého sedliaka:

„*Мужик был совсем настоящий и, по-видимому, даже зажиточный. Борода длинная, с сильною проседью*; *волосы, обильно вымазанные коровьим маслом*; *на плечах – синий армяк, подпоясанный красным кушаком*; *на ногах – совсем новенькие лапти. Из-за пазухи у него высовывались куры, гуси, утки, индюшки, поросята, а в одном из карманов торчала даже целая корова*.“ (s. 210).

Charakteristiku mesta a jeho obyvateľov autor podáva aj cez „hovoriace“ mená, ktoré kedysi presne vystihovali ich pravú podstatu. Tá však z ich pováh vymizla potom, čo vrchnosť zaviedla nové poriadky, vďaka ktorým došlo k radikálnej zmene a z mesta i jeho neskrotných obyvateľov sa stal vzor dokonalej poslušnosti. Vzhľadom na novú skutočnosť mesto bolo premenované, avšak obyvateľom ostali ich pôvodné priezviská, ktoré v danej situácii pôsobili groteskne:

„*Даже и доднесь наиболее распространенные в городе фамильные прозвища свидетельствуют о крамольническом их происхождении. Таковы, например, Изуверовы, Идоловы, Строптивцевы, Вольницыны, Непройменовы и т.д. Так что несколько странно видеть какого-нибудь Идолова, которого предок когда-то градоначальника в рабство продал, а ныне потомок постепенными мерами до того*

доведен, что готов для увеселения начальства сам себя в рабство задаром отдать." (s. 195).

Obrazmi mechanických bábok Saltykov nenadväzuje priamo na ruskú folklórnu tradíciu; skôr mohol byť ovplyvnený typom rozprávok, noviel a groteskných poviedok E. T. A. Hoffmanna. Motív bezduchej bábky sa síce už predtým vyskytoval v Ščedrinovej tvorbe, ale spravidla len v náznakovej podobe, ako súčasť štylistickej figúry či básnického trópu. Až v 60. rokoch však nadobúda podobu ucelených obrazov v cykle čŕt *Pompadúri a Pompadúrky*, no predovšetkým v románe *Dejiny jedného mesta*. Ako píše A. S. Bušmin, tým že Saltykov vniesol črty primitívnej mechaniky hračiek do grotesknej charakteristiky postáv mestských náčelníkov, podarilo sa mu dosiahnuť výnimočný efekt pri odhaľovaní despotických stránok samoderžavia v cárskom Rusku, kde mali moc v rukách poľutovaniahodné stvorenia zbavené akýchkoľvek ľudských atribútov.[8] S motívom bábky sa stretávame aj v jeho ďalších dielach: *Páni z Taškentu*, *Ušľachtilé reči*, *Súčasná idyla*, ale aj v rozprávke s názvom *Čížikovo trápenie* (postava kanárice Prozerpinočky – chladnej, bezcitnej a prázdnej bábky-nevesty).

Ideové zameranie „rozprávky" *Ľudkovia z hračkárskej dielne* sa teda nesie v rovnakom duchu ako celý cyklus *Rozprávok*. Saltykov-Ščedrin v nej zobrazil nielen encyklopédiu spoločenských neduhov, ale aj – a najmä – hlboký pád človeka na úroveň poslušného mechanizmu. Jeho cieľom bolo odkryť a pranierovať antihumánny charakter sveta, v ktorom je takýto úpadok, takáto degradácia človeka nielen možná, ale aj bežná. Ostrie svojej satiry nasmeroval predovšetkým na aparát cárskych úradov, na predstaviteľov moci, ale nešetril ani obyčajných ľudí, ktorí sa nedokázali tejto nespravodlivej mašinérii rázne postaviť na odpor, nedokázali dať otvorene najavo svoj postoj, krotko sa stiahli do seba a nechali sa zotročiť. Avšak ako správne podotkol už A. Bušmin, motív bezduchých bábok neumožňoval Saltykovovi demonštrovať celú šírku a hĺbku jeho ideového zámeru. To bol zrejme hlavný dôvod, prečo Saltykov-Ščedrin zastavil prácu nad samostatným bábkovým cyklom a vo väčšine svojich rozprávok uprednostnil obraz zvieraťa pred obrazom bábky. Takýto postup mu totiž otváral oveľa väčší priestor na odhaľovanie negatívnej podstaty sociálnych typov a javov, pomáhal mu „demaskovať nielen umŕtvujúci vplyv despotického prostredia na osobnosť, nielen morálny úpadok a biedu vnútorného sveta parazitujúcich ľudí, ale aj ich agresívnosť a silu vykorisťovateľských inštinktov".[9]

[8] BUŠMIN, Alexej. 1976. *Skazki Saltykova-Ščedrina*. Leningrad: Chudožestvennaja literatura, 1976, s. 45.
[9] Tamtiež, s. 54.

Literatúra:

BUCHŠTAB, Boris. 1962. *Skazki M. J. Saltykova-Ščedrina*. Leningrad: Prosveščenije, 1962. 38 s. ISBN 5-0631182-A

BUŠMIN, Alexej. 1984. *Evoľucija satiry Saltykova-Ščedrina*. Leningrad: Nauka, 1984. 342 s.

BUŠMIN, Alexej. 1976. *Saltykov-Ščedrin. Iskusstvo satiry*. Moskva: Sovremennik, 1976. 253 s.

BUŠMIN, Alexej. 1976. *Skazki Saltykova-Ščedrina*. Leningrad: Chudožestvennaja literatura, 1976. 275 s.

EĽSBERG, Jakov. 1957. *Voprosy teorii satiry*. Moskva: Sovetskij pisateľ, 1957. 426 s.

FESENKO, Emilija. 2005. *Teorija literatury*. Moskva: Editorijal URSS, 2005. 780 s. ISBN 5-354-00796-8

GORIAČKINA, Marija. 1976. *Satira Saltykova-Ščedrina*. Moskva: Prosveščenije, 1976. 239 s. ISBN 5-1237163-A

HARPÁŇ, Michal. 1994. *Teória literatúry*. Bratislava: ESA, 1994. s. 283. ISBN 80-85684-05-5

KARDAŠ, Jelena. 2006. Tajna „tancujuščich starušek“: „zerkala“ i „avtomata“ v romantičeskoj literature i „Soročinskaja jarmarka“. In: *Russkaja literatura*. № 3. Sankt-Peterburg, 2006. s. 20-39. ISBN 5-98379-063-3

MÄSIAROVÁ, Katarína. 2008. K otázke sujetových a žánrových špecifík rozprávok o zvieratách M. J. Saltykova-Ščedrina. In: *Philologica 64: ruská literatúra v súčasnej literárnovednej reflexii*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2008. s. 259-265. ISBN 978-80-223-2496-0

OBUCHOVA, Irina. 2001. Obraz marionetki v skazke M. J. Saltykova-Ščedrina „Igrušečnogo dela ľudiški“. In: *Molodaja filosofija*. Sbornik naučnych trudov. Novosibirsk, 2001, s. 44-52.

PROPP, Vladimir. 1969. *Morfológia rozprávky*. Bratislava: Tatran, 1969. s. 189. ISBN 61-176-71

PROPP, Vladimir. 2005. *Russkaja skazka*. Moskva: Labirint, 2005. 384 s. ISBN 5-87604-042-8

SALTYKOV-ŠČEDRIN, Michail Jevgrafovič. 2006. *Skazki*. Moskva: Drofa, 2006. 318 s. ISBN 5-358-00234-0

VLAŠÍNOVÁ, Vlasta. 1975. *Satira okřídlená fantazií*. Praha: Lidové nakladatelství, 1975. 166 s.

ŠUSTOV, Michail. 2000. Skazki Saltykova-Ščedrina kak zaveršajuščij etap v formirovanii novoj chudožestvennoj formy v russkoj literature 2-oj poloviny XIX veka. In: *Piatyje korolenkovskije čtenija*. Materialy regionaľnoj naučnoj konferencii, 25-26 okt. 1999. Glazov, 2000, s. 49-54. ISBN 5-93008-024-0

SVET SOVIETSKEHO ČLOVEKA V OBDOBÍ ODMÄKU A JEHO OBRAZ V RUSKEJ LITERATÚRE

Mgr. Daniela Krajčírová

Katedra ruského jazyka a literatúry, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave

danielakrajcirova@gmail.com

РЕЗЮМЕ:
Целью статьи является описание координатов мира советского человека во время Хрущевской оттепели. Она сосредоточивается на общественно-политические события этого периода, причем особое внимание уделяется прежде всего изменениям в области идеологии, международных отношений и экономики и их влияния на жизнь в СССР. Существенной частью статьи является также изображение жизни советского человека в эре оттепели через русскую литературу данного этапа с учетом тех аспектов, которые наиболее характеризуют атмосферу исследованного периода.

Aj napriek nepriaznivému režimu, počas dlhých rokov vlády pevnej ruky Stalina istá časť ľudí paradoxne nadobudla pocit istej stability. Z úcty, alebo zo strachu voči autorite vodcu, si zvykla na to, že je potrebné dodržiavať príkazy a pravidlá, ktoré riadili celý ich život a stotožňovať sa s jeho myšlienkami a ideológiou. Rovnako tak si zvykla na pocit osobnej neslobody, neustáleho sebazapierania a na život v rozpore so svedomím.

Po jeho smrti v roku 1953 sa tak obyvateľstvo ZSSR ocitlo v období veľkých pochybností, neistoty a strachu, ktoré pramenili z obavy, akým smerom sa bude krajina vyvíjať. Čoraz častejšie sa objavovali otázky typu: „Čo s nami teraz bude?“ , „Aká budúcnosť nás čaká?“. Takmer celé 20. storočie zažívalo obyvateľstvo ZSSR turbulentné roky a jeho spoločensko-politická budúcnosť sa vyvíjala smerom „čím ďalej, tým horšie“. Preto obavy z toho, že nadchádzajúce obdobie nemusí so sebou nevyhnutne priniesť zmeny k lepšiemu boli opodstatnené. Isté však bolo, že odchod Stalina so sebou nevyhnutne musí priniesť určité zmeny, avšak v danej chvíli nebolo nikomu jasné, či pozitívne, alebo negatívne.

Zmeny však na seba nenechali dlho čakať a v krátkom čase po smrti Stalina sa veci dali do pohybu. V marci sa na základe amnestie Lavretija Beriju z gulagov dostalo na slobodu viac ako 1 milión ľudí[1]. V apríli sa zase v Pravde objavila rozsiahla stať, v ktorej bol po prvý

[1] VEBER, V. 2001. *Komunistický experiment v Rusku 1917-1991*:Malé dejiny ZSSR. 1. vyd. Praha:Roman Míšek, 2001. ISBN 80-86277-14-3, s. 122

krát spomenutý termín „kult osobnosti“, proti ktorému je nutné bojovať. V tom istom mesiaci bol v Pravde uverejnený aj plný text prejavu amerického prezidenta D. Eisenhowera a článok o lekároch –„vrahoch v bielych plášťoch“[2] v ktorom sa verejne, prostredníctvom tlače prvý krát zniesla obrovská vlna kritiky na nezákonné a vykonštruované vyšetrovania a zatýkania s cieľom očierniť sovietskych ľudí.[3] Podľa slov spisovateľa Iľju Erenburga,:„Uvedomil som si, že história začína rozmotávať klbko, kde je čisté pomiešané s nečistým... Od Stalinovej smrti uplynul iba mesiac, na svete sa však čosi zmenilo. ...Ľudia mlčali, alebo si šepkali, a zrazu sa rozhovorili – nehľadiac na telefón ako na nebezpečného nepriateľa, rozhovorili sa prosto, po ľudsky, dobromyseľne a s čistým svedomím, ako to vždy bolo v povahe nášho ľudu.“[4] Práve tieto aprílové udalosti, položili základný kameň nadchádzajúcemu obdobiu, nazývanému tiež odmäk, ktorý možno vymedziť rokmi 1956 – 1964.

V tomto období sa intenzívne začalo hovoriť o tom, že situácia v krajine potrebuje nové impulzy, nové činy a spôsoby. Vedúce osobnosti krajiny preto volili cestu destalinizácie, neskôr reformného komunizmu,[5] súčasťou ktorých bola ochota priznať pravdu o stalinskej minulosti, čiastočne oslabiť pôsobenie dlhoročných klamstiev a oživiť kritické myslenie s cieľom posilniť fungovanie systému, čo sa nevyhnutne spájalo s istou mierou kultúrneho a duchovného uvoľnenia. Prirodzene na túto novú atmosféru v krajine reagovali aj umelci, ktorí nabádali k väčšej slobode a úprimnosti v tvorbe.[6] V krajine sa začala šíriť vlna euforického očakávania z ďalších udalostí a zmien, ktorá sa rýchlo stala symptomatickou pre dané obdobie a udávala jeho atmosféru. Obyvatelia ZSSR, vrátane inteligencie, čoraz viac vyjadrovali túžbu po zmiernení režimu, slobode a odmäku, ktoré sa zdali byť bližšie ako kedykoľvek predtým. Túto revolučnú atmosféru využil N. Chruščov, ktorý 25. februára 1956 – posledný deň 20. zjazdu KSSZ[7]- vystúpil s referátom *О культе личности и его последствиях*[8], v ktorom otvorene odsúdil zverstvá Stalina, kritizoval metódy jeho vlády v boji o moc a rozprával o škodlivosti kultu osobnosti. Referát vyvolal prudké ohlasy predovšetkým v radoch inteligencie. Do čela sa dostáva progresívny prúd umelcov, najmä

---

[2] Lekári prevažne židovského pôvodu boli obvinení z pokusu o zavraždenie najvyšších predstaviteľov moci a následne podrobení neľudským praktikám NKVD pri vypočúvaní

[3] MOULIS, V. 2006. *Neobyčejný život Nikity Sergejeviče:* N.S.Chruščov a jeho doba. 1. vyd. Praha: Dokořán, 2006. ISBN 80-7363-088-5, s. 91

[4] ERENBURG, I.1966. *Ľudia, roky, život 3*. 1.vyd. Bratislava: Tatran, 2006. s. 320, 323

[5] Reformný komunizmus možno chápať s istou rezervou ako akýsi „nový“ variant NEPu, snaha o zľudštenie a liberalizovanie stalinského dedičstva bez narušenia socialistickej podstaty, návrat k pravým leninským zásadám. [Malia 2004]

[6] MOULIS, V. 2006. *Neobyčejný život Nikity Sergejeviče:* N.S.Chruščov a jeho doba. cit.d., s. 103

[7] *XX. съезд Коммунистической партии Советского Союза*: стенографический отчет I., II., Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956

[8] ďalej *O kulte osobnosti a jeho následkoch*

spisovateľov, ktorých tvorba bola ostro sledovaná. Podľa dostupných prameňov existovala celá škála reakcií – ako napr. režiséra G. Tovstonogova, ktorý vyjadril pocit uspokojujúcej spravodlivosti alebo spisovateľa J. Germana, pre ktorého bolo odhalenie kultu symbolom toho, že ZSSR vstupuje do rodiny európskych národov.[9]

Atmosféra odmäku bol citeľná aj v zahraničnej politike kde začalo dochádzať k istému „rozmrazeniu“ vzťahov so Západom. N. Chruščov toto smerovanie ešte viac prehĺbil tézou o mierovom spolužití so Západom, konkrétne s USA. Predpokladal, že protiklady medzi kapitalizmom a socializmom je možné riešiť mierovou koexistenciou.[10] Zmiernenie vzťahov „objatím a zmäkčením“ bolo v krajine, ktorá neustále viedla ideologické boje so západným imperializmom nielen čímsi nevídaným, ale znamenalo posun k demokratizácii krajiny. V súvislosti s novým smerovaním povolil vtedajší prvý tajomník sovietskym vydavateľstvám preložiť diela amerických spisovateľov E. Hemingwaya a J. Steinbecka a tlačiť ich vo veľkých nákladoch, vďaka čomu si sovietski ľudia mohli prečítať diela, plné prejavov osobnej slobody a užívania si života.[11] Odmäk a otváranie sa Západu so sebou priniesli významné udalosti aj v oblasti výtvarného umenia. Prvé stretnutia s moderným západným umením sprostredkovala retrospektívna výstava Pabla Picassa (1956), výstava moderných umelcov z celého sveta na VI. Medzinárodnom festivale mládeže a študentov v Moskve (1957) a výstava amerického umenia (1959). Toto obdobie umožnilo sovietskemu človeku nielen nahliadnuť do života ľudí z iného sveta, zoznámiť sa s ich časopismi, filmami a knihami, ale aj zachytiť nové impulzy, myšlienky, nálady a chute.[12]

Proces destalinizácie a uvoľňovania pokračoval aj v nasledujúcich rokoch. Členovia 22. zjazdu KSSZ odhlasovali premiestnenie tela Stalina z mauzólea do sarkofágu pri kremeľskej stene. Výrazným zásahom bolo aj premenovanie Stalingradu na Volgograd. Postupne sa Stalinovo meno, spolu s jeho početnými sochami a portrétmi začalo vytrácať aj z názvov inštitúcií a ďalších miest. Pokus o vykorenenie starých stereotypov začal meniť aj kultúrne ovzdušie, najmä keď sa N. Chruščov obrátil o pomoc na „liberálnu inteligenciu“. Z jeho popudu v roku 1962 uverejnila Pravda báseň *Наследники Сталина (Stalinovi nástupcovia)* Jevgenija Jevtušenka, v ktorej sa autor obracal k svojej vláde s prosbou posilniť stráže pri kremeľskej stene, aby Stalin nevstal a s ním – nič z minulosti. Rok 1962 priniesol

[9] ŠVANKMAJER, M. a kol. 2010. *Dějiny Ruska*. 6. vyd. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2010. ISBN 978-80-7422-026-5, s. 432-433
[10] MOULIS, V. 2006. *Neobyčejný život Nikity Sergejeviče:* N.S.Chruščov a jeho doba. cit.d., s.108-110, 117
[11] SERVICE, R. 2002. *Rusko od roku 1991 do současnosti:* Experiment s jedním národem. 1. vyd. Praha-Plzeň: Beta-Dobrovský, Ševčík 2006. ISBN 80-7306-245-1, s. 267
[12] BARABANOV, J. 2008. Druhá ruská avantgarda: jej dejiny, mená a hodnoty. In: *Nonkonformisti. Druhá ruská avantgarda 1955-1988.* 1. vyd. Bratislava: Slovenská národná galéria 2008. ISBN 978-80-8059-134-2, s. 20

ešte jeden významný predel, o ktorom by sa dalo hovoriť ako o udalosti desaťročia. V novembri časopis Novyj Mir uverejnil novelu dovtedy málo známeho spisovateľa a bývalého väzňa z lágrov Alexandra Solženicyna, s názvom *Один день Ивана Денисовича (Jeden deň Ivana Denisoviča)*. Fakt, že aj hranice kultúry sa začínajú posúvať smerom k liberalizácii a názorová uniformita, dlhé roky diktovaná „zhora“, postupne podliehala „glasnosti“, dodal ľuďom optimizmus a vieru v to, že odmäk pomaly smeruje k „dlho očakávanej jari“. Umelci sa usilovali o vymanenie kultúry a umenia z područia strany a oficiálnej estetickej doktríny. Túžili po slobodnom umení, ktoré nemusí neustále balansovať na hrane pravdy a predstierania. Po publikovaní tejto novely sa začína postupne objavovať veľké množstvo destalinizačnej literatúry, napr. poéma Anny Achmatovovej *Реквием (Rekviem)*, zasvätená obetiam represálií 30. rokov. Vydávali sa aj nepublikované diela ďalších autorov „strieborného veku“[13], ktorí sa v mnohých prípadoch stali obeťami stalinských čistiek v 30. – 40. rokoch a rehabilitácie sa dočkali v 50. rokoch (ako napr. Osip Mandeľštam, Nikolaj Gumiľov, Issak Babeľ atď.). Rozširovala sa aj škála literárnych časopisov a almanachov.[14]

Čoraz častejšie sa však začala vznášať vlna kritiky z radov konzervatívnych a dogmatických predstaviteľov strany na adresu Chruščovovho, podľa nich liberálneho a revizionistického spôsobu vlády. Pre stúpencov “starého” režimu, ktorí ako brzdné sily pôsobili vo vzťahu k demokratizácii spoločnosti počas celého pôsobenia N. Chruščova na čele strany, sa začal stávať nepohodlným a postupne bol zbavovaný všetkých funkcií, ktoré zastával.

Následníkom N. Chuščova sa tak stal L.I. Brežnev, ktorého neostalinistický spôsob vlády definitívne pochoval pocit eufórie a všetky nádeje na príchod dlhoočakávanej jari.

Obraz sveta sovietskeho človeka v období odmäku v literatúre

Obdobie odmäku prinieslo uvoľnenie nielen v spoločensko-politickej sfére, ale aj v oblasti literatúry, čo sa prejavilo jej čiastočným vymanením spod štátnej doktríny, detabuizáciou viacerých tém a výrazným odklonom od uniformity, bezkonfliktnosti a idealizácie. Literárna spisba daného obdobia hodnoverne a realisticky zobrazuje život sovietskeho človeka v období odmäku taký, aký bol – predovšetkým rozporuplný. Túto

[13] Серебряный век – obdobie veľkého rozkvetu ruskej literatúry, predovšetkým poézie na prelome 19. a 20. stor. a v 1. tretine 20. storočia. Obdobie sa vyznačuje „zrodom“ viacerých nových básnikov, básnických postupov a smerov (napr. symbolizmus, akmeizmus, futurizmuz atď.), výrazne sa odlišujúcich od starých noriem, ideálov a estetiky.

[14] MALIA, M. 2004. *Sovětská tragédie:* Dějiny socialismu v Rusku v letech 1917-1991.cit.d.,s.329-330,339-340

najtypickejšiu črtu obdobia reflektujú vybrané diela vo viacerých rovinách, ktoré sa však medzi sebou prelínajú, pretože všetky majú spoločné heslo – boj „starého“ s „novým“.

Minulosť vs. budúcnosť

Ruská literatúra v tomto čase rýchlo reaguje na všetko to, čím kult osobnosti zasiahol do života ľudí. Predovšetkým sa však dotýka ich názorovej premeny a citového prežívania, ktoré sa začali formovať rôznymi smermi. Veľkú úlohu v konfrontácii minulosti a budúcnosti zohrala aj otázka represálií ako výrazného zásahu do života sovietskych ľudí, ktorá je ústrednou témou novely Viktora Nekrasova *Кира Георгиевна (Kira Georgievna* 1962), ale okrajovo sa jej dotýkajú aj viaceré iné diela, ako napr. román *Коллеги (Kolegovia* 1963) Vasilija Aksionova. Obaja autori reflektujú pocity ľudí, ktorí sa po dlhých rokoch ocitli na slobode, ale aj tých, ktorým sa rehabilitiovaní vrátili späť do života. Odhalenie kultu osobnosti so sebou prinieslo aj formu názorovej konfrontácie a premeny sovietskych ľudí. Najmä mladá generácia po odhalení pravdy o stalinskej minulosti začala hľadať cesty v prístupe k budúcnosti a minulosti. Nová spoločensko-politická situácia tak vyprofilovala ľudí s rozdielnymi pohľadmi na svet, hodnotami a postojmi. Takúto rovinu hľadania vyjadruje aj V. Aksionov v *Kolegoch*. Kľúčové postavy románu sa vyvíjajú v dvoch protichodných líniach a ich názory sú neustále konfrontované s pojmami ako dobro a zlo, kolektívnosť a individualita, idealita a realita, pravda a klamstvo. Prvá predstavuje „pesimistickú líniu“ a skeptický prístup k budúcnosti a minulosti, ktoré pramenia z ilúzií a klamstiev v ktorých ľudia vyrastali, druhá zase „optimistickú líniu“ a vieru v lepšiu a spravodlivejšiu budúcnosť, podľa ktorej im otvorili oči preto, aby videli jasne to, čo im bránilo ísť vpred. Po odhalení kultu osobnosti sa tak všetci ocitli tvárou v tvár krutej realite a museli zaujať rozhodné stanovisko k minulosti, aby mohli vyprofilovať svoj postoj k budúcnosti. Tak ako v *Kolegoch,* aj v reálnom živote sa pod vplyvom sformovali ľudia, ktorí budúcnosť videli buď v dúhových, alebo čiernych farbách.

Dogma vs. idea

Celé obdobie odmäku sa nieslo v znamení neustáleho súperenia dogmatizmu a revizionizmu. Najmä mladí ľudia vyjadrovali túžbu a odhodlanie presadzovať modernejšie postupy a pohnúť tak vpred nielen krajinu ale aj ich vlastný život. Tvorba V. Aksionova je plná „novodobých hrdinov“ v boji za modernizáciu a proti silám zotrvačnosti stalinských čias. V jeho románoch *Звёздный билет (Hviezdny lístok* 1965) a *Kolegovia* vyjadril smerovanie mladej generácie, ktorá sa snažila liberálnejšie pomery v období odmäku využiť na to, aby dosiahla progres vďaka práci, vedeckému skúmaniu a vzdelávaniu sa a nie za pomoci hesiel o „dostihnutí a predbehnutí Ameriky“ a „porážke kapitalizmu“. Odmäk začínal formovať ľudí

s vlastným názorom, ktorí sa pred spiatočníckymi silami už neskrývali „do kúta“, ale s odvahou proti nim vystúpili a to bez ohľadu na to, o čo všetko mohli prísť.

Stará generácia vs. mladá generácia

Slová starších ľudia mali v ZSSR vždy silnú váhu a vo všeobecnosti prevládal názor, že vedia, čo je pre spoločnosť, resp. pre mladých ľudí dobré. Autoritu im zabezpečoval predovšetkým fakt, že bojovali počas 2. svetovej vojny. V období odmäku sa však situácia začala meniť vďaka postupnému otváraniu sa Západu. Mladí ľudia mali možnosť počúvať rockovú hudbu na cudzích rozhlasových staniciach, ktoré už neboli rušené sovietskými úradmi. Na ulicich Moskvy a Leningradu sa čoraz častejšie objavovali zahraniční návštevníci a občas sa aj mladým ľuďom zo ZSSR podarilo dostať na Západ. Gramofónové platne The Beatles sa pašovali do ZSSR a potom sa kopírovali na magnetofónové kazety. Toto obdobie dalo mladej sovietskej generácii viacero možností na to, aby mohla začať vnímať kontrast medzi slobodným Západom a obmedzeniami, ktoré panovali v ZSSR.[15] Mladí si preto stale viac uplatňovali svoje práva na to, aby sa mohli zabávať a žiť tak, ako chcú sami a nie tak, ako im to odporúčajú starší ľudia. Táto situácia bola reflektovaná preodvšetkým v dielach V. Aksionova *Hviezdny lístok; Kolegovia; Апельсины из Марокко (Pomaranče z Maroka* 1965), ale aj v novele Vladimíra Tendriakova *Ночь после выпуска (Noc po maturite* 1974), v ktorých sú mladí ľudia vyobrazení ako nihilisti, narúšajúci všetko zabehnuté a to z jediného dôvodu- pretože môžu. Je to mladá generácia, ktorej osobnostný rozlet už nie je konfrontovaný s kultom osobnosti, ale vyvíja sa v liberálnejších podmienkach. Mladí ľudia ale neboli celkom bez vízií. Ich sny a ideály neboli veľmi odlišné od tých, ktoré mala predchádzajúca generácia, ale k ich formulácii si chceli nájsť vlastnú cestou. Liberálnejší náhľad mladej generácie na život sa prejavuje aj v slobodnejšom vnímaní partnerských vzťahov. Atmosféra odmäku a demokratizácia verejného života jednoducho podnecovala otvorenosť, voľnosť a oživenie vo všetkých oblastiach. Negácia základných princípov lásky bola do značnej miery znova len provokácia a snaha mladej genrácie vymaniť sa z područia starých zákonov. V postoji k láske a vzťahom si vyhradzujú rovnaké právo na samostatnosť, ako vo vzťahu k hudbe, móde, výtvarnom umení, literatúre a pod. Odmäk tak dal ZSSR generáciu ľudí, ktorá kričala – viac individuality a menej kolektívnosti, viac jazzu a menej Bacha, viac Pollocka a menej Repina, viac bohémstva a menej romantiky – inak povedané – kričí sloboda. A nebúri sa preto, lebo nemá záujem o klasiku, vzdelanie a úctu k staršiemu

[15] SERVICE, R. 2002. *Rusko od roku 1991 do současnosti:* Experiment s jedním národem. cit.d., s. 266, 267

pokoleniu, ale preto, že aj ona chce byť vnímaná ako samostatný článok sovietskej spoločnosti, ktorý nie je ovplyvňovaný dobou, ale naopak, ktorý dobu ovplyvňuje.

Záver

Šesťdesiate roky sú na celom svete vnímané ako obdobie prevratných udalostí, pozitívnych zmien a radosti zo života. Predovšetkým sa však spájajú so západným priestorom, kde vzniklo viacero fenoménov, ako napr. The Beatles, hippies, rock´ n roll, jazz, beatnici a pod. Ako sa však ukazuje, 60. roky, resp. odmäk v ZSSR boli jedným z mála období, kedy sa dva odlišné svety – Západ a Východ vyvíjali ako jeden a rozdiely medzi nimi sa stierali. Nielen na Západe, ale aj v ZSSR znamenali väčší posun k slobode, iný náhľad na svet, nový životný štýl a filozofiu. V ZSSR však vystupujú do popredia ešte viac, pretože im predchádzalo a aj nasledovalo obdobie „šedé“, pesimistické, neslobodné a plne ovládané totalitným režimom. Práve z toho dôvodu je toto obdobie, ktoré formovalo ľudí a zároveň bolo formované ľuďmi špecifickým kultúrnym fenoménom, ktorý má v sebe mnoho príťažlivého aj pre dnešnú generáciu.

Použitá literatúra:

AKSIONOV, V. 1965. *Hviezdny lístok*. 1. vyd. Bratislava: Smena, 1965. 205 s.

AKSIONOV, V. 1963. *Kolegové*. 2. vyd. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury a umění, 1963. 192 s.

AKSIONOV, V. 1965. *Pomaranče z Maroka*. 1. vyd. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1965. 224 s.

BARABANOV, J. 2008. Druhá ruská avantgarda: jej dejiny, mená a hodnoty. In: *Nonkonformisti. Druhá ruská avantgarda 1955-1988.* 1. vyd. Bratislava: Slovenská národná galéria 2008. 174 s. ISBN 978-80-8059-134-2.

ERENBURG, I. 2006. *Ľudia, roky, život 3*. 1.vyd. Bratislava: Tatran, 2006. 372 s.

CHRUŠČOV, N. S. 2000. *Vzpomínky Nikity Sergejeviče Chruščova*: Magnetofonové nahrávky z období glasnosti.1. vyd. Brno: Jota, s.r.o. 2000. 225 s. ISBN 80-7217-103-8.

VEBER, V. 2001. *Komunistický experiment v Rusku 1917-1991*:Malé dejiny ZSSR. 1. vyd. Praha:Roman Míšek, 2001. 234 s. ISBN 80-86277-14-3.

MALIA, M. 2004. *Sovětská tragédie:* Dějiny socialismu v Rusku v letech 1917-1991. 1.vyd. Praha: Argo, 2004. 566 s. ISBN 80-7203-566-5.

MOULIS, V. 2006. *Neobyčejný život Nikity Sergejeviče:* N.S.Chruščov a jeho doba. 1. vyd. Praha: Dokořán, 2006. 204 s. ISBN 80-7363-088-5.

NEKRASOV, V. 1962. *Kira Georgijevna*. 1. vyd. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1962. 112 s..

SERVICE, R. 2006. *Rusko od roku 1991 do současnosti:* Experiment s jedním národem. 1. vyd. Praha-Plzeň: Beta-Dobrovský, Ševčík 2006. 358 s. ISBN 80-7306-245-1.

ŠVANKMAJER, M. a kol. 2010. *Dějiny Ruska*. 6. vyd. Praha: Nakladatelství lidové noviny, 2010. 601 s. ISBN 978-80-7422-026-5.

TENDRIAKOV, V. 1974. Noc po maturite In: *Šesťdesiat sviečok*. 1. vyd. Bratislava: Pravda 1986. 296 s.

XX. съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет I., Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956. 640 s.

XX. съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет II., Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956. 560 s.

ZOBRAZENIE HLAVNÝCH HRDINOV V ROMÁNE L.N. TOLSTÉHO VZKRIESENIE

Mgr. Kristína Ševečková

Univerzita Komenského v Bratislave

seveckova3@uniba.sk

РЕЗЮМЕ**:**
В данной работе мы сосредоточили внимание на двух главных героев романа Л.Н. Толстого «Воскресение». Мы обратили внимание на средства, использованные Толстым для обрисовких характеров. Также нас интересовало изменение и развитие героев на протяжении всего произведения.

Úvod

L. N. Tolstoj (9.9.1828 - 20.10.1910), prozaik, dramatik a myslitel'[16] je jedným z najvýznamnejších ruských realistických spisovateľov 19. storočia. Romány Anna Kareninová, Vojna a mier a Vzkriesenie patria k popredným dielam ruskej i svetovej literatúry. Predstavil sa v nich ako majster psychologizmu a hlboký realista.

Román Vzkriesenie je jeho posledným románom. Podarilo sa mu v ňom zosumarizovať životné názory a filozofické učenie. Je umeleckým vyjadrením myšlienok, ktoré vznikli pri jeho osobnostnom prerode a názorovo ho vzdialili od spoločenskej vrstvy, z ktorej pochádzal.[17] Román písal celých 10 rokov. Od A. F. Koniho, vtedajšieho prokurátora Peterburského súdu, sa dozvedel o istom reálnom prípade zo súdnej praxe. Ten mu poslúžil ako námet.[18]

Dej románu je jednoduchý. Začína sa stretnutím dvoch hlavných postáv – Kaťuše Maslovovej a Nechľudova – na súde. Kaťuša sa pred súdom ocitá ako obžalovaná a Nechľudov vystupuje v úlohe porotcu. Stretnutie je pre Nechľudova nečakanou a bolestnou rozpomienkou na obdobie spred niekoľkých rokov, keď Kaťušu zviedol a opustil. Prebudí sa v ňom svedomie, rozhodne sa pomôcť tejto žene, porotou nespravodlivo odsúdenej na nútené

[16] porov. KOVAČIČOVÁ, O. et. al. 2007. Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia. Bratislava: VEDA, 2007, s. 445. ISBN 978-80-224-0967-4
[17] БАХТИН, М.М. 1930. Предисловие. „Воскресение“ Л. Толстого. In: *Лев Толстой: pro et contra.* СПб.: РХГИ, 2000, с. 4. ISBN 5-88812-087-1
[18] JEHLIČKA, M. 1999. *Lev Tolstoj: vypravěč a vizionář*. Ústí nad Labem: Ústav slovansko-germánských studií UJEP, 1999, s. 159.

práce na Sibír. Nechľudov sa pritom postupne zoznamuje i s prostredím väznice a s trestancami, ktorým pomáha. Ani napriek jeho stykom sa mu nepodarí vybaviť zrušenie rozsudku o Kaťušinom osude. Preto sa rozhodne odčiniť krivdu, chce jej pomáhať a oženiť sa s ňou. V závere románu odchádza spolu s trestancami na Sibír. Hoci pred koncom cesty do vyhnanstva Kaťuša dostane správu udelení milosti, rozhodne sa zostať s trestancami v skupine odsúdených politických väzňov. S Nechľudovom sa však lúči, pretože mu nechce komplikovať život.

L. N. Tolstoj sa prioritne nezameriava na dejovú líniu; román stavia predovšetkým na kontrastoch[19]. Psychologicky čo najpresnejšie vykresľuje postavy Kaťuše a Nechľudova, sleduje ich vzťah, ich vnútorný prerod, zmenu.[20] Využíva na to monológy, reč tela, opis životného štýlu, prírodné scény a výjavy. Konfrontuje ich so spoločnosťou, ktorú vníma kriticky, zobrazuje rozdiel života bohatých a chudobných, nespravodlivosť v súdnictve, nedôstojné podmienky vo väzniciach, situáciu v cirkvi[21]. Odkrýva morálne hodnoty, konfrontuje pravdu a lož, dobro a zlo. Román je obrazom Ruska 19. storočia, obrazom systému, ktorý sa Nechľudov, pohnutý vlastným svedomím, rozhodne zmeniť.[22]

Zobrazenie postavy Kaťuše Maslovovej

Autor na začiatku románu predstavuje Kaťušu ako trestanku, ktorá čakala vo väznici na súd a viedli ju práve na pojednávanie. Bola to, podľa slov Tolstého, „veľmi vysoká, mladá žena, s nápadne veľkým poprsím, v sivom väzenskom plášti. (...) Na hlave mala bielu šatku, spod ktorej zámerne vykúkali prstence kučeravých čiernych vlasov“.[23] Je pozoruhodné, že autor zdôraznil predovšetkým dva detaily, a to veľké poprsie a vlasy vykúkajúce spod šatky. Tým prestavuje Kaťušu nielen vizuálne, ale i osobnostne. Zdôraznil to, čo bolo pre ňu typické. V minulosti pracovala vo verejnom dome, čo ovplyvnilo jej pohľad na mužov. Vnímala ich iba ako platiacich zákazníkov, koketovala s nimi, dbala pritom na svoj výzor, aby sa im páčila. V nasledujúcich riadkoch Tolstoj píše, že mala ruky, hrdlo i „tvár poznačenú zvláštnou bledosťou“[24], a dodáva, že to spôsobil jej dlhý pobyt vo väznici. Do kontrastu s jej bledou

[19] ПЛЮХАНОВА, М. Б. 2000. Творчество Толстого: Лекция в духе Ю.М. Лотмана. In: *Лев Толстой: pro et contra.* СПб.: РХГИ, 2000, с. 852. ISBN 5-88812-087-1

[20] JEHLIČKA, M. 1999. Lev Tolstoj *vypravěč a vizionář*. Ústí nad Labem: Ústav slovansko-germánských studií UJEP, 1999, s. 161.

[21] БАХТИН, М.М. 1930. Предисловие (1930) „Воскресение“ Л. Толстого. In: *Лев Толстой: pro et contra.* СПб.: РХГИ, 2000, с. 7. ISBN 5-88812-087-1

[22] KAUFMAN, A. 2011. *Understanding Tolstoy*. Columbus: Ohio State University Press, 2011, p. 24. ISBN 081421164X

[23] TOLSTOJ, L. N. Vzkriesenie. Bratislava: Tatran, 1990, s. 8.

[24] Tamže, s. 8.

tvárou dáva „čierne, lesklé, trochu pripuchnuté, ale veľmi živé oči, z ktorých jedno trošku zabiehalo“.[25] Väzenské oblečenie akoby korešpondovalo s Kaťušiným psychickým rozpoložením v danej chvíli. Hrubé správanie sa dozorcov, vojakov i okoloidúcich ľudí cestou na súd umocnilo dojem, že je to úbohá žena, ktorej sa teraz všetci štítia, nik sa jej nezastane, ba naopak, všetci ju skôr odsudzujú. Kaťuša sama sa cíti ponížená, zranená a oklamaná životom.

Po tomto obraze autor ponúka ďalšie informácie. Je zaujímavé, že tak neurobil hneď na začiatku. Pravdepodobne sa snaží o to, aby si ku Kaťuši vytvoril čitateľ kladný vzťah a aby k nej pocítil ľútosť. Až teraz sa v retrospektíve vracia k príbehu jej narodenia, detstva a dospievania: milé, veselé dievča, so žiariacim úsmevom a očami čiernymi ako mokré ríbezle, zadychčaná a rozosmiata, s oddaným pohľadom, naprávajúca si rozpustený vrkoč – tak ju zobrazuje v mladosti. Z opisu tryská radosť, veselosť, naivita. Vonkajšia krása prezrádza krásu jej mladej duše. Môžeme to pozorovať aj pri opise Kaťuše na Veľkú noc, kedy ju Tolstoj oblieka do bielych šiat „s nazberkaným živôtikom, s modrým pásom a s červenou mašličkou v čiernych vlasoch.“[26] Sivý väzenský plášť a trestanecké dreváky silno kontrastujú s minulosťou, podobne ako kontrastuje vntorný svet maldej Kaťuše s jej stavom v dospelosti.

Oblečenie Kaťuše sa počas románu ešte niekoľkokrát mení. Ako ošetrovateľka v nemocnici má pásikavé šaty a bielu zásteru, neskôr má na sebe jednoduchú bielu blúzku, sukňu a šatku. Ako keby jej premena prebiehala v niekoľkých etapách, ktoré korešpondujú s odlišným oblečením: mení sa jej oblečenie a mení sa i jej vnútro. Tolstoj sa pritom zameriava predovšetkým na výsledok tejto premeny: v období putovania na Sibír je schudnutá a zostarnutá, s vlasmi pod šatkou, rezignovane kráčajúca životom.

Zobrazenie postavy Nechľudova

S Nechľudovom sa čitateľ prvýkrát stretáva ráno v deň súdu. Zúčastňuje sa procesu ako člen poroty. Autor zdôrazňuje niektoré detaily jeho postavy (hladké biele nohy, mäsité plecia, svalnaté, tukom obrastené biele telo, krátka čierna kučeravá brada, zvlnené vlasy, nad čelom trocha preriedené[27]) a podrobne zobrazuje jemu vlastný spôsob života. Tolstoj detailne opisuje jeho denné činností, zdôrazňujúc pritom bohatstvo Nechľudova: strieborná tabatierka, hodvábny župan, množstvo kozmetiky, mramorové umývadlo v jeho byte, čistá vyžehlená

[25] TOLSTOJ, L. N. Vzkriesenie. Bratislava: Tatran, 1990, s. 9.
[26] Tamže, s. 58.
[27] Tamže, s. 16.

bielizeň, do ligotava vyleštené topánky, a i. Znovu sa môžeme presvedčiť o tom, že Tolstého detaily majú hlbší význam. Na základe nich sa dozvedáme, že Nechľudov bol bohatý šľachtic, zakladajúci si na svojom postavení, viedol bezstarostný život, večery trávil v spoločnosti iných šľachticov. Jeho jedinou pracovnou činnosťou bola úloha porotcu na súde.

Dozvedáme sa však aj o jeho živote, práci, vzťahu k ženám. L. N. Tolstoj nás zavedie aj do obdobia Nechľudovovej mladosti. Opisuje jeho návštevu u tetušiek, prvé stretnutie s Kaťušou i vplyv vojenskej služby, ktorá poznačila jeho zmýšľanie a zmenila jeho správanie ku Kaťuši pri ich druhom stretnutí a postupnú stratu záujmu o ňu.

Nechľudova spoznávame aj prostredníctvom jeho vlastných myšlienok a vnútorných monológov, ktoré Tolstoj používa veľmi často. Najmä touto formou sprostredkúva čitateľovi jeho hodnotový svet a názory na život a prostredie, v ktorom sa pohybuje.

Premena Kaťuše v románe

Charakteristickou črtou Tolstého románov, vrátane románu Vzkriesenie, je dynamika zobrazenia postáv.[28] Premenu Kaťuše pozorujeme na ploche celého diela: z trestanky sa postupne stáva silná žena schopná obety pre druhých. V závere sa táto žena zrieka vlastného šťastia a obetuje ho pre šťastný život iného človeka – Nechľudova. Tento psychologický proces premeny Kaťuše, jej mravné vzkriesenie, tvorí de facto dejovú kostru románu.

Po načrtnutí úvodnej scény (Kaťuša vo väzení) a vykreslení Kaťušinho detstva a mladosti sa dozvedáme, kedy a prečo sa zmenila. Tým tragickým zvratom v jej životných osudoch bola noc, keď tehotná čakala na stanici na Nechľudovov návrat domov z vojny, ale on cestoval ďalej, zabudol na ňu, prestala ho zaujímať: „Keď Kaťuša pribehla na nástupište, hneď ho zbadala v okne prvej triedy. (...) sedel na bočnom operadle kresla v priliehavých rajtkách a v bielej košeli, lakťom opretý o zadné operadlo a čomusi sa smial.“[29] Konfrontácia čistoty, naivity a biedy dievčaťa s klamstvom a falošným životom šľachticov mala ďalekosiahle následky. Kaťuša pochopila, že sa stala obeťou egoizmu a rozmaru mladého muža z odlišnej spoločenskej vrstvy. Uvedomila si, že ju nemiluje a nezabezpečí budúcnosť jej a ani ich dieťaťu. Tolstoj jej pocit opisuje nasledovne: „On si sedí vo vysvietenom vozni, v plyšovom kresle, vtipkuje, pije – a ja tu v blate, v tme, v daždi, vo vetre – stojím a plačem.“[30] Kaťuša odvtedy prestala veriť ľuďom, prestala veriť aj v dobro. Toto trpké

[28] Porov: „На протяжении всего творческого пути (автор) последовательно отрицает психологизм характера, восприятие человека как чего-то завершенного и подытоженного.“ Казаков, А. А. 2011. *Русская литература последней трети XIX в*. Томск : Издательство Томского университета, 2011, с. 114.
[29] TOLSTOJ, L. N. Vzkriesenie. Bratislava: Tatran, 1990, s. 131.
[30] Tamže, s. 132.

sklamanie ju uvrhlo do rôznych ťažkostí, stalo sa zdrojom zložitých životných problémov, vrátane podozrenia z krádeže a otrávenia kupca Smeľkova, kvôli ktorému bola uväznená.
V románe môžeme pozorovať niekoľko paralelných zmien Kaťuše: okrem už spomínanej zmeny zovňajšku je to aj zmena správania (návrat k striedmemu životu, práca v nemocnici) a myslenia (zmena pohľadu na mužov, na seba a na vlastnú dôstojnosť i miesto vo svete), nájdenie nového zmyslu života. Premena Kaťuše, jej opätovná dôvera v ľudí, v dobro, radosť zo života, sú podmienené nielen starostlivosťou a láskou Nechľudova, ale predovšetkým jej zblížením s inými trestancami pri putovaní na Sibír. Kaťuša sa zmení na nespoznanie. Jej vzkriesená láska k Nechľudovovi, spoločný život s jednoduchými, čestnými a dobrými ľuďmi – to všetko jej pomáha začať žiť novým životom.

Premenu hlavnej hrdinky môžeme pozorovať aj prostredníctvom zmien jej nálad, ktoré sú neraz až protichodné. Tolstoj brilantne vystihol, vykreslil každý jej pocit, stav i náladu, jej prežívanie jednotlivých období života, vrátane jej prerodu. Vďaka tomu môžeme postupne sledovať nielen jej bezmocnosť vo väznici a na súde, ale aj potláčanie bolestných spomienok na mladosť, hnev voči Nechľudovovi, odmeranosť a plachosť voči nemu a napokon i jej rozhodnosť a vyrovnanosť v závere románu.

Premena postavy Nechľudova

Nechľudov sa najskôr stará iba o seba, jeho život sa točí okolo neho samého, večery trávi na návštevách bohatých spriatelených rodín. Zmena v ňom však začína klíčiť už v prvej časti románu počas súdu nespravodlivo obvinenej Kaťuše. Tam ju spoznal ako ženu, ktorej ublížil a ktorú opustil. Bolo mu jej ľúto, trápili ho výčitky svedomia a chcel pre ňu niečo urobiť. Sebaláska a strach z hanby mu to však spočiatku nedovolili. Postupne sa ale odhodláva od základov prehodnotiť svoj život. Stretnutie s Kaťušou ním otriaslo. Ostatné udalosti v románe premenu len prehĺbili a posilnili. Jeho návštevy vo väznici i spoznávanie ostatných väzňov mu otvorili oči. Videl biedu a neľudské podmienky, v akých žijú častokrát nevinní ľudia. Tu si prvýkrát uvedomuje kontrast medzi chudobnými a bohatými, falošnosť boháčov, nespravodlivosť súdnictva a celej spoločnosti. Pociťuje odpor k sebe samému i k jemu podobným ľuďom: „Hanebné a hnusné, hnusné a hanebné“, rozmýšľal medzitým Nechľudov, keď sa peši vracal po známych uliciach“.[31] Nechľudovov egoistický postoj vystrieda nefalšovaný záujem o blížnych. Láska a záujem o človeka biedneho sa postupne mení na záujem o každého, tak biedneho, ako aj bohatého, sympatického i nesympatického. Ožívajú

[31] TOLSTOJ, L. N. Vzkriesenie. Bratislava: Tatran, 1990, s. 101.

v ňom ideály mladého študenta, nepoškvrneného majetkom a prepychovým životom. Znovu vyznáva myšlienky Henryho Georgea o vlastníctve pôdy, a neostáva len pri myšlienkach: svoju pôdu odovzdáva roľníkom, zrieka sa veľkej časti svojho majetku. Pritom sa mení aj Nechľudovov životný štýl. Ak na začiatku románu autor pri detailnom opise bytu Nechľudova zdôrazňuje jeho bohatstvo a prepych, neskôr, po návrate z vidieka, akcentuje jeho odpor k majetku, presťahovanie sa do penziónu, cestovanie na Sibír treťou triedou i ubytúvanie sa počas cesty v prostých zájazdných hostincoch. Vzkriesenie Nechľudova je teda de facto predovšetkým jeho intelektuálnym dozretím, ktoré vrcholí odchodom na Sibír.[32]

Vnútorné monológy hrdinov Tolstého vyjadrujú stav, v akom sa tá či oná postava nachádza. Sú dynamické, ich štruktúra sa mení. Vznikajú zväčša vo chvíľach konfrontácie románovej postavy s novou skúsenosťou. Zároveň je v Tolstého románoch zreteľne cítiť autorovu osobnú prítomnosť, jeho subjektívne hodnotenie osôb, ich skutkov i rozličných, najmä záporných javov okolitého života. Pri ich nemilosrdne kritickom stvárňovaní Tolstoj akoby Nechľudovovi neraz vkladal do úst vlastné myšlienky.[33]

Záver

Je zrejmé, že L. N. Tolstoj vykreslil každú z oboch hlavných postáv autenticky a s použitím odlišných postupov. Kaťušu predstavuje predovšetkým prostredníctvom vonkajšieho opisu, prostredníctvom jej správania, nálad i zmien výzoru, „oživovaním“ jej minulosti a iba čiastočne aj prezentovaním jej vnútorného myšlienkového a pocitového sveta. Na rozdiel od nej Nechľudova spoznávame nielen cez vykreslenie prostredia, v ktorom sa pohybuje, a jeho životného štýlu, ale aj – a neraz najmä – prostredníctvom vnútorných monológov, ktoré sprítomňujú jeho myšlienky a názory. Zovňajšok Nechľudova (až na pár detailov) však nepoznáme. L. N. Tolstoj ani v prípade Kaťuše Maslovovej, ani v prípade Nechľudova nevolí úplnú, vyčerpávajúcu charakteristiku; siaha skôr po takých detailoch, ktoré obsahujú hodnotnú informáciu o psychickom i fyzickom stave postavy. Ani jedného pritom úplne nerozkrýva pred čitateľom hneď na začiatku, ale postupne pridáva jednotlivé dôležité črty. Charakteristiky sa preto postupom času menia, postavy sú v dynamickom pohybe. Sám Tolstoj o tom na stránkach románu Vzkriesenie píše: „Ľudia sú ako rieky: voda je vo všetkých rovnaká a všade je tá istá, ibaže každá rieka býva miestami úzka, miestami bystrá, niekde široká, niekde tichá, niekde čistá, niekde studená, raz mútna, raz teplá. Tak aj ľudia. Každý

[32] JEHLIČKA, M. 1999. Lev Tolstoj *vypravěč a vizionář*. Ústí nad Labem. Ústav slovansko-germánských studií UJEP, 1999, s. 163.
[33] ГУДЗИЙ, Н. К. *: Лев Толстой. Критико-биографический очерк.*. Москва, 1960, s. 155.

má v sebe zárodky všetkých ľudských vlastností a prejavujú sa na ňom raz tie, raz iné, často býva na nepoznanie, hoci stále ostáva samým sebou.“[34]

Použitá literatúra:

БАХТИН, М.М. 1930. Предисловие. (1930) „Воскресение“ Л. Толстого. In: *Лев Толстой: pro et contra.* СПб.: РХГИ, 2000. с.747-775. ISBN 5-88812-087-1

ГУДЗИЙ, Н.К. 1960. [online]. *Лев Толстой. Критико-биографический очерк.*. М.: Худож. Лит, 1960. 215 с. [Cit 22. august 2013]. Dostupné na internete: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectpr/vsk/vsk-483-.htm >.

КАЗАКОВ А.А. 2011. *Русская литература последней трети XIX в. (курс лекций): учеб. пособие*. Томск: Изд-во Том. ун-та. 2011. 210 с. ISBN 978-5-7511-2014-6

ПЛЮХАНОВА, М. Б. Творчество Толстого: Лекция в духе Ю.М. Лотмана. In: Л.Н. *Толстой: pro et contra.* СПб.: РХГИ, 2000. s. 822-858. ISBN 5888120871

JEHLIČKA, M. 1999. *Lev Tolstoj: vypravěč a vizionář*. Ústí nad Labem, Ústav slovansko-germánských studií UJEP. 1999. 222 s.

KAUFMAN, A. 2011.*Understanding Tolstoy*. Columbus: Ohio State University Press. 2011. 352s. ISBN 081421164X

KOVAČIČOVÁ, Oľga, et. al. 2007. *Slovník ruskej literatúry 11. – 20. storočia. Bratislava:* VEDA, 2007. 581 s. ISBN 978-80-224-0967-4

TOLSTOJ, L.N. 1990. *Vzkriesenie.* [z ruského originálu preložila a doslov napísala Soňa Čechová]. Bratislava: Tatran, 1990. 456s. ISBN 80-222-0202-9

TYRRAS, N. 2010. *Russian intellectual and cultural history from the ninth to the twenty-first century*. Lewiston, N.Y., Edwin Mellen Press, 2010. 432p. ISBN 0773438491

[34] TOLSTOJ, L.N. Vzkriesenie. Bratislava: Tatran, 1990, s. 193-194.

UČITEL A ŽÁK VS. BLÍŽENCI – HOMOSEXUÁLNÍ VZTAHY V RUSKÉ LITERATUŘE S GAY-TEMATIKOU

Mgr. Jaroslav Sommer

Hradec Králové

2578482@seznam.cz

РЕЗЮМЕ:
В данной статье внимание сосредоточено на обнаружении моделей партнерских отношений между героями-геями в русской прозаической литературе на протяжении 20 века и в начале 21 века. На основе анализа не только ключевых, а также малоизвестных текстов автор статьи показывает, что уже в самом начале 20 века появляются две концепции, возникают две во многом противоположные модели партнерских отношений, развивающиеся по сей день в русской прозе с квир тематикой.

Pokud se v literárním díle objevuje mužská homosexuální postava, jen málokdy není charakterizována – kromě jiného – i skrze své partnerské vztahy. Definice homosexuality na základě sexuálních preferencí, staví právě partnera do pozice nejvhodnější postavy, skrze niž lze hrdinu postihnout. I proto může být podnětné podívat se blíže na to, do jakých vztahů zasazují ruští autoři 20. a počátku 21. století své literární hrdiny.

Ve výsledku se ukazuje, že homosexuálním tématem v ruské literatuře se prolínají dvě výrazné a v mnohém protikladné koncepce vztahů mezi partnery. Typologie těchto vztahů je zajímavá také tím, jak v některých aspektech koresponduje s modely vztahů, s nimiž se setkáváme v literárních dílech s klasickou heterosexuální milostnou zápletkou.

Jeden ze směrů je založený v jisté míře na nevyváženosti ve vztahu, na tom, že literární hrdina hledá jakýsi svůj doplněk, že se snaží nalézt u druhého, co sám nenachází u sebe. Takový vztah funguje navíc na principu nerovnosti v postavení obou partnerů – jeden z nich je dominantní silou, určující podobu a směřování vztahu, k němu vzhlíží ten druhý, který je spíše submisivní, nezkušený a většinou také pohledný a vyžadující od partnera určitou ochranu. Často bývá tento poměr v literatuře vyjádřen vztahem mezi učitelem a žákem, jenž ho i v detailech poměrně přesně vystihuje.

Protichůdná koncepci učitele a žáka je možnost, kdy literární hrdina pátrá po sobě samém, snaží se objevit svou kopii, dvojče. Takový blíženec je totiž jediný, kdo mu dokáže

naprosto porozumět, před kým není nutné nic skrývat. Vztah mezi dvěma partnery je tvořen na základě rovnosti, je žádoucí, aby si oba byli co nejvíce podobní jak fyzicky, tak i duševně.

Motivem učitele a žáka v homosexuální tematice se spisovatelé často hlásí ke svým starořeckým předchůdcům a vyzdvihují návaznost na antickou tradici. Dokladem toho může být množství odkazů tohoto typu v románu **Michaila Kuzmina** Крылья.

Ústřední postavou prózy je Váňa Smurov, osiřelý gymnazista, který se stěhuje z venkova ke svým petrohradským příbuzným. Mladík je představen jako tabula rasa, na niž se o to intenzivněji zapisují veškeré příchozí podněty.

Vrstevníci Váňu příliš nezajímají, o to více se jeho pozornost zaměřuje na starší muže. Ti plní ve Smurovově životě díky svým zkušenostem a přirozené autoritě roli učitelů, rádců a částečně také ochránců, slouží mu též jako vzor, který Smurov nenachází mezi svými příbuznými. Váňa tak přilne především k Larionu Dmitrijeviči Štrupovi, zcestovalému, vzdělanému muži, jenž Váňu učí uvažovat a postupovat nezávisle na mínění druhých, snaží se udělat z něj pokrokově smýšlejícího člověka: *А мне кажется, что в вас, Ваня, есть задатки сделаться настоящим новым человеком. …*

Вы плохо окружены, но это может быть к лучшему, лишая вас предрассудков всякой традиционной жизни, и вы могли бы сделаться вполне современным человеком, если бы хотели, – добавил, помолчав, Штруп.[1]

Veskrze originální pohled na homosexualitu čtenáři přináší v roce 1908 v povídce Двое – один **Zinaida Gippius**. Autorka k tomu volí příběh dvou mladých sourozenců – Věry a Vládi, který zjišťuje v průběhu své první sexuální zkušenosti, jak těsně jsou jeho tužby spjaty právě se sestrou – zároveň v tu chvíli Vláďa ve svých představách prožívá incest, zároveň, vzhledem k tomu, jak neoddělitelně od sebe vnímá svou sestru, prožívá styk se svým alter egem, a tedy se sebou samým: *Ну да, ты вот, как ты, Вера, моя сестра … точно моя же собственная нога или рука. И вдруг, будто не с Маврушкой, а с тобой я это все делаю, совершенно … не только не нужное, а какое-то противоестественное, а потому отвратительное до такой степени, что ты сама пойми.*[2]

Vláďu situace traumatizuje a Gippius nabízí řešení – vzpouru proti společnosti po boku Věry a spolužáka Kremenčugova, jenž opakovaně vstupuje do Vláďových myšlenek: *Положим, я влюблюсь в кого-нибудь… Пока ничего – ничего, а если что-нибудь – вдруг опять мне покажется, что я как с собой, так с тобой, как с сестрой? …*

---

[1] КУЗМИН, Михаил. 1999. *Крылья*. In: КУЗМИН, Михаил. *Проза и эссеистика: в трех томах. 1. Проза 1906 – 1912 гг*. Москва: Аграф, 1999, с. 78-79. ISBN 5-7784-0084-5.

[2] ГИППИУС, Зинаида. *Двое – один*. In: [online]. [cit. 2013-05-16]. Dostupné z: http://dashkov.com.ua/russian_classic/gippius_zn/dvoe_-_odin.mp3.4122.

И почему-то настойчиво и глупо, и совсем некстати, ему стал видеться их класс … и Кременчугов …

„Вот этот ничего не побоится! – мелькает отрывочно у Влади в голове. – … Сильный-то какой, милый какой!“[3] V Kremenčugovi Vláďa vidí blížence – takový by chtěl být. Kremenčugov je dvojníkem Vláďovy představy o sobě samém.

Příběh předkládá zcela jinou vizi o impulzu vedoucímu k homosexualitě. Kuzminův Váňa hledá někoho, kdo ho povede, kdo mu ukáže, jak být sám sebou, jak se sám sebou stát, podněty zvnějšku hrají významnou roli, oproti tomu Vláďa Zinaidy Gippius se snaží nalézt někoho, s kým dostane možnost sám sebou být – nemusí se učit tomu, co už v něm je.

Obě koncepce se potkávají v románu Юность z roku 1912. Román napsal **Rurik Ivněv** a na osudech dospívajícího Borji ukazuje, nakolik jsou tyto dvě představy o vztahu neslučitelné. Nešťastně zamilovaný Borja se cítí osamoceně, ovšem ani přesto nehodlá přistoupit na návrhy postaršího Karla Konstantinoviče, který mu nabízí kromě otevřené náruče také porozumění, zabezpečení, ochranu – a raději se po zbytek románu snaží objevit spřízněnou duši, někoho, kdo se mu bude podobat více než jen tím, že je také homosexuál.

Překvapivý – z hlediska sledovaného tématu – je pak samotný závěr románu. Borja, už jako ostřílený mladý muž, potkává nezkušeného gymnazistu Aljošu, v jehož rysech poznává sebe samého na počátku Ivněvova díla. Borja v Aljošovi hledá svůj odraz, dokonalé porozumění: – *… Я совсем в вас, а вы не совсем, частицей. Я очень устал … мы должны быть неразлучными. … Так сильно, вас никто не полюбит. У меня ничего. Все в вас.*[4]

Protože nakonec Borja objevuje sice spřízněnou duši, ale přesnou kopii spíše svého minulého, než současného stavu, rodí se v něm city, které sám neočekával, city až otcovsky ochranitelské. Naproti tomu Aljošu zamrzí, že Borja neodpovídá jeho představám: *Если бы вы были просто, ну… – Алеша краснеет. … – Ну да, учеником, одноклассником и просто товарищем, мы были бы друзьями, такими, знаете, вместе всюду и…*[5]

Zdálo by se, že se ocitáme v začarovaném kruhu – Borja nyní zaujal místo, které v jeho životě zastával Karl Konstantinovič, a Borjův přístup přebírá Aljoša. Samotný závěr však dává Borjovi naději, že tentokrát vše dopadne úspěšněji. Ivněv tak v románu nastiňuje, že rozdíl mezi oběma koncepcemi je dle něj ve věku a v posbíraných zkušenostech – starší hrdinové hledají svého žáka, protože už ho mají čemu naučit, už mu mají co předat, jenže

[3] Tamtéž.
[4] ИВНЕВ, Рюрик. 2011. *Юность*. In: ИВНЕВ, Рюрик. *Герой романа*. Санкт-Петербург: Полиграф, 2011, с. 617. ISBN 978-5-91868-002-5.
[5] Tamtéž, s. 617.

mladí a nezkušení hrdinové se poohlížejí po někom, kdo by plnil roli jejich blížence – a to jim přináší stále jen zklamání, protože takové hledání je v Ivněvově podání marné.

Porovnáme-li tedy autorovo pojetí s výše zmíněnými díly Kuzmina a Gippius, Ivněv se méně shoduje s prvním z nich. Kuzminův Váňa Smurov má od homosexuálního vztahu zcela jiná očekávání, než Ivněvův Borja. Vláďův stav z povídky Zinaidy Gippius v podstatě odpovídá počátečnímu stadiu Borjova vývoje od jedné koncepce k druhé.

Blíženci vs. učitelé a žáci se průběžně utkávají na šachovnici tvorby **Vladimira Nabokova**. Tuto hru lze sledovat právě v souvislosti s homosexuálním tématem.

Již ve svém prvním románu – v Mášeňce – Nabokov motiv využívá, když vytváří pár sestávající ze dvou téměř totožných baletních tanečníků. Spisovatel pak nezapře návaznost na své ruskojazyčné kolegy především v próze s názvem Oko[6] – homosexuální námět nacházíme i v jejím podtextu a na polemice se staršími autory je vystavěn příběh. Nabokov to ozřejmuje použitím jmen – hlavního hrdinu nazývá Smurovem a dívku, do níž se zahledí, Váňou: *Váni jsem si všiml hned a hned se mi také rozbušilo srdce…*

… Nepřivykl jsem hned téhle zdrobnělině mužského jména „Ivan“, časem však pro mě nabyla stejného odstínu, jaký Váňa spojovala s unylými ženskými jmény.[7]

Smurov se zde zamilovává do Váni, tedy, optikou Michaila Kuzmina, sám do sebe. Nabokov vidí původ homosexuality právě spíše v jakési vyšší než obvyklé míře narcismu, přenesené však na druhého. Tím je Nabokovovi blízká koncepce blíženců – a i proto se pouští do konfliktu zrovna s Kuzminem. Průvodním jevem homosexuálních postav v Nabokovově díle, je často zženštilost, Nabokovovi tak nečiní problém předělat Váňu na dívku.

I anglicky psaná tvorba Vladimira Nabokova pokračuje v rozvíjení homosexuálního tématu. L. S. Klejn[8] se zmiňuje dokonce o tom, že spisovatel psal společně s Lolitou ještě jeden román, dokončil však pouze Lolitu: *…но второй – о двухголовом монстре – забросил … осталась только одна глава – исповедь сиамского близнеца. Этот человек влюблён в своего брата, но не может осуществить соитие с ним, так как жестко связан с ним у бедра*.[9] Ve zlomyslném příběhu kulminují autorovy tendence spojovat homosexualitu s absolutním blíženectvím – v následujících románech už homosexuální postavy nehledají svůj dokonalý odraz, fyzická podoba už není podmínkou.

---

[6] Použit překlad autorizované verze v angličtině The Eye původního ruskojazyčného textu Соглядатай. V roce 2013 byl vydán nový český překlad pod názvem Slídil.

[7] NABOKOV, Vladimir. 1996. *Oko*. Olomouc: Votobia, 1996, s. 38-39. ISBN 80-7198-119-2.

[8] Klejn věnoval Nabokovovi kapitolu ve své práci Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей. Российское созвездие.

[9] КЛЕЙН, Лев. 2002. *Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей. Российское созвездие*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2002, с. 495. ISBN 5-7627-0166-2.

Dozvuk Lolity najdeme v homosexuálním tématu v pozdějším Nabokovově románu – v Bledém ohni. Už v Lolitě Humbert Humbert vzpomíná na svou lásku z mládí, která se po letech znovu hlásí k životu – převtělená do jiné dívky. Stejně tak se Charles Kinbote pokouší v amerických mladících objevit odlesky svého ztraceného přítele ze Zembly. Aby byl námět dovršen, je Kinbote univerzitním profesorem. Při zběžném pohledu Nabokov přechází od homosexuality coby hledání dvojčete ke schématu učitel-žák, avšak zevrubnější průzkum ukazuje, že schéma je stále totéž – i Kinbote hledá jen svého blížence, neohlíží se ale na to, že jeho ideály a představy ustrnuly v době jeho dávno pozbyté mladosti: *Některé věci z minulosti … mohou třicet let ležet ladem, tak jako tahle, zatímco jejich přirozené prostředí prodělává katastrofální proměny. … Olegova smrt … napomohla vymazat realitu jejich dobrodružství. K tomu, aby tajná chodba znovu nabyla reálných obrysů, bylo zapotřebí revoluce.*[10]

Mládí a krásné tělo jsou požadavky, jež Charles Kinbote přenáší z Olega i na své pozdější známosti. Nelze však tvrdit, že hrdina ustrnul v čistě blíženeckém pojetí, nýbrž snaží se různými způsoby využívat toho, že je učitelem, že má finanční prostředky na to, aby si mohl udržovat pozornost případného milence různými dárky. Nabokov poukazuje na riziko, které může vyplývat ze vztahu založeného na úlohách učitele a žáka a na něž do té doby literatura neupozorňuje – a totiž, že takový vztah funguje, alespoň po nějakou dobu, i zcela bez lásky, bez nějakého byť pouze prvotního okouzlení. V případě Bledého ohně může profesor imponovat svým hmotným zabezpečením a mladíkovu pozornost si „kupovat“.

Další z emigrantů, **Eduard Limonov**, v románu To jsem já, Edáček zobrazuje hrdinu, jenž partnerské vztahy vnímá prizmatem rozdělení na „mužskou“ a „ženskou“ roli – a to i mezi homosexuály, takže když se Edáček ve své honbě za změnou rozhodne stát se homosexuálem, očekává od toho, že bude plnit právě úlohu ženy: *Potřebuji přítele, o sobě nepochybuju, vždycky jsem se chlapům líbil … starostlivého přítele, který by mi pomohl vrátit se do života, člověka, který by mě miloval. Jsem unavený, už dávno si o mě nikdo nedělal starost, potřebuju něčí pozornost, musím mít někoho, kdo by se mnou obíral a měl mě rád.*[11]

Limonov tak v jistém smyslu navazuje na Kuzmina a vazbu mezi partnery na stejné úrovni odmítá. Edáček dělí účastníky vztahu na aktivní a pasivní, což platí na prvním místě pro oblast citů – „muž“ je ten, kdo dává, „žena“ příjemce, kolem něhož se vše točí.

[10] NABOKOV, Vladimir. 2011. *Bledý oheň*. 1. vyd. Praha, Litomyšl: Paseka, 2011, s. 118. ISBN 978-80-7432-071-2.
[11] LIMONOV, Eduard. 1994. *To jsem já, Edáček*. 1. vyd. Praha: Odeon, 1994, s. 58-59. ISBN 80-207-0458-2.

Domácí ruskou literaturu 70. let s homosexuálními motivy představují texty **Jevgenije Charitonova**. Pasáže, v nichž hrdina touží po vztahu dle schématu učitel-žák, se v jeho díle objevují často: *Мне нужен младший брат, которому нужен старший брат.*[12]

Hrdina se tváří, že touží být někomu ochráncem, starat se o někoho, což jsou pro něj hlavní atributy vztahu učitel-žák – pedagogický vliv je na vedlejší koleji. Tímto by se Charitonov blížil pojetí Limonova, ovšem mladší partner je žádoucí proto, že pro hrdinu je snadnější ho svést. Důležité ale je, co hrdina vzápětí prozradí, že od vztahu skutečně očekává: *Послышалось как открывают дверь и вошёл я. Я подошёл ко мне, мы обнялись сухими осторожными телами, боясь быть слишком горячими и налезть друг на друга, такие близкие люди, знающие друг про друга всё, настоящие любовники.*[13] Ideální představou je pro hrdinu vztah se sebou samým, maximální souznění a vzájemné pochopení.

Vzhledem k tomu, že takového partnera lze těžko najít, poohlíží se hrdina po sobě podobném kandidátovi mezi mladšími muži. V tu chvíli nemá Charitonov daleko k situaci, již vykresluje v závěru výše zmíněného románu Юность Rurik Ivněv – ačkoliv je pravděpodobné, že ho Charitonov nečetl. Problémy, které pak před hrdinou Jevgenije Charitonova vyvstávají, se ještě násobí, jelikož hledání blížence se komplikuje tím, že hrdina na případné partnery svým vzezřením o pár let staršího muže působí spíše jako „učitel“. V porovnání s Borjou Rurika Ivněva i Kinbotem Vladimira Nabokova však nedokáže své fyzické předpoklady využít ve svůj prospěch a místo toho se neúspěšně snaží působit mladistvým dojmem. I v tom ale Charitonovův hrdina naráží na nezdar, neboť je psychicky vyspělejší a jemnější povahy než dostupní mladíci, tudíž si s nimi nerozumí: *…я хоть среди них и поживший, заматеревший, а с душой нежного мальчика, боязливой, трепещущей, но невидной под покровом суровых глаз в глазицах, а они – они с виду юные и хрупкие и лёгкие, а внутри зерно мужланов. …они мне невыносимы, коробят их тупость и душевная неразвитость, их рассказы о выпивке и автомобилях.*[14]

Jevgenij Charitonov přichází do literatury s hrdinou, jenž v sobě nese prvky obou koncepcí. Blíženeckému pojetí odpovídá vše vnitřní – to jsou přání hrdiny, jeho představy o vztahu, jeho psychika. Naopak vnější projevy odpovídají učitelsko-žákovskému schématu – v první řadě vzhledem, ale i chováním se Charitonovovy postavy neumí přizpůsobit svým vlastním představám. Tento rozpor a neschopnost adaptovat se na podmínky mu tak nedopřává ani částečný úspěch, kterého dosahují hrdinové Ivněva a Nabokova.

---

[12] ХАРИТОНОВ, Евгений. 2005. *Слёзы на цветах*. In: ХАРИТОНОВ, Евгений. *Под домашним арестом: собрание произведений*. 2-е изд. Москва: Глагол, 2005, с. 300. ISBN 5-87532-005-2.
[13] Tamtéž, s. 300.
[14] Tamtéž, s. 305.

Vzkříšení ideálů učitelsko-žákovské koncepce Michaila Kuzmina nejvěrněji odráží tvorba **Gennadije Trifonova**. Prozaik a básník ale do svých děl absorbuje i odkaz dalších významných ruských i světových autorů (J. Charitonov, O. Wilde, T. Mann, J. D. Salinger).

V návaznosti na Kuzminův náhled na homosexualitu usvědčuje Trifonova sám text – kupříkladu v důrazu kladeném na odkaz antiky projevující se u obou právě v pojetí homosexuality jako vztahu, jehož součástí je pedagogický vliv staršího, vzdělaného muže na nepříliš zkušeného, alespoň částečně bezprizorního mladíka: *…Ирсанов, как умел, пересказывал Илье основные сочинения Платона – все его беседы с Сократом, делая акцент на интересующая Ирсанова тему. Благодаря этим книгам Ирсанов давно усвоил самое важное в идеале эллинской дружбы-любви, где так называемый «педагогический эрос» определял нравственный смысл мужских союзов…*[15]

Postava Ilji plní v románu stejnou funkci, jakou Vladimir Nabokov přiřkl v Lolitě i v Bledém ohni dávno ztraceným mladickým citům. Pro hlavního hrdinu je vzpomínka na letní lásku i po letech stále živá. Trifonov, na rozdíl od Nabokova, Ilju zemřít nenechává, naopak dává čtenáři nahlédnout i do jeho dalších osudů emigranta. Když Irsanov po letech vycestuje do New Yorku, zastihne ho tam telefonát od Ilji, který žije kdesi ve Spojených státech a zařídí setkání: *– Мы с Джейком – это мой студент – тебя встретим, нет проблем.*[16] Ilja sdílí se svým studentem i domácnost a vztah studenta k Iljovi je Trifonovem charakterizován: *уважительной любовью к своему учителю и другу…*[17]

Nabokov motiv ztracené lásky z mládí využívá k tomu, aby ukázal, že i pozdější učitelsko-žákovské schéma je variací toho blíženeckého – Trifonov uplatňuje podobný příběh a na něm dokládá přesně opačný průběh. Ač se letní láska tvářila jako blíženecká, důležitý na ní je edukační prvek, jenž v mnohém určuje další vztahy jejích aktérů. Ti si mladší muže vybírají proto, aby se mohli zdokonalovat v roli učitelů, v mládí přítomné spíše intuitivně.

Autorem románu, nepopírajícího vliv Vladimira Nabokova, je **Dmitrij Bušujev**. Jeho próza На кого похож Арлекин čerpá z Lolity nejen v syžetové rovině – tu tvoří příběh učitele Najtova, jenž vzplane láskou k jednomu ze svých čtrnáctiletých žáků. Najtov získává pozornost chlapce hlavně díky tomu, že už je dospělý. V okamžicích, kdy je Najtov s chlapcem, přestává být učitelem a mění se v toužícího, starostlivého muže, avšak v žádném případě se nesnažícího rozvíjet u žáka jiné než milenecké schopnosti. Najtov tak nenaplňuje pro Kuzmina a jeho následovníky závazný starořecký ideál mužského „přátelství“. Koncepce

[15] ТРИФОНОВ, Геннадий. 2004. *Два балета Джорджа Баланчина. Из жизни доктора Ю. А. Ирсанова. Роман.* Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 2004, с. 134. ISBN 5-87135-152-2.
[16] Tamtéž, 142.
[17] Tamtéž, 145.

učitel-žák u Bušujeva v porovnání s Trifonovem degraduje, či možná pouze stojí nohama pevněji na zemi. Přesto nelze Bušujevovu učiteli vytknout, že by svého žáka nemiloval.

Jakýkoliv cit se zcela vytrácí v próze **Sergeje Šargunova** УРА! – učitel je zde pouze zneužité slovo, které dopomáhá ke zneužití nezletilých: – *Тебе тринадцать? – спросил он, ерзая. Я подтвердил, забавно считаться моложе. – А я учитель. Вот подцепил, – он показал зубами на мальчика. – Беспризорник, на вокзале жил. Правда, Павлуш? … Отоспится у меня, ванну примет, в карты порежемся. Слушай, а давай и ты с нами? … В карты поиграем. Ну же, ну! – увещевал мужчина. – Все! Ты уже согласился, – он дернулся к беспризорнику: – Уговаривай его! … А? – угроза метнулась в голосе.*[18]

Ruská literatura však zná i situace, kdy učitelsko-žákovský vztah je narušen z druhé strany a nefunguje vinou toho mladšího z páru. Riziko toho je samozřejmě naznačeno už dříve, nejjasněji v Bledém ohni Vladimira Nabokova, v němž se Charles Kinbote pokouší mladíky uplácet různými dary. Kriticky se ke vztahu založenému na schématu učitel-žák staví **Olga Pogodina-Kuzmina**, která v povídce Посреди Венеции vykreslí mladíka, jenž neváhá využívat toho, že jeho milenec je zaslepený láskou a ochotný dopřát mu cokoliv. Mladší muž svého „učitele“ opouští ve chvíli, kdy ten už není schopen uspokojit jeho enormně vzrůstající nároky na zaopatření mladíkovy kariéry. Padá tím poslední ideál ve vztahu mezi učitelem a žákem – žák nejen, že ani na samém počátku není mravně nezkažený nebo neschopný se o sebe postarat, ale dokonce už do vztahu vstupuje se záměrem partnera pouze využít.

Také blíženecká koncepce doznává v posledních letech změny. Jako příklad může posloužit povídka Солдатики od **Margarity Šarapovové**. Autorka uvádí na scénu osamoceného gaye Romku, jemuž postaví do cesty heterosexuálního Váňu navracejícího se z vojny. Váňa Romku zaujme hned na první pohled: – *Наверное, ему некуда идти, он такой несчастный… … Он не москвич, точно не москвич, и, наверное, только сегодня дембельнулся, он такой одинокий…*[19] Romka nehledí na překážky – jediné, co má na mysli, je to, že z vojáka vytušil stejné pocity, které prožívá i on sám, a že mu musí pomoci.

Hrdina naplno důvěřuje své intuici, která mu napovídá, aby ve své péči o Váňu nepolevoval, soustředil se na to, co mají společné, a nebral na vědomí některé zdánlivě důležité odlišnosti mezi ním a jeho objevem: *В свете бра прихожей фигуры напившихся новоявленных корешей выглядели трагикомично: маленький Ромка подгибался на неустойчивых ногах под обрякшим мощным молодым телом рослого Ивана.*[20]

---

[18] ШАРГУНОВ, Сергей. 2012. *УРА!*. Москва: Альпина нон-фикшн, 2012, с. 49. ISBN 978-5-91671-168-4.
[19] ШАРАПОВА, Маргарита. 2007. *Солдатики*. In: *Русская гей-проза 2007*. Москва: Квир, 2007, с. 109.
[20] Tamtéž, s. 114.

Autorka vytváří dvojici, která si není téměř v ničem blízká, počínaje rozdílnou sexuální orientací a zevnějškem konče – i přesto se závěr povídky nese v optimistickém duchu příběhů z červené knihovny – muži v sobě naleznou množství společných emocí.

Blíženecké schéma se na prahu 21. století čím dál výrazněji posouvá od hledání fyzické obdoby sebe sama a akcentuje téměř výhradně potřebu vzájemného porozumění si. Na důležitosti nabývají záliby, pocity, názory. Z literárních vlivů v tom lze vytušit Charitonovův, oproti němuž však současní autoři často poskytují svému hrdinovi alespoň naději, že vytouženého blížence nakonec objeví. V tom případě však autoři projevují tendenci vytvářet poměrně banální zápletky a doplňovat je nepříliš objevnými myšlenkami. Snaha se tomu vyhnout vede povětšinou k detailnějšímu prokreslování situací a napodobování formy děl Jevgenije Charitonova bez toho, aby se v jejich tvorbě projevila jakákoliv přidaná hodnota.

Koncepce blíženců získává množstevní převahu, co se týče jejího využití v literatuře zacílené na homosexuálního spotřebitele. Naopak v literatuře předpokládající širší okruh čtenářů se setkáme spíše se vztahy učitele a žáka, který se ale také dosti vzdaluje představám Michaila Kuzmina. Role učitele nemívá pedagogický vliv – a pokud, nepůsobí právě pozitivně na vývoj svého žáka. Ten už ke svému učiteli nepřichází bezbranný a s čistými úmysly – výjimky pak tvoří situace, kdy je natolik mladý, že se učitel dostává do značného rozporu nejen se zákony, ale i s obklopující ho společností.

Jak se zdá, obě klasické literární představy o vztahu mezi homosexuály se v posledních letech ocitají v krizi, z níž se snaží autoři najít východ. Novou koncepci, nový přístup k těm stávajícím však neobjevují. Příčinou může být vyčerpání se obou směrů, ačkoliv pravděpodobněji bude na vině spíše nárůst počtu autorů a děl věnujících se tématu, a zároveň pokles nároků na ně kladených, či to, že díla zatím neprošla sítem času, které by poukázalo na jiné pohledy na sledovanou problematiku. I přes nejrůznější výtky, které může kritický čtenář vznést, ale není možné autorům upřít, že by jejich díla neodrážela dobu, v níž vznikají.

Použitá literatura:

БУШУЕВ, Дмитрий. *На кого похож Арлекин*. In: [online]. [cit. 2013-04-15]. Dostupné z: http://bookz.ru/authors/dmitrii-bu6uev/bushuev_dmitr01/1-bushuev_dmitr01.html.

ГИППИУС, Зинаида. *Двое – один*. In: [online]. [cit. 2013-05-16]. Dostupné z: http://dashkov.com.ua/russian_classic/gippius_zn/dvoe_-_odin.mp3.4122.

ИВНЕВ, Рюрик. 2011. *Герой романа*. Санкт-Петербург: Полиграф, 2011, 763 с. ISBN 978-5-91868-002-5.

КЛЕЙН, Лев. 2002. *Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей. Российское созвездие*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2002, 656 с. ISBN 5-7627-0166-2.

КУЗМИН, Михаил. 1999. *Проза и эссеистика: в трех томах. 1. Проза 1906 – 1912 гг*. Москва: Аграф, 1999, 620 с. ISBN 5-7784-0084-5.

ПОГОДИНА-КУЗМИНА, Ольга. 2009. *Посреди Венеции*. In: *Русская гей-проза 2009*. Москва: Квир, 2009, с. 144-163.

ТРИФОНОВ, Геннадий. 2004. *Два балета Джоржа Баланчина. Из жизни доктора Ю. А. Ирсанова. Роман*. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 2004, 208 с. ISBN 5-87135-152-2.

ХАРИТОНОВ, Евгений. 2005. *Под домашним арестом: собрание произведений*. 2-е изд. Москва: Глагол, 2005, 560 с. ISBN 5-87532-005-2.

ШАРАПОВА, Маргарита. 2007. *Солдатики.* In: *Русская гей-проза 2007*. Москва: Квир, 2007, 150 с. 102-123.

ШАРГУНОВ, Сергей. 2012. *УРА!*. Москва: Альпина нон-фикшн, 2012, 201 с. ISBN 978-5-91671-168-4.

LIMONOV, Eduard. 1994. *To jsem já, Edáček*. 1. vyd. Praha: Odeon, 1994, 339 s. ISBN 80-207-0458-2.

NABOKOV, Vladimir. 2011. *Bledý oheň*. 1. vyd. Praha, Litomyšl: Paseka, 2011, 327 s. 118. ISBN 978-80-7432-071-2.

NABOKOV, Vladimir. 2008. *Mášeňka*. 1. vyd. Praha, Litomyšl: Paseka, 2008, 114 s. ISBN 978-80-7185-939-0.

NABOKOV, Vladimir. 1996. *Oko*. Olomouc: Votobia, 1996, 102 s. ISBN 80-7198-119-2.

К ВОПРОСУ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ ИЗ СССР. ЛИЧНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ.

Mgr. Ivan Posokhin

Katedra ruského jazyka a literatúry, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave

ivan.posokhin@gmail.com

ABSTRAKT:
V predkladanej štúdii sme sa sústredili na problematiku (e)migrácie ako spoločensko-kultúrneho fenoménu z hľadiska súčasných výskumov, ktoré sa rozvíjajú v širšej postmodernistickej rovine. Následne sme sa tieto teórie pokúsili aplikovať na otázky zoraďovania osobností ruských emigrantských spisovateľov (A. Solženicyna, V. Vojnoviča, V. Aksionova, S. Dovlatova) do paradigmy rôznych typov (e)migrantov (vyhnanec, emigrant, expatriot a pod.).

На сегодняшний день о литературной стороне третьей волны эмиграции из СССР, пришедшейся на 70-80 гг. XX в., написано довольно много научных и публицистических работ. Подробно описано творчество ее представителей, многим из которых посвящены целые монографии биографического характера (И. Бродский, А. Солженицын, В. Аксенов, С. Довлатов и др.), детально задокументированы и проанализированы полемики, которые велись на страницах эмигрантской прессы. Большинство знаковых имен литературы третьей волны эмиграции уже давно стало частью общей «истории русской литературы XX века». Однако, как нам кажется, на данный момент дополнения требует характеристика социокультурного облика писателя-эмигранта третьей волны, выполненная с учетом достижений современных исследований по эмигрантской проблематике, предлагающих множество теоретических и практических аспектов, применимых к анализу вышеназванной проблематики.

В развивающихся в русле постмодернизма и постколониализма теориях второй половины XX-начала XXI вв. изгнание/эмиграция/перемещение (а в последние годы – все чаще просто «миграция»[1]), как феномены социальные, политические и, не в последнюю очередь, культурные, привлекают особое внимание, воспринимаются как

[1] См. например: JIN, H. *The Writer as Migrant*. Chicago-London - The University of Chicago Press, 2008; FRANK, S. *Migration and Literature. Günter Grass, Milan Kundera Salman Rushdie, and Jan Kjærstad.* New York – Palgrave Macmillan, 2008 и др.

некий «знак эпохи», одна из наиболее характерных ее черт. Обусловлено это и тем, что сама природа эмиграции претерпела в прошлом веке значительные изменения. С особой нотой трагизма об эмиграции-изгнании в середине 80-х высказывался известный американский интеллектуал палестинского происхождения Эдвард Саид. В своем знаменитом эссе *«Мысли об изгнании»* (Reflections on Exile, 1984) он говорит о современном ему мире следующее: «Наш век – время империализма и высокотехнологичных вооружений, время метящих в боги тоталитарных вождей – воистину век беженцев, перемещенных лиц, массовой иммиграции».[2] Спустя несколько десятилетий, после падения многих тоталитарных режимов, принуждавших людей к эмиграции, явление массового перемещения людей, однако, не стало менее распространенным и не перестало привлекать внимание исследователей из самых разных стран. Известный культуролог Карен Каплан (Caren Kaplan) во введении к своей книге *«Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement»* отмечает, что «…преобладание метафор путешествия и перемещения в корпусе критических текстов <созданных в США и Европе> свидетельствует о том, что современную эпоху очаровывает опыт отдаленности и отчужденности… ».[3] Эта «очарованность», обусловленная массовым характером миграции, весьма закономерна, поскольку налицо необходимость охватить все разнообразие современных форм межпространственного и межкультурного перемещения человека. Как отмечает в своей статье *«Мифология эмиграции: геополитика и поэтика»* культуролог Любовь Бугаева, «эмиграция терминологически противостоит распространенному в последнее время термину ‘диаспора’, означающему ‘рассеивание, рассредоточение’».[4] Если эмиграция (в ее традиционном понимании) предполагает существование и признанность таких понятий как «границы», «государство», «нация», «национальность», то понятие «диаспоры» эти понятия объявляет условными, ставит их под сомнение. Причем это сомнение весьма оправдано: «Мир ускоряется и сокращается в одно и то же время, материальные и нематериальные границы размываются и становятся проницаемыми, старые национальные государства разрушаются, в то время как новые появляются, глобальное пропитывает локальное, а локальное растворяется в глобальном, формирование

[2] САИД, Э. Мысли об изгнании. [online] In: *Иностранная литература*, № 1, 2003. Перевод: С. Силакова. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/saide.html, [03.09.2013].

[3] KAPLAN, C. 1996. *Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement*. Duke University Press Books, 1996. С. 1.

[4] БУГАЕВА, Л. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика. [online] In: *Ent-Grenzen. Intellectuelle Emigration in der russichen Kultur des 20 Jahrhunderts / За пределаим. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века.* Изд. L. Bugaeva, E. Hausbacher. Frankfurt am Main – Peter Lang, 2006. с. 51-71. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html, [03.09.2013].

человеческой идентичности проходит в новых координатах».[5] Этими «новыми координатами», не в последнюю очередь, становится относительно свободное перемещение людей, создающее почву для появления наднационального сознания.

Об эмиграции из Советского Союза, начавшейся в первые послереволюционные годы, естественно, невозможно говорить как о «свободном перемещении лиц», хотя, по иронии судьбы, в западной классификации советские эмигранты как раз и являлись «перемещенными лицами». Говоря о «классификациях» эмигрантов, нельзя не упомянуть широчайшую палитру терминологии в этой области. В качестве иллюстрации можно привести, например, список всевозможных, зачастую непереводимых номинаций, связанных с проблемами изгнанничества, перемещения и эмиграции, находящийся в книге *«Exile Cultures, Misplaced Identities»*: «…diaspora, nomadism, cosmopolitanism, transnationalism, statelessness, homelessness, deterritorialization, transmigrancy, borderlessness, transmodernity, errance, and translated/ional culture…».[6] Как видно, среди них в наибольшей степени представлены понятия с семантикой «лишения» (государственной принадлежности, гражданства, территории) или «преодоления» (границ, культур, национальностей).

Среди самих «перемещенных лиц» исследователи выделяют различные типы, количество и характеристики которых варьируются. Так, Эдвард Саид предлагает проводить границу между **«изгнанниками, беженцами, экспатриантами и эмигрантами»**, каждый из которых по той или иной причине не может вернуться домой.[7] В основе каждого типа в той или иной мере лежит представление о степени добровольности отъезда. По классификации Саида, «изгнанники – порождение старой как мир практики высылки за границу. <...> Беженцы, напротив, порождение государства XX века. Слово ‘беженец’ стало политическим термином и ассоциируется с бесчисленными полчищами безвинных растерянных людей, нуждающихся в срочной помощи международного сообщества. <...> Экспатрианты поселяются в чужих странах добровольно, обычно по личным или социальным причинам. <...> их положение все же значительно легче, чем опала. Статус эмигранта как-то двусмыслен. В формальном плане эмигрантом является любой, кто переезжает на постоянное место жительства в другую страну; это определение, несомненно, предполагает относительную свободу

[5] FRANK, S. 2008. *Migration and Literature. Günter Grass, Milan Kundera Salman Rushdie, and Jan Kjærstad.* New York – Palgrave Macmillan, 2008. C. 15.
[6] ALLATSON, P. – McCORMACK, J, eds. 2008. *Exile Cultures, Misplaced Identities.* Amsterdam, New York – Rodopi B.V., 2008. C. 11.
[7] САИД, Э. Мысли об изгнании. [online] In: *Иностранная литература*, № 1, 2003. Перевод: С. Силакова. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/saide.html, [03.09.2013].

выбора».[8] В более современных исследованиях число «добровольных типов» увеличивается. В названной выше статье Л. Бугаевой выделяется четыре «формы отчужденности»: эмигрант («человек, вынужденно покинувший свой дом»), экспатриант («человек, добровольно покинувший родной дом»), номад («человек, свободный от влияния национальности, государства, партии, общества, временного сообщества») и турист («перемещается в отличное от привычного культурное пространство или в поиске новых впечатлений, но при этом не испытывая разрыва с родной культурной традицией»).[9] Можно заметить, что в данной классификации под понятием «эмигрант» объединились и те, кого Саид называл изгнанниками, беженцами и, собственно, эмигрантами.

Во вступительной статье книги *«The Exile and Return of Writers from East-Central Europe»* Дж. Нойбауэр (John Neubauer), литературовед-компаративист, приводит свою классификацию типов мигрантов, основой для которой, помимо добровольности/недобровольности отъезда, становится и степень угрозы для жизни конкретного человека. Так, по его мнению, «в Центрально-Восточной Европе XX века под изгнанием обычно подразумевался добровольный или, в некоторых случаях, принудительный отъезд из родной страны или привычного места жительства в связи с угрозой свободе человека или его достойной жизни (неминуемый арест, приговор, принудительный труд или даже уничтожение)».[10] Перекликаясь с работой Саида, работа Нойбауэра также предлагает рассматривать собственно изгнанников (exile), выдворенных из страны вопреки их желанию, для которых актуальность угрозы проявляется в наибольшей степени, эмигрантов (émigré), уехавших из страны по собственному желанию с целью избежать разного рода притеснений, и экспатриантов (expatriates), уехавших по собственному желанию, жизни и существованию которых в родной стране, по сути, ничего не угрожало. Он также отмечает, что среди современных изгнанников практически нет изгнанников в строгом смысле этого слова, их «обычно физически не депортировали из их стран и не выгоняли по закону, они спасались от политических преследований, тюрьмы, смерти или попросту цензуры».[11] Следовательно, между изгнанниками и эмигрантами в современном понимании можно провести лишь условную черту, особенно принимая во внимание тот факт, что чаще

[8] Там же.
[9] БУГАЕВА, Л. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика. Цит. соч.
[10] NEUBAUER, J. 2009. Exile: Home of the Twentieth Century. In: *The Exile and Return of Writers from East-Central Europe. A Compendium.* Edited by John Neubauer and Borbála Zsuzsanna Török. Walter de Gruyter – Berlin, New York, 2009. C. 8.
[11] Там же, с. 8.

всего объективно оценить степень угрозы для их жизни и условия их существования в родной стране практически невозможно, поскольку чаще всего информация получается из уст самих изгнанников/эмигрантов.

Статус «перемещенного лица», таким образом, зависит от нескольких условий: 1) его статуса в родной стране до эмиграции, 2) его действий или образа жизни внутри страны, прямо или косвенно приведших к отъезду, 3) условий, которые сформировались вокруг будущего эмигранта в родной стране, 4) способа отъезда (легально/нелегально, насильственно/добровольно и т.п.), 5) его действий непосредственно до и после эмиграции (возможные протестные заявления, обвинения), которые обозначат его желание/нежелание вернуться, 6) образ жизни и деятельность в эмиграции. Сразу стоит отметить, что в большей степени эти аспекты связаны с теми эмигрантами, чей отъезд так или иначе вызвал резонанс, т.е. с людьми творческих профессий, учеными, политиками и т.п. Бесспорно, все эти люди представляют лишь малую часть бесконечного потока мигрантов, однако, как отметил Дж. Нойбауэр, цитируя хорватскую писательницу-эмигрантку Дубравку Угрешич, «‘писатели – это те редкие мигранты, которые оставляют следы’, хотя, со статистической точки зрения, они самые незначительные и ненадежные свидетели».[12] Но именно их собственные высказывания об эмиграции являются зачастую ее единственным документальным свидетельством.

Если в контексте вышеназванного попытаться определить специфику опыта русских эмигрантов третьей волны, то становится очевидным тот факт, что для них характерно было скорее проявление эмигрантской, экспатриантской (в классификации Саида и Бугаевой) составляющей процесса отъезда, нежели проявление типичного изгнанничества (по Саиду). Хотя и среди уехавших из СССР в 70-80-е гг. XX века можно найти изгнанников, например, **Александра Солженицына**. В пользу определения его как изгнанника говорит его доэмигрантский опыт и сам процесс насильственного выдворения из СССР. Именно Солженицын, абстрагировавшись от всей эмигрантской среды, стал воплощением и символом каждодневных переживаний о судьбе покинутой страны. Однако ситуация других русских писателей, эмигрировавших в 70-80-е гг., в вопросах отъезда и жизни в эмиграции не настолько очевидна. Их опыт во многом уникален, поскольку многие из них уезжали, как казалось, навсегда и безвозвратно, получив, тем не менее, возможность вернуться уже

[12] NEUBAUER, J. 2009. Exile: Home of the Twentieth Century. Цит. соч. С.11.

через 10-15 лет. Поэтому в строгом смысле их изгнаннический/ эмигрантский/ экспатриантский период, предполагавший невозможность вернуться домой, и ограничивается этими 10-15 годами. Причем опыт эмиграции для каждого из писателей, безусловно, индивидуален, хотя и общих моментов тоже достаточно.

Например, эмигрантские судьбы **Владимира Войновича** и **Василия Аксёнова** схожи в том, что оба они успели зарекомендовать себя на советской литературной сцене задолго до эмиграции, оба были уважаемыми писателями, членами Союза Советских Писателей. Но в биографии каждого из них есть некий момент нонконформизма, выпадения из советского контекста, ставший в результате причиной их отъезда. «Вина» В. Войновича, автора текстов популярных песен и ряда успешных литературных публикаций, заключалась в публикации произведений за рубежом и в активной правозащитной деятельности: «Я много раз говорил, что вообще себя диссидентом не считаю, хотя так по всем формальным пунктам я им и был. Я выступал в защиту конкретных людей, и кроме того я печатался за границей, я вел себя дерзко, кроме всего, я избрал такую позицию: когда они мне угрожали, я им всегда дерзил и получал даже от этого некоторое удовольствие. Но вообще-то говоря, я считаю, что виноваты в этом сами власти. Я считаю, что гражданин обязан быть лояльным, но и государство обязано быть лояльным по отношению к нему».[13] Войнович эмигрировал в 1980 г. после ряда провокаций и давления со стороны госорганов, написав перед этим протестное письмо, адресованное правительству. Его эмигрантский период оказался сравнительно недолгим, уже в 1989 году он смог побывать в СССР. Его литературное и окололитературное творчество периода эмиграции практически не актуализирует непосредственный эмигрантский опыт. Войнович-эмигрант, по сути, не впустил новую культурную среду в себя («Я – русский писатель. Я пишу на русском языке, на русскую тему и в русском духе. У меня русское мировоззрение».[14]). Чего не скажешь о В. Аксёнове, который, успев побывать «звездой» советской молодежной литературы, оказался в опале и во время поездки по приглашению в США в 1980 г. был заочно лишен советского гражданства и вернуться уже не смог. Переломным моментом его биографии, приведшим в итоге к эмиграции, стало издание за рубежом теперь уже легендарного литературного альманаха «Метрополь» (1978). Оценивая свой эмигрантский опыт, Аксёнов в большей степени открывается новой среде, в его

[13] GLAD, J., ed. *Conversations in exile. Russian writers abroad.* Durham and London – Duke University Press, 1993. C. 93.
[14] Там же, с. 97.

литературных произведениях и интервью эмигрантского периода гораздо больше семантики погружения в принимающую культуру, «преодоления границ», нежели трагизма оторванности от родной культуры: «Я думаю, что со временем, может быть, я как-то начну больше жить внутри американского общества»[15] (1982-1083); «Уже десять лет живу в Америке и привык к ней. В течение долгого времени <Россия> была для меня чем-то вроде литературного материала. Живая связь становилась все слабее и слабее. Все эти годы я чувствовал быстрый процесс отдаления от текущей русской жизни, но, как ни странно, было приближение культуры, которая становилась все ближе и дороже мне. Но сейчас, когда открылись границы, когда нахлынул поток друзей и недругов и просто обычной публики, я иногда думаю о возможности делить свое время между Америкой и Россией, может быть, даже на равные части»[16] (1990). Можно предположить, что, несмотря на схожие доэмигрантские «исходные», самоидентификация Войновича и Аксенова в ситуации эмиграции оказалась в разной степени открытой новой культуре.

Своеобразной с социокультурной точки зрения является эмиграция **Сергея Довлатова**. Его ситуация во многом подпадает под определение типичного эмигранта: его произведения на родине не печатались, первый сборник рассказов был запрещен КГБ, его арестовывали и всячески давали понять, что в СССР ему не место. То есть очевидно наличие того, что Дж. Нойбауэр называет «неминуемой угрозой». В то же время сам процесс оформления отъезда из страны для Довлатова проходил, по сути, в рамках закона, по его собственному желанию. Письма писателя, отправленные в Нью-Йорк жене в 1978 году из Вены, сразу после отъезда, демонстрируют смесь облегчения (спасения?) и фрустрации, вызванной неопределенностью своего положения: «Перспективы туманные, что естественно и даже симпатично. <…> После запрограммированной наперед советской жизни – это вдохновляет. <…> Все-таки мы уезжали по-разному. Вы (жена и дочь) от кошмарной жизни к лучшей. Мы (Довлатов с матерью) – *спасая жизнь*»[17], «все равно ехать было необходимо. Альтернативу даже рассматривать ужасно»,[18] «Главное – вырвались их этого сумасшедшего дома»[19]. С другой стороны, по прошествии более чем 10 лет, С. Довлатов вспоминает момент эмиграции с меньшим трагизмом, говоря о себе как о человеке, добровольно

[15] GLAD, J., ed. *Conversations in exile. Russian writers abroad.* Цит. соч. С. 79.
[16] Там же, с. 82.
[17] ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Жизнь и мнения. Избранная переписка.* Санкт-Петербург – Журнал «Звезда», 2011. С. 182.
[18] Там же, с. 183.
[19] Там же, с.. 186.

покинувшем родную страну: «Я принадлежу именно к третьей волне. <…> я не воевал с оружием в руках против советской власти, я добровольно уехал, я явился в ОВИР, и, так как у меня не было никаких израильских документов, вызовов и прочего, я уехал, изъявив такое желание. У меня не было практически никакой надежды вернуться <….>, я уезжал на Запад, зная, что не вернусь. Я уехал, повторяю, добровольно, я не беженец в точном смысле, я не спасался, я довольно комфортабельно улетел в самолете, получив от советской власти какие-то деньги».[20] Из вышесказанного следует, что, если обращаться к озвученным выше классификациям, определить место Довлатова довольно сложно: с одной стороны, его опыт вполне соответствует тому, что у Л. Бугаевой называется «эмигрантом», с другой – можно говорить и о «экспатрианте». Видимо, приходится говорить о некой комбинации, «добровольно-принудительном» отъезде.

Довлатов, ясно ощущая свою оторванность от родной среды, оказался, тем не менее, открытым американской культуре, возможно, даже в большей степени, чем многие его коллеги. Благодаря тому, что его произведения выходили в переводах, он даже смог стать частью американского литературного рынка, «одним из нескольких американских беллетристов российского происхождения»[21]. Однако мысль о возвращении все же имела для писателя определенное значение. Хотя, как признают его современники, незадолго до смерти, получая известия о своих успехах на родине, Довлатов радости не проявлял[22], но планы по возвращению все же строил: «Я бы и сам приехал в Ленинград, но из-за дома, который мы приобрели в долг, я не смогу себе этого позволить в течение полутора лет. Во-вторых, я хотел бы приехать не просто в качестве еврея из Нью-Йорка, а в качестве писателя, я к этому статусу привык, и не хотелось бы от него отказываться даже на время».[23] В этих словах содержится очень важный для эмигрантов третьей волны момент, связанный с идеей возвращения на родину: для многих из них репатриация – это не просто возвращение, но и признание родиной своих ошибок, поэтому мало кто из значимых писателей-эмигрантов третьей волны вернулся в Россию при первой же возможности. Для многих условием возвращения являлось признание на родине, причем признание на официальном

[20] ГЛЭД, Д. 1991. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. [online]. Москва – Книжная палата, 1991. Режим доступа: http://www.imwerden.info/belousenko/books/Glad/glad_izgnanie.rar, [05.09.2013].
[21] ДОВЛАТОВ, С. 2011. Переводные картинки. In: *Собрание сочинений в 4-х томах.* Санкт-Петербург – Азбука-классика, 2011. С. 423.
[22] КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов.* Санкт-Петербург – Амфора, 2009. С. 415.
[23] ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Жизнь и мнения. Избранная переписка.* Цит. соч. С. 338.

уровне. Даже А. Солженицыну потребовалось несколько лет, прежде чем он решился посмотреть в лицо новой России. Для каждого писателя, будь он изгнанник, эмигрант или экспатриант, важнейшим моментом было создание плацдарма для возвращения: напечатанных и прочитанных на родине произведений.

Совершенно естественно, что применение каких-либо классификаций носит условный характер и в той или иной мере ограничивает объект исследования, однако нам кажется, что внедрение опыта культурологических изысканий более широкого профиля в узколитературную проблематику способно принести свои плоды. В данной работе мы непосредственно затронули лишь три фигуры писателей-эмигрантов третьей волны, попытавшись классифицировать их с позиций различных проявлений «отчужденности». Безусловно, среди представителей третьей волны найдутся примеры и некоего универсального номадизма (например, Иосиф Бродский) и экспатриантства в понимании Дж. Нойбауэра (например, Саша Соколов и в некоторой степени Эдуард Лимонов), но, так или иначе, эмигрантский опыт каждого из них гораздо шире данных концепций.

Источники:

GLAD, J., ed. *Conversations in exile. Russian writers abroad.* Durham and London – Duke University Press, 1993, 288 p. ISBN 0-8223-1298-0.

ГЛЭД, Д. 1991. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. [online]. Москва – Книжная палата, 1991. 320 с. ISBN 805-9-773-32054-6. Режим доступа: http://www.imwerden.info/belousenko/books/Glad/glad_izgnanie.rar, [05.09.2013].

ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Жизнь и мнения. Избранная переписка.* Санкт-Петербург – Журнал «Звезда», 2011. 384 с. ISBN 978-5-7439-0156-2.

ДОВЛАТОВ, С. 2011. *Собрание сочинений в 4-х томах. Т.4.* Санкт-Петербург – Азбука-классика, 2011. 480 с. ISBN 978-5-389-02259-1.

Использованная литература:

ALLATSON, P. – McCORMACK, J, eds. 2008. *Exile Cultures, Misplaced Identities.* Amsterdam, New York – Rodopi B.V., 2008. 321 p. ISBN: 978-90-420-2406-9.

FRANK, S. 2008. *Migration and Literature. Günter Grass, Milan Kundera Salman Rushdie, and Jan Kjærstad.* 2008. New York – Palgrave Macmillan. 248 p. ISBN-13: 978-0-230-60828-3.

KAPLAN, C. 1996. *Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement*. Duke University Press Books, 1996. 256 s. ISBN 978-0822318217.

NEUBAUER, J. 2009. Exile: Home of the Twentieth Century. In: *The Exile and Return of Writers from East-Central Europe. A Compendium.* Edited by John Neubauer and Borbála Zsuzsanna Török. Walter de Gruyter – Berlin, New York, 2009. 626 p. ISBN 978-3-11-021773-5.

БУГАЕВА, Л. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика. [online] In: *Ent-Grenzen. Intellectuelle Emigration in der russichen Kultur des 20 Jahrhunderts / За пределаим. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века.* Изд. L. Bugaeva, E. Hausbacher. Frankfurt am Main – Peter Lang, 2006. с. 51-71. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html, [03.09.2013].

ГЛЭД, Д. 1991. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. [online]. Москва – Книжная палата, 1991. 320 с. ISBN 805-9-773-32054-6. Режим доступа: http://www.imwerden.info/belousenko/books/Glad/glad_izgnanie.rar, [05.09.2013].

КОВАЛОВА, А., ЛУРЬЕ, Л. 2009. *Довлатов.* Санкт-Петербург – Амфора, 2009. 441 с. ISBN 978-5-367-00943-9.

САИД, Э. Мысли об изгнании. [online] In: *Иностранная литература*, № 1, 2003. Перевод: С. Силакова. Режим доступа:
http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/saide.html, [03.09.2013].

AKO SA MENÍ V. SOROKIN V ČASE ALEBO KAM SMERUJE JEHO TVORBA?

Mgr. Zuzana Lorková, PhD.

Katedra ruského jazyka a literatúry, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave

zlorkova@gmail.com

РЕЗЮМЕ:
В данной работе мы сосредоточили свое внимание на исследовании и анализе произведений современного русского писателя Владимира Сорокина (1955) в течение почти тридцати лет его творческой деятельности. Во время работы мы пришли в выводу, что его творчество и авторская поэтика со временем меняется и ориентируется на разные вопросы и ценности. На основе этих исследований мы выделили несколько творческих этапов и переломных моментов, которые оказали значительное влияние на дальнейшее творчество автора.

Relevantné fakty Sorokinovej biografie

Vladimír Georgievič Sorokin sa narodil 7. augusta 1955 na periférii Moskvy – v podmoskovskom meste Bykovo. Vyrastal v rodine inteligencie a od puberty sa pohyboval v prostredí neoficiálnych, alternatívnych výtvarných a literárnych kruhov. Už ako tínedžer napísal prvé literárne pokusy, ale k literatúre sa vrátil až neskôr.

V roku 1977 završil vysokoškolské štúdium na Moskovskej vysokej škole ťažby ropy a plynu, v odbore inžinier a mechanik. Nikdy však v tomto odbore profesionálne nepôsobil a na živobytie si zarábal výtvarnými aktivitami - knižným dizajnom a grafikou.

Ako spisovateľ sa sformoval v kruhu umelcov a spisovateľov moskovského undergroundu začiatkom 80. rokov minulého storočia. Debutoval s odporúčaním D. Prigova (1940-2007) šiestimi poviedkami v emigrantskom parížskom časopise A-Ja v roku 1985 a v tom istom roku vyšiel v parížskom vydavateľstve Sintaksis po rusky jeho najslávnejší román Rad (v origináli Očereď).

K jeho najvýznamnejšej tvorbe môžeme zaradiť nasledujúce diela: román Norma (Norma, napísaný v rokoch 1979-1983, publikovaný aţ v roku 1994), Tridsiata Marinina láska (Tridsataja ľubov Mariny, napísaný v rokoch 1982-1984, publikovaný v Rusku v 1995; česky Třicátá Marinina láska, prvé vydanie 1995, druhé vydanie 2010), Srdcia štyroch (Serdca četyrioch, napísaný v roku 1991, publikovaný v Rusku v roku 1994, slovenský preklad - 2009), Nebeskymodrá slanina (Goluboje salo, napísané aj vydané v roku 1999), Opričníkov

deň (Deň Opričnika, v Rusku vydané 2006, slovenský preklad - 2008) či Metelica (Meteľ, v Rusku vydané v roku 2010). Viaceré z týchto diel (okrem ostatných nemenovaných) boli publikované vo významných zahraničných vydavateľstvách ako francúzsky Gallimard, nemecké Fischer, DuMont a BV Berlin, talianskom Einaudi, holandskom Ambo, americkom NYRB a Farrar.

Čo sa v čase zmenilo a čo zostalo?

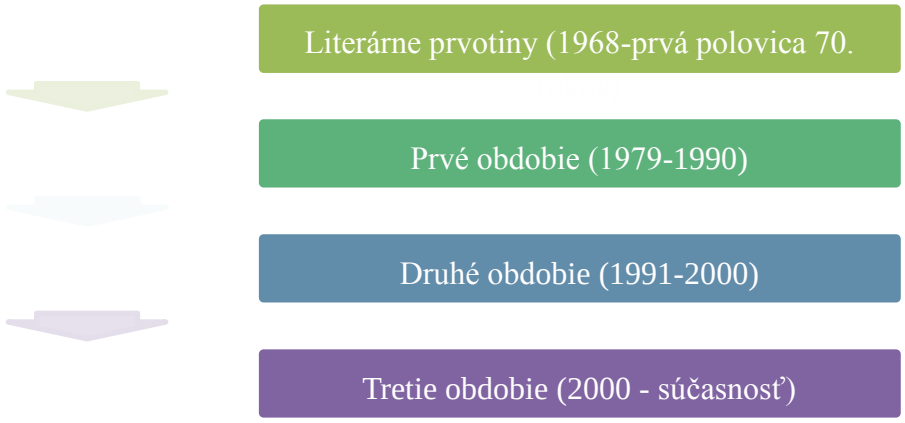
V. Sorokin počas takmer tridsiatich rokov fungovania na literárnej scéne na rôznych úrovniach textu experimentuje so zaužívanými a dobovo preferovanými normami, s obrazmi, šablónami a stereotypmi súvisiacimi s politickými režimami, štylistikou a tematizáciou estetického kánonu prózy socialistického realizmu, intertextualitou a estetikou ruskej klasiky, modernizmu aj postmodernizmu. V jeho dielach je možné nájsť tematickú, jazykovú či štylistickú pestrosť, „imitáciu" dedinskej, soc-realistickej, vojnovej, klasickej, postmodernej literatúry. V drvivej väčšine takých textov sa príbeh, zdanlivo postavený na tradičných literárnych normách a kánone v určitom bode mení na súbor chaotických a absurdných scén, s prímesou tematizovaného násilia, sexu a rôznych foriem deviácií hlavných postáv, ktoré komunikujú medzi sebou v nezrozumiteľnom jazyku. Ich prejavy niekedy tvoria iba reťazce vulgarizmov, nejasných výkrikov či schizofrenických výstupov, alebo iba prázdne ideologické klišé. Sorokin tak prostredníctvom dekonštrukcie jazyka, štylistického chaosu, narúšania zažitých noriem, etických aj estetických hodnôt, demoluje sovietsku mytológiu, stereotypy masového kultúrneho vedomia, spoločenské ideály a rituály. Domnievame sa, že tak chce okrem iného absolútne zničiť a „pochovať" všetko staré, „prehnité", aby tak mohlo vzniknúť niečo nové/iné, nezaťažené slepo uznávanými a pokrivenými spoločenskými, estetickými aj etickými hodnotami.

Pri predchádzajúcej analýze textov a práce s nimi sme dospeli k záveru, že tvorbu V. Sorokina môžeme orientačne rozdeliť do niekoľkých kľúčových etáp nielen podľa chronológie vzniku jednotlivých diel, ale aj podľa spoločných atribútov na úrovni témy, autorovho vnímania textu a charakteru experimentovania s jazykom, na základe čoho si vytvoríme lepší prehľad o vývine autorskej osobnosti V. Sorokina.

Orientačne budeme pracovať s nasledujúcimi obdobiami[1]:

1 Zároveň chceme zdôrazniť, že k podobnej charakteristike dospeli okrem nás literárni vedci ako M. Marusenkov alebo V. Bondarenko, ktorí však vyčleňujú tri základné obdobia Sorokinovej tvorby (70.-80. roky, 90. roky a obdobie po roku 2000)

Periodizácia spisovateľských období V. Sorokina



Literárne prvotiny (približne 1968 - prvá polovica 70. rokov)

Vladimír Sorokin, podľa jeho vlastných slov, od malička inklinoval k ruskej klasickej literatúre a už ako trinásťročný napísal krátku prózu – príbeh o tetrovovi. Významný úspech však „romantická“ poviedka so šťastným koncom nemala, ale Sorokina to neodradilo a už o rok neskôr napísal prvú erotickú poviedku s názvom *Jablká,* ktorá u jeho rovestníkov zožala úspech, ale sám autor na istý čas na písanie zanevrel a vrátil sa k nemu až počas štúdia na vysokej škole, resp. po zavŕšení štúdia. Poviedka však neupadla do zabudnutia a neskôr sa základná téma *Jabĺk* objavila aj v prvom publikovanom románe *Rad,* ale aj v románe *Norma*. Sorokinovým prvým publikovaným literárnym dielom sa stala báseň *Rozlúčka s letom*, ktorú uverejnili vo vysokoškolskom časopise Za kadry nefťanikov. Tento literárny debut však Sorokin nepovažuje za významnú udalosť (skôr smiešnu), písaniu sa začal vážne venovať v roku 1980, kedy vzniklo niekoľko poviedok a prvá časť románu *Norma*. Na základe týchto faktov a výpovedí môžeme skonštatovať, že Sorokin vo svojich prvých literárnych pokusoch inklinoval k téme erotiky, čiastočne fantasy. Toto obdobie zrejme hralo dôležitú úlohu vo formovaní jeho autorskej pozície, pretože neskôr sa jeho vizitkou stala tematizácia telesnosti spolu s fantastickou a grotesknou obraznosťou. V ďalších obdobiach rôznymi spôsobmi a v

rôznej miere tematizoval ľudskú telesnosť v spojení s groteskným až absurdnými obrazmi, ku ktorým sa pridal aj „špinavý“ jazyk.

Prvé obdobie (približne roky 1979 – 1990)

V „sovietskom“ duchu. „Koketovanie“ s konceptualizmom, soc-artom a pop-artom?

Približne v polovici 70. rokov minulého storočia sa V. Sorokin dostal do prostredia moskovských konceptualistov, medzi ktorými boli také osobnosti ako I. Kabakov (1933) a E. Bulatov (1933[2]), čo do značnej miery ovplyvnilo aj podobu jeho tvorby z 80. rokov. S odstupom času V. Sorokin neraz uviedol, že v tomto období mal na neho väčší vplyv pop-art, alebo jeho „sovietska“ podoba soc-art. Princípy vnímania umenia zo strany predstaviteľov pop-artu/soc-artu priviedli Sorokina k myšlienkam tematizácie sovietskych klišé a reálií sovietskej každodennosti. Práve obdobie 80. rokov sa považuje za jeho najtvorivejšie obdobie podľa počtu napísaných diel, napríklad: *Norma* (Norma, 1979-1984, publ. 1994), *Prvá sobotňajšia brigáda* (Pervyj subbotnik, 1979 – 1984, publ. 2001), *Tridsiata Marinina láska* (Tridcataja ľubov Mariny, 1982 – 1984, publ. 1995, česky 1996), *Rad* (Očereď, 1983, publ. 1985), *Román* (Roman, 1985 – 1989, publ. 1994).

Dané obdobie výstižne popísal M. Hrala: „... v první době upoutala pozornosť naprostá otevřenost v popisu všech stránek fyziologie člověka, přenesená do schémat poetiky. V jednom interview odbyl otázku, proč je v jeho textech tolik exkrementů, poznámkou, že asi proto, že jsou všem lidem společné. (...) Byl rovněž uznávan za jednoho z autorů, kteří ve svém díle prováděli důslednou uměleckou kritiku tzv. socialistického realismu. Sorokin tuto teoretickou konstrukci považoval za normální literární jev jako futurizmus nebo symbolizmus, který bude časem budit stejný zájem“.[3] Ranné obdobie Sorokinovej tvorby sa teda nieslo v duchu konceptualizmu a soc-artu, experimentov na úrovni jazyka, tematizácie sexuálnych vzťahov hlavných postáv, imitácie rôznych autorských poetík 19. a 20. storočia, umeleckej kritiky vtedajšieho režimu a života v ňom. Autor sa tak snažil upozorniť na absurdnosť bytia v sovietskom Rusku, prejavy násilia zo strany režimu, rovnako ako aj poukázať na fakt, že nijaká kategória a hodnota v literatúre, v jazyku a umení, ako aj v bežnom živote, nie je nemenná, časom môže byť aktualizovaná, dokonca až deštruovaná, aby mohla prísť

2 Obaja výtvarní umelci, predstavitelia výtvarného moskovského konceptualizmu a soc-artu. E. Bulatov emigroval v roku 1973, I. Kabakov v roku 1988 a dodnes žije v USA. Dostupné na internete: <http://www.gif.ru/people/bulatov-e/>,<http://www.ilya-emilia-kabakov.com/index.php/about/biographical-sketch>. [09. 02. 2013]

3 HRALA, Milan. 2007. *Ruská moderní literatura 1890-2000*. Praha: Karolinum, 2007, s. 699-700. ISBN 9788024612010

nová/lepšia/iná.

Druhé obdobie (1991-2000) – Postsovietske obdobie v znamení divadla a filmu

Približne rokom 1991 sa začalo druhé obdobie Sorokinovej tvorby, do veľkej miery ovplyvnené kultúrno-spoločenskými zmenami vo vtedajšom Rusku. Prvým románom, napísaným v tomto období je dielo *Srdcia štyroch*, počnúc ktorým Sorokin začal pracovať s novým materiálom – kultúrou a reáliami postkomunistického Ruska. Ako však autor priznal, po tomto románe nastáva v jeho tvorbe určitý „útlm“, venuje sa viac kinematografii (písaniu scenárov) alebo dráme (divadelné hry *Hochzeitsreise* (1994), *Dostojevskij trip* (1997)). Jeho ďalšie významnejšie prozaické dielo prišlo až v roku 1999 a to *Nebeskymodrá slanina* (Goluboje salo, napísané aj vydané v roku 1999).

Ako už bolo spomínané, V. Sorokin od mladosti inklinoval k vizuálnemu umeniu, knižnej grafike (je autorom niekoľkých desiatok obálok kníh), ale aj filmu a práve tento druh umenia považuje za veľmi silný, schopný vyvolávať búrlivé émocie jednoduchým spôsobom. Ako neskôr autor uviedol, skúsenosti z práce s filmom využil aj pri písaní v období po roku 2000. Medzi najznámejšie filmy, na ktorých V. Sorokin pracoval patria, napríklad, *Šialený Fric* (Bezumnyj Fric, 1994) alebo *Moskva* (Moskva,1995-1997, premiéra 2001, slovenský časopisecký preklad scenáru 2003).

Sorokinovým spoluautorom scenára je ruský režisér Alexander Zeľdovič[4] (1958), s ktorým neskôr spolupracoval nielen na filme *Moskva*, ale aj na filme *Terč* (Mišeň, 2011).

Druhé obdobie sa teda nesie v duchu autorského vyrovnávania sa s postsovietskou realitou v diele *Srdcia štyroch*, v ktorom sa na maximum skoncentrovali všetky dovtedajšie sorokinovské postupy na úrovni jazyka, štýlu/žánra aj témy. Po tomto autorsky náročnom diele nastal u Sorokina istý útlm, a počas niekoľkých rokov sa venoval dráme a filmu, odkazujúcim na postsovietsku realitu, alternatívnu históriu. Analyzované divadelné hry narúšajú normy zaužívané pre výstavbu dramatického diela na jazykovej (vulgarizmy, slang, cudzie slová, nič neznamenajúce výkriky), ale aj tematickej úrovni (vytváranie paralely medzi ruskými klasikmi a narkotikami atď.).

Spisovateľskú krízu autor prekonal počas návštevy Nemecka (kde získal v roku 1992 ročné štipendium[5]), kde nadobudol novú inšpiráciu, „rozlúčil sa“ s konceptualizmom a osvojil

4 Známy ruský režisér a scenárista, nominovaný na viaceré ocenenia za svoju tvorbu. V osemdesiatych rokoch sa venoval najmä krátkometrážnym filmom, a až v 90. rokoch minulého storočia prerazil vo „veľkom“ filme, od roku 1996 je režisérom v Mosfilme.

5 Interview Opričník na export. Dostupné na: http://www.srkn.ru/interview/oprichnik-na-eksport.html.

si novú autorskú pozíciu. Ku koncu milénia vzniklo jedno z jeho najprekladanejších a najpopulárnejších diel - *Nebeskymodrá slanina*. V diele sa spojili takmer všetky Sorokinove autorské postupy a naštartovali novú orientaáciu tvorive činnosti. Spisovateľ spochybňuje kánon, stereotypy a ustálené normy v umeleckej literatúre, charakteristické pre texty ruskej klasiky až po soc-art, využíva formu dekonštrukcie jazyka, témy a textu; vykresľuje alternatívnu históriu Ruska, prelínajúcu sa s budúcnosťou, nekompromisne „degraduje" kultúrne hodnoty a autority.

Tretie obdobie - postmodernistická syntéza histórie a budúcnosti (2000 až po súčasnosť)

Tvorba tretieho (zároveň súčasného) obdobia naberá nový rozmer, aj napriek tomu, že Sorokinové typické postupy sa do väčšej alebo menšej miery objavujú dodnes – v inej podobe a v inej polohe. Už dielo *Nebeskymodrá slanina* naznačilo, že Sorokina oslovilo prehodnotenie dejín, aktualizácia hodnôt, úvahy o despotických/diktátorských režimoch a dopadoch ich fungovania na spoločnosť. Okrem toho, pre tvorbu daného obdobia je charakteristická kombinácia fantasy a histórie, poprepletaná témou silného čínskeho vplyvu na ruskú kultúru a jazyk. Do popredia sa dostáva filozoficko-existenciálna a občiansko-politická problematika, pri tom sa organicky prepájajú nadčasové s veľmi aktuálnymi problémami. Komplikované intertextuálne hry a štylizácia sa ponárajú do umeleckej siete diel a stávajú sa neoddeliteľnou súčasťou ich poetiky.

Medzi najvýznamnejšie diela daného obdobia patria diela *Ľadová trilógia* (Ľod, Puť Bro, 23000, ktoré písal v rokoch 2002-2005), *Opričníkov deň* (Deň opričnika, 2006, slov. Preklad 2008), *Cukrový Kremeľ* (Sacharnyj Kreml', 2008), *Monoklon* (2010) a *Metelica* (Meteľ, 2010).

Tvorba daného obdobia sa nesie v duchu koncepcie prelínania ruskej minulosti, súčasnosti a budúcnosti v rôznych podobách antiutopistických vízií. Sorokin retrospektívne a s odosobneným nadhľadom nazerá na minulosť Ruska a kľúčové udalosti 16. - 20. storočia, ktoré rôznymi spôsobmi tematizuje vo svojej tvorbe. Jeho texty polemizujú s každodennosťou ruského života, ponúkajú prehodnotenie dejín, aktualizáciu hodnôt, úvahy o mocenských režimoch a dopadoch ich fungovania na spoločnosť.

Texty, počnúc *Ľadovou trilógiu*, cez *Opričníkov deň*, *Cukrový Kremeľ*, *Monoklon* až k *Metelici*, majú niekoľko spoločných atribútov. Texty naznačujú nebezpečenstvo vzniku

[14.10.2013]

novej totalitnej moci, do istej miery upozorňujú na stereotyp neschopnosti oddeliť literatúru od reality, rovnako ako neschopnosti Ruska zbaviť sa tradícií feudálneho despotizmu.

V textoch tohto obdobia sa spája fantasy s archaickosťou, tematicky sa objavuje silný čínsky faktor, tematizuje sa teória nadradenosti rás a množstvo folklórnych a kultúrnych elementov a reálií. Vynára sa aj tematizácia skrytého ruského nacionalizmu a politiky izolacionizmu, odkazujúce na aktuálny stav v Rusku.

Narúšanie jazykových a literárnych noriem sa prejavuje v podobe už tradičných Sorokinových postupov – komplikovaného experimentovania so všetkými vrstvami lexikálnej zásoby (napr. práca s čínskymi výrazmi), tematizácie násilia, sexuálnych vzťahov a mentálnych deviácií, ale aj formou intertextuálnych hier; štylizácia ruskej klasiky, moderny a postmoderny sa stáva neoddeliteľnou súčasťou autorskej poetiky.

Tak ako sa menil Sorokin v čase?

Aj vďaka sformulovanej periodizácii a analýzam sme dospeli k záveru, že v Sorokinovej tvorbe sú prítomné štyri autorské obdobia (aj keď prvé sa dá považovať iba za akési „koketovanie" s literatúrou). Pre tvorbu prvého obdobia je typická orientácia na sovietsku tematiku a soc-art. Prvé zlomové obdobie v jeho tvorbe nastolo paralelne s kultúrno-spoločenskými zmenami, kedy sa v diele *Srdcia štyroch* začal vyrovnávať s postsovietskou realitou. Po tomto diele však nastal v Sorokinovej románovej spisbe „útlm" Sorokin sa začal viac venovať divadlu, filmovej tvorbe a scenárom. Druhým míľníkom v jeho tvorbe a zároveň štartérom sa stalo dielo *Nebeskymodrá slanina,* román vďaka ktorému sa autorovi podarilo preraziť na Západe. Od tohto diela až do dnes pozorujeme u autora v tematickej rovine dominantnú tendenciu vyrovnávania sa s ruskou históriou a realitou ako takou.

V súčasnosti, zrejme aj vďaka viacerým škandálom v súvislosti s jeho tvorbou, patrí medzi najprekladanejších súčasných ruských autorov.

Bibliografia:

HABUROVÁ, Andrea – LORKOVÁ, Zuzana. (Eds). 2012. *Zborník príspevkov z konferencie Mladá rusistika – Nové tendencie a trendy*. Bratislava: Stimul, 2012. 208 s. ISBN 978-80-8127-062-8

HRALA, Milan. 2007. *Ruská moderní literatura 1890-2000*. Praha: Karolinum, 2007, s. 699-700. ISBN 9788024612010

KOL. 2007. *Slovník ruskej literatúry 11. - 20.storočia*. Bratislava: Veda, 2007, 581 s. ISBN 978-80-224-0967-4.

KUPKO, Valerij. 2000. *Novaja proza kak sociokuľturnyj fenomen*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2000, 104 s . ISBN80-8068-010-8

LORKOVÁ, Zuzana (Ed.). 2011. *Vladimír Sorokin: Tvorca mnohých tvárí. Interpretačné podoby v slovenskom kultúrnom priestore*. Bratislava: Stimul, 2011. 133 s. ISBN 978-80-8127-040-6

SOROKIN, Vladimír. 2003. *Fronta*. Praha: Malá Skála, 2003, 304 s. ISBN 80-902777-7-2

SOROKIN, Vladimír. 2009. *Den opričníka*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2009, 176 s. ISBN 978-80-87053-29-4

SOROKIN, Vladimír. *Ľad*.2009. Bratislava: Kalligram, 2009, 280 s. ISBN 978-80-8101-084-2

SOROKIN, Vladimír. 2008. *Opričníkov deň*. Bratislava: Kalligram, 2008, 176 s. ISBN 978-807149-993-0

SOROKIN, Vladimír. 2009. *Srdcia štyroch*. Bratislava: Kalligram, 2009, 336 s. ISBN 978-80-8101 201-3

SOROKIN, Vladimír. 1995. *Třicátá Marinina láska*. Praha: Český spisovatel, 1995, 369 s. ISBN 80-202-0588-8

SOROKIN, Vladimír.2010. *Třicátá Marinina láska*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2010, 280 s. ISBN 978-80-87053-47-8

SOROKIN, Vladimír. 2011.*Vánice*. Praha: Pistorius & Olšanská, 2011, 168 s. ISBN 978-80-87053-54-6

SOROKIN, Vladimír. Zasadnutie závodného výboru. In: *Ruské kvety zla.* Bratislava: Belimex, 2005, s. 293-312. ISBN 80-89083-78-1

SOROKIN, Vladimír. Možnosti. In: *Revue aktuálnej literatúry*, (2003), č. 7-8. ISSN 1335-1702

SOROKIN, Vladimír. Příhoda. In: *Revolver Revue*, 25/1994, s. 291–301. ISSN 1210-2881

SOROKIN, Vladimír. Rozlúčka. In: *Revue aktuálnej literatúry*, (2003), č. 7-8. ISSN 1335-1702

SOROKIN, Vladimír. *Moskva*. In: Revue svetovej literatúry, 39, 2003, č. 4.Preklad: Ján Štrasser.

Internetové zdroje:

Dostupné na internete: <http://www.gif.ru/people/bulatov-e/>,<http://www.ilya-emilia-kabakov.com/index.php/about/biographical-sketch>. [09. 02. 2013]

Interview Opričník na export. Dostupné na: <http://www.srkn.ru/interview/oprichnik-na-eksport.html>. [14.10.2013]

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АЛИ РАХМАНОВОЙ (1898 – 1991)

PhDr. Silvia Ascione

Кафедра русского языка и литературы, Филологический факультет Университета «Сапиенца» в Риме

silvia.ascione85@gmail.com

ABSTRACT:
This contribution is focused on life and works of Alja Rachmanova (1898-1991), a Russian writer who, in 1925, was forced to leave the Soviet Union and lived as an émigré most of her life abroad, in Austria and Switzerland. Her name has long been neglected by Russian scholars and readers, because her works have never been published in the original Russian version. Her success is mainly due to the trilogy of diaries, written between 1916 and 1925: Students, love, Cheka and death; Marriages in the red storm; and Milklady in Ottakring.

История русской эмиграции подарила литературе значительные художественно-литературные свидетельства экзистенциальной травмы, вызванной во многих случаях насильственным, в другим самовольным уходом из отчизны в пользу второй, чуждой и часто враждебной родины. В бесконечном разнообразии контекстов, стилистических приёмов, среды, тем и форм, герои русской эмиграции создали огромное количество произведений, часто автобиографического характера, имеющие бесспорную ценность, которая заключается в том, что они рассказывают с силой непосредственного опыта о событиях великой истории и о личных жизнях. Таким образом, появлялось все больше дневников и мемуаров, которые, независимо от вопроса аутентичности и достоверности материалов, со взволнованными нотами рассказывают нам о судьбах, разбитых ходом истории и политическими интересами. В этом многочисленном ряду имя Али Рахмановой, хоть и игнорируется учёными и специалистами, и часто ошибочно приписывается немецкой или австрийской литературе, полноправно входит, однако, в рамки русской литературной эмиграции.

Аля Рахманова (псевдоним Галины Николаевной Дюрягиной) родилась в 1898 году в Каслинском Заводе (ныне г. Касли), на Урале, в состоятельной семье местной аристократии[1]. Детство Рахмановой проходило в безмятежном семейном кругу, она была окружена любовью родителей и преданных слуг. С ранних лет проявляется в

[1]Для подробной реконструкции биографии Али Рахмановой ссылаемся на произведение STAHR, Ilse. 2012. *Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring.* Alja Rachmanowa. Ein Leben, Wien: Almathea, 2012. 239 S. ISBN 3850028003

молодой Але склонность к литературе: она пользуется отцовской библиотекой, чтобы удовлетворить своё желание чтения, в частности классики русской литературы. В возрасте лишь восьми лет, она начинает регулярно записывать свои впечатления, день за днём доверяет свой духовный и эмоциональный мир дневниковым страницам.

Со взрывом большевистской революции в 1917 году, мир спокойной безмятежности Дюрягиных унесла красная ярость; однако меняется не только политическое устройство страны, но и шкала ценностей, а за ней и здравый смысл. Сцены насилия появляются на фоне советской повседневности. Волшебный мир молодой Рахмановой неизбежно ломается, всё отличается от прошлого. В стране, ослабленной войнами и революциями, Рахманова познаёт нищету, голод, горе и ненависть. Во время гражданской войны семья Дюрягиных вынуждена мигрировать внутри страны, следуя за движениями белой армии, добираясь до Сибири. В этот период Аля знакомится с Арнульфом вон Хойером, бывшим военнопленным австрийцем, который в 1921 году становится её мужем, а через год Аля становится матерью своего единственного сына Александра. Жизнь молодой семьи проходит среди препятствий и повседневных трудностей, до тех пор пока не приходит официальное сообщение об изгнании с территории Советского Союза как следствия анонимного доноса. Муж Рахмановой назван ‘врагом народа’, так как он отказывается объявлять себя большевиком, решает сохранить верность себе и своим идеалам, следовательно его безвозратно изгоняют из страны.

Так начинается долгий эмиграционный путь Али Рахмановой, который закончится только в 1991 году с её смертью; действительно, писательница прожила остаток своей жизни в Австрии, а затем в Швейцарии, не возвращаясь ни разу на родину. Первоначально молодая семья поселяется в предместье Вены, которая оказывается подавленным безработицей и нищетой городом, совсем непохожим на ими воображаемый образ земли обетованной. Тут выживание становится сложным и разочаровывающим: к тому же, венская повседневность показалась ещё неприятнее мало говорящей по-немецки русской эмигрантке; кроме всего прочего, здесь не признают её высшего образования. Затем судьба подбрасывает шанс приободриться и обеспечить для себя достойное существование, но с большими жертвами и лишениями: благодаря займу их друга, Рахмановой удаётся купить небольшой молочный магазин. После начальной фазы экономической неустойчивости дела начинают идти в гору, обеспечивая таким образом немного спокойствия всей семье.

В 1927 году Арнульфу предлагают пост профессора в университете Зальцбурга, поэтому они решают переехать в родной город мужа. Экономические проблемы закончились, уступая место периоду относительного достатка и спокойствия; Аля может полностью посвятить себя своему единственному стремлению - творчеству. Зальцбургские годы являются самыми счастливыми для Рахмановой: она живёт в городе, который удовлетворяет её эстетическое чувство, муж доволен своей работой и она может писать.

Однако счастливому зальцбургскому времени суждено кончиться, так как во время второй мировой войны, от страха, связанного с продвижением советских войск, супруги вынуждены снова бежать, найдя прибежище в Швейцарии, в городе Эттенхаузене. К травме очередного бегства добавляется трагедия смерти сына: Александр погибает в 1945 году, во время венской осады, пока служит в Вермахте.

Творчество Рахмановой охватывает период с 1931 года, когда публикуется её первое произведение – «*Студенты любовь Чека и смерть»*[2], по 1972 год, если учитывать лишь опубликованные произведения. Очень важно, что после смерти мужа в 1971 году, писательница не только перестаёт публиковать свои работы, но и теряет в его лице самого верного сотрудника и переводчика. Этот факт свидельствует об особенных отношениях Рахмановой и её мужа. Как уже отметил Хейнрих Риггенбах, - *"Наследство Рахмановой - это наследство одной семьи. Наследие писательницы существует до настоящих дней, как симбиоз между её литературным творчеством и переводческими способнястями её мужа Арнульфа вон Хойера"*[3].

Среди произведений Рахмановой насчитываются шесть дневников, один роман и некоторые биографические романы, посвященные великим персонажам русской культуры. Несомненно, заслуга её большого успеха приписывается к трилогии дневников, которая выходит под названием *Symphonie einer Lebe* («Симфония одной жизни»), с 1931 по 1934 год. Она включает в себя вышеупомянутый дневник «*Студенты любовь Чека и смерть»*, «*Браки в красном вихре»*[4] и «*Молочница в Оттакринге»*[5]. Эти три части являются самыми переводимыми произведениями автора в мире.

---

[2] RACHMANOVA, Alja. 1931. *Studenten, Liebe, Tscheka und Tod*: Tagebuch einer russischen Studentin. Salzburg: Pustet, 1931. 447 S.
[3] RIGGENBACH, Heinrich. 1998. *Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer). Werke, Briefe, Tagebücher*, Frauenfeld 1998, 7 S. (Цитата переведена автором статьи).
[4] RACHMANOVA, Alja. 1932. *Ehen im roten Sturm.*: Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg: Pustet, 1932. 412 S.
[5] RACHMANOVA, Alja. 1933. *Milchfrau in Ottakring*: Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg: Pustet, 1933.

Хотя Рахманова проводит большую часть своей жизни в эмиграции (из 93 лет 66 она живёт за границей!), пишет, однако, все свои произведения на русском, прибегая к немецкому (которым с годами она учится владеть) только для переписки с друзями, знакомыми и издателями. Несмотря на предание забвению со стороны специалистов и учёных, Алю Рахманову следует считать настоящей русской писательницей; причина такой забывчивости очевидна: её произведения никогда не будут опубликованы в оригинальной русской версии. Единственные вышедшие на русском произведения Рахмановой являются несчастной попыткой перевода с немецкого на русский первых двух книг трилогии, предпринятой третьим Рейхом в рамках политики демонизации Советского Союза. Тот факт, что произведения Рахмановой публикуют поначалу в немецком переводе и лишь затем переводят на более 20 языков, делает имя автора более знакомым немецко-говорящему читателю.

Значимость этой трилогии заключается, прежде всего, в её ценности как личного свидетельства крупных исторических событий. Позднее будет отмечено, что эти дневники показывают последавательно разные фазы экзистенциального роста женщины, выделяя его ключевые моменты. В первом дневнике, «*Студенты любовь Чека и смерть»*, Рахманова описывает картину спокойствия, в котором проходит её детство до взрыва революции. Писательница изображает себя в качестве прилежной студентки, которая отказывается принимать факты насилия, ставшие обыденными в советском обществе.

«Браки в красном вихре», вторая часть трилогии, является дневником зрелости, в котором, в атмосфере нищеты и нестабильности, связанных с движениями Дюрягиных внутри страны, Аля рассказывает об открытии любви, свадьбе, материнстве и борьбе за выживание.

Наконец, последняя книга, «*Молочница в Оттакринге»* - это дневник эмиграции; в Австрии, Рахмановой отказывают в интеллектуальном признании, поэтому она вынуждена начать с нуля и взять на себя ответственность за обеспечение материального существования семьи. Здесь, с одной стороны, Рахманова представляет нам клиентов её молочной и их истории, с другой - наполняет дневник размышлениями самой писательницы о своей судьбе эмигрантки.

Если рассматривать литературное творчество Рахмановой с качественной точки зрения, было бы важно попытаться разделить его на две фазы: первую фазу условно

---

340 S.

назовём *автобиографической* и вторую *документально-биографической*. Эти художественные моменты соотвествуют двум жизненным периодам писательницы: когда её жизнь потрясают большевистская революция, установление новой социальной, политической, экономической и культурной системы, трагические события гражданской войны и процесс отчуждения связанный с эмиграцией, Рахманова использует писательство, как катализатор напряжения, сомнений и опасений, приходящих от неустойчивости её существования. Прибегуть к дневниковому жанру, несомненно, означало сделать попытку удовлетворить ту неизбежную необходимость записи произошедших событий, размлышений, надежд, тревог и простых мечтаний. Это стремление оказывается необходимым и естественным в тех условиях, когда простое выживание становится чем-то непосильным, а будущее неопределённым; в дневнике Аля находит моральную поддержку, которая помогает ей посмотреть в лицо враждебной реальности, он является тем утешением, которое она неизбежно потеряла, покинув свою родину и своих родных.

Даже при крайне неблагоприятных исторических обстоятельствах, как в период внутренней миграции, Аля старается, хоть и отрывочно, делать краткие записки в своём дневнике, что лучше всего видно в «*Браках в красном вихре*».

В сложных, не только экономических, но и эмоциональных условиях, некоторые элементы являются для Рахмановой источником утешения или имеют достоинство облегчить приступы тоски и уныния: вера, материнство, литература, дневник и сон.

В её дневниках происходит постоянный диалог с Богом, являющимся излюбленным собеседником, которому можно доверять свои тревоги и благодаря которому можно истолковать реальность в эсхатологическом плане через призму провиденциализма. Рахманова показывает нерушимую веру в абсолют (и это типичное поведение среди русских эмигрантов), даже в самых невыносимых обстоятельствах; важно отметить, как автор проявляет не фаталистическую покорность непонятной и жестокой судьбе, но почти смиренное принятие провиденциально задуманного Богом жизненного пути.

Кроме этого, сила, чтобы сталкиваться с трудностями с неутомимым упорством и упрямством приходит к ней не только от её религиозного вдохновения, но, в особенност, от её материнской ответвенности перед сыном; в момент, когда Рахманова хотела бы сдаться и покориться превратностям судьбы, материнский долг заставляет её не сдаваться и продолжать бороться.

В представлении Рахмановой, материнство является не только долгом, но и точкой высшей самореализации каждой женщины. Это убеждение делает особенно ненавистым Рахмановой коммунистический порядок, который, в соответствии со своей программой (предпологаемого) равненства между мужчиной и женщиной, хотел бы лишить женщину всех её женских свойств, прежде всего материнства.

К трудностям, связанным с материальным выживанием, добавляется неизбежная тоска по потерянной родине, отчаянно любимой Рахмановой, но которая её отвергла. Приёмы, к которым Рахманова прибегает, чтобы оживить связь с Россией после её изгнания из СССР, не находят места в рабочем дне молочницы, поэтому ночь – лучшее время для того, чтобы Аля могла свободно посвятить себя ностальгическим воспоминаниям и мечтаниям. Её Россия снова живёт в её памяти, на страницах классики, которую она читает, во снах с открытыми глазами и в сновидениях.

Россия занимает ислючительное место в сновидениях писательницы: в них выражается весь её запас воспоминаний, желаний и опасений. Сон – это то измерение, где можно предаться воспоминаниям о семье и родных пейзажах, и об отчаянной надежде на то, чтобы когда-нибудь ей вернули всё то, что она потеряла. В большинстве случаев сны состоят в возникновении образов её русского прошлого, в настоящих флэшбеках, или отчаянных миражах отрицаемого прошлого.

Кроме того, в стране, где все говорят по-немецки, чтение русской классики является примером процесса овеществления России в жизни писательницы. Даже если лишь в немногих и мимолётных случаях Аля может посвятить себя чтению, тогда соприкосновение с русским языком, перечитывание тех произведений, которые тесно связаны с её детскими воспоминаниями, подарит ей чувство временного удовольствия. Ночь тоже подходящее время, чтобы привести в порядок мысли, задержаться на лицах и событиях, ощущениях и желаниях, и чтобы их анализировать. И это Аля делает с помощью её дневника, который является наперстником, собеседником, источником утешения и местом воспоминаний. Писание дневника, как выше указанно, является глубокой надобностью и в процессе оживления потерянной родины играет роль ‘ёмкости’, в которую помещается всё русское. В дневнике действительно находятся размышления о её роли как матери, чуждости её состояния эмигрантки, диалог с Богом и ностальгическое пение родине. В нём появляются и все те русские писатели, которых Аля любит с самого детства: Чехов, Достоевский, Толстой, Тургенев. Страницы дневников насыщены их цитатами, явными упоминаниями или намёками.

Наличие такого богатого цитатного аппарата свидетельствует о важности роли литературы у Рахмановой, которая, напоминаем, имеет образование психолога и литературоведа. Формальная установка, направленная на анализ человеческого поведения, содействует её личной склонности к изучению людей, их характера, пониманию их намерений и их глубоких причин.

Это стремление проявляется не только, когда Аля анализирует встреченных людей в интроспективных записках своих дневников, но и во второй фазе её творчества, когда стремление к автобиографизму засыпает и превращается в желание, в чем-то чуть-чуть маниакальное, открыть душу тех персонажей, писателей и художников, которые населяют интеллектуальную вселенную Рахмановой. В критическим очерке писательница заявляет, что не только хочет наслаждаться произведениями великих персонажей русской культуры, но и понять в глубине человека, который прячется за этими произведениями, ухватить личный фасад и рассматривать все тайники его души.

В заключение, можно утверждать, что всё творчество Рахмановой является важным документом, свидетельствующим о безотрадной судьбе одной писательницы, которая, кроме травмы насильственной эмиграции, до сих пор забыта именно на своей родине.

Библиография на немецком языке

BRANG, Peter. Zuflucht der Musen: Slavische Kunst und Kultur im Schweizer Exil. In: *Asyl und Aufenthalt.* Die Schweiz als Zuflucht und Wirknungsßtätte von Slaven in 19. Und 20. Jahrhundert?. Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1994. 484 S.

GEBAUER, Kerstin. 2003. *Mensch sein, Frau sein*: Autobiographische Selbstenwürfe russischer Frauen aus der Zeit des gesellschaftlichen Umbrychs um 1917. Madgeburg: P. Lang, 2003. 260 S. ISBN 1434-3193

GEBAUER, Kerstin. 2003. Die Sensucht nach dem ganzen Menschen: Alja Rachmanowas Tagebücher. In *Frauen Identität Exil. Russische Autorinnen in Frankreich*. Fichtenwalde: F. K. Göpfert, 2003. 135-154 S.

RACHMANOVA, Alja. 1931. *Studenten, Liebe, Tscheka und Tod*: Tagebuch einer russischen Studentin. Salzburg: Pustet, 1931. 447 S.

RACHMANOVA, Alja. 1932. *Ehen im roten Sturm.*: Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg: Pustet, 1932. 412 S.

RACHMANOVA, Alja. 1933. *Milchfrau in Ottakring*: Tagebuch einer russischen Frau. Salzburg: Pustet, 1933. 340 S.

RIGGENBACH, Heinrich. 1998. *Inventar des Nachlasses von Alja Rachmanowa (Galina von Hoyer)*: Werke, Briefe, Tagebücher. Frauenfeld: Thurgauische Kantonsbibliothek, 1998. 55 S.

RIGGENBACH H., Marti R., "На книге стоит 'Александра Рахманова', но это не моя книга". Eine Raubübersetzung und ihre Kritik… In *Contributions suisses au XIVe congrès mondial des slavistes à Ohrid*, Bern août 2008, 197-214 S.

STAHR, Ilse. 2012. *Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring* Alja Rachmnanova: Ein Leben. Wien: Almathea, 2012. 239 S. ISBN 3850028003

Библиография на русском языке

КУХАРЁНОК, Татьяна. 2010. Метаморфозы познающего субъекта: К дневникам Али Рахмановой. In *Литература и язык в меняющемся мире*: Сборник научных трудов, посвящённых 75-летию профессора Е. А. Зачевского. Санкт-Петербург: 2010, 152-17 ss.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА СТРАНИЦАХ *LA VOCE* (1908 – 1916)

Аспирант Lorenzo Marmiroli

Кафедра истории Европы, политический факультет Университета Сапьенца в Риме

lorenzo.marmiroli@uniroma1.it

ABSTRACT:
Present contribution is focused on the knowledge of Russian literature by Italian intelligencija at the beginning of the 20th century.
The item deals with the diffusion of Russian literature through the literary magazine *La Voce*, edited in Florence between 1908 and 1916. *La Voce* was one of the most important Italian literary magazines, which presented to the Italian public the newest streams in culture and literature from all over the world.
Thanks to its items and translations, the knowledge of Russian literature started spreading through the Italian public.

В отличие от великих европейских литератур (английской, французской, немецкой), русская литература с трудом добивается успеха среди итальянских читателей: если контакты со странами Западной Европы постоянны, Россия и её культура остаются экзотическими для итальянских интеллигентов, которые мало знают о ней, по крайней мере до 20-х годов XX века.

В Италии, действительно, знание русской (и советской) культуры стало доступным только благодаря масштабной работе научного и популярного характера Е. Ло Гатто и других. Это связано с появлением кафедр русской филологии в главных итальянских университетах (в Риме, Падуе и т.д.), и опубликованием специализированых журналов (*Russia* - 1920, *Europa Orientale* - 1921). Важно также помнить о перво начальной политической симпатии между СССР и фашистским режимом в Италии: этот факт, без сомнения, поспособствовал взаимному сближению культур.

Несмотря на вышесказанное, русская литература постепенно начинает появляться в Италии незадолго до 20-х годов XX века.

La Voce - один из самых важных итальянских литературных журналов начала XX века, который издавался во Флоренции с 1908 по 1916 гг., сначала журнал выходил

еженедельно, а через некоторое время — два раза в неделю, последний год — ежемесячно. Как и многие другие журналы, во время Первой мировой войны *La Voce* постепенно прекращает свое существование: многие сотрудники служили на фронте, повысились цены на бумагу.

До 1914 года руководителем журнала был Джузеппе Преццолини; после начала войны руководителем становится Джузеппе Де Робертис, который придаёт журналу более художественно-литературный характер. Преццолини создаёт политическую версию журнала — *La Voce, edizione politica,* — которая начинает публиковаться в мае 1915. Её целью была поддержка вступления Италии в Первую мировою войну против Германии и Австро-Венгрии.

Несмотря на то, что журнал публиковался до декабря 1916 года, его издательство (*Quaderni della Voce)* продолжало работать ещё многие годы: оно предоставляло итальянскому читателю новые книги в прямом переводе, в отличие от других издательств, которые успешно пользовались косвенным переводом.

La Voce очень важен в итальянском культурном обзоре начала XX века: он действительно предоставляет общий и независимый форум итальяноговорящей интеллигенции (что было немаловажно для итальянцев, живших в Швейцарии, а также для тех, кто жил в Тренто, Триэсте, Далмации, Фьюме — в городах под юрисдикцией Австро-Венгрии).

В *La Voce* печатались классики итальянской литературы: Джентиле, Кроче, Сальвемини, Борджесе, а также иностранцы, например, Роллан.Кроме того, с журналом сотрудничали одни из самых талантливых итальянских молодых писателей: помимо Преццолини и Де Робертис, Папини, Жайе, Бойне, Слатапер, Амендола, Бастианелли, Соффичи и др.

В этом докладе, посвященном вопросу о знании русской литературы в *La Voce*, я буду анализировать статьи, опубликованные на страницах журнала, в которых говорится о русской литературе и культуре.

Первая статья о русской литературе появилась 24 ноября 1910 года, её автор Папини, статья написана по поводу смерти Толстого6. Автор славит величие Толстого — как человека, писателя и аскета:

«Спустя больше, чем восемьдесят лет жизни, спустя больше чем пятьдесят лет литературного труда, спустя больше, чем тридцать лет

---

[6] Papini G., 1910. Preghiera per Leone Tolstoi. In: *La Voce,* II г. №50, 24 ноя.
Здесь и далее все цитаты с итальянского переведены автором статьи.

христианской миссии, Лев Толстой имеет право спокойно умереть».

Одновременно Папини полемизирует с миром фальшивых ценностей и легкомыслия, которые русский писатель постоянно критикует. Наиболее враждебно Папини настроен по отношению к журналистам-«бумагомарателям», которые только и ждут смерти Толстого, чтобы писать о нём:

«Несмотря ни на что, этот седой и бородатый старик, который изредка появляется на Святой Руси и высказывается, и вроде бы весь народ его слушает, как будто бы он — евангельский Исайя, он мне кажется единственным героем, живущим на свете, единственным настоящим Великим, который дышит и передвигается, как дышим и передвигаемся мы; единственный из всех тех, кого стоит услышать, который говорит языком плоти; единственный из немногих, с кем хотелось бы поговорить, кто мог бы ответить на вопросы».

В своей фантазии художника, Папини сравнивает жизнь Толстого с XIX веком: это человек всё видит, всё переживёт:

«Пушкинский романтизм в молодости — с мечами, играми, девушками и Кавказом, натуралистическая полнота зрелости, когда его искусство соревнуется с реальностью и достигает своей полноты, несмотря на то, что убывает духовность, а затем — религиозная старость, мистический буддизм —всего хватает».

Первого августа Преццолини пишет длинную статью о политических взглядах Достоевского[7]: его источник — новое немецкое издательство *Dostojewski: Politische Schriften,* Мюнхен, 1912. Руководитель *La Voce* критикует низкое качество французских переводов русских книг и сравнивает их с немецкими, о недостатке прямых итальянских переводов с русского языка он говорит следующее:

«[…] *нельзя сказать, что в течение последних лет мы приблизились к русской литературе: мы только терпеливо занимались подготовкой, которая, несмотря на свою коммерческую и профессорскую внешность, есть символ интереса и любви.* […]

Говоря о переводах, я не имею в виду только итальянские переводы, не полные, неправильные и и нередко представляющие собой простое калькирование с французского *немецких переводов, которые, в свою очередь, наконец, производятся*

[7] Prezzolini G., 1912. Dostoievschi politico, in *La Voce* IV г. №°31, 1 авг.

напрямую с русского, я имею в виду и французские переводы, которые мы обычно читаем, и надеемся, что они ближе к оригиналу. Однако почти все французские переводы — работы торопливых и неаккуратных русских эмигрантов, сотрудников какого-нибудь запатентованного поставщика французских изданий, эти переводы демонстрируют весьма странные явления: они не только представляют собой вырванные с ущербом для смысла части, но и, что самое странное, могут содержать и смысловые добавления».

Преццолини жалуется на нехватку русских критических монографий на немецком и французском языках:

«Кроме отличной книги Мережковского на французском о Толстом и Достоевском, которую надо бы больше распространять, и книги на немецком о Горьком и Чехове, нет никакого русского критика, насколько я знаю, который действительно популярен среди интеллигентов Западной Европы. Хотя, должен сказать, большой интерес представляют маленькие критические намеки, которые мы находим в корреспонденции Достоевского [...]*».*

Дальше автор критикует искусство Достоевского и его политические и социальные взгляды о Европе. Так пишет Преццолини:

«Если быть русским означает ничего не понимать о других странах, то нет никого более русского, чем Достоевский: его корреспонденция жестока и глупа; и он, наверное, принял славянофильство по причине этого непонимания, то есть полагая, что у России есть своя собственная социальная, политическая и литературная оригинальность».

По Преццолини, славянофильство — это последствие западной философии и русского мистицизма, и для современной России, где уже произошла революция (в 1905 году), славянофильство не может быть верным решением:

«Россия, прежде чем указывать путь другим странам, должна понять, является ли она нацией и может ли она продолжать ей быть; революция была и продолжает быть проникновением западных идей в славянизм. Россия станет западной как и Китай, Америка и Япония. Никто безнаказанно не приближается к великой европейской традиции. Европа будет властвовать над численностью населения Китая, мистикой России и варварством Америки».

Руководитель *La Voce* предпочитает короткие рассказы Достоевского («*Кроткая*», «*Вечный муж*») потому, что они *«содержат мало внешних от искусства элементов»*, и он выражает своё мнение в короткой рецензии на «*Сон*

смешного человека». Преццолини сразу указывает, что когда Достоевский пытается критиковать Запад, его искусство теряет величие:

*«"*Сон смешного человека" *содержит психологическое описание сна, пробуждения и полудрёмы, неуверенности человека, живущего между собственной фантазией и реальностью, — всё это отлично. Однако на самом деле, за кулисами прячется полемика против западной научной и культурной мысли, которую автор выстраивает намеренно враждебно и варварски».*

31 октября 1912 года Аранджо-Руиц высказывает мнение о новом издании полных и неполных поздних произведений Толстого[8]. Автор указывает на важность Евангелия и христианской мысли в творчестве Толстого, который умеет образовывать бесконечность в конечном:

«После "Войны и Мира", "Анна Каренина" — *это страсть и страстьнизкая, грубая, простое прелюбодеяние в светском обществе между обворожительной женщиной и красивым, но глупым офицером кавалерии. Но Бог, несмотря на то, что автор его никогда не упоминает, есть. Бог это центр, это глаз, который смотрит, выносит приговор, узнаёт, наказывает и спасает».*

Сообщение Соффичи о русской художнице Анне Геребцовой9 очень интересное. Автор пишет о женской литературе:

«Несмотря на то, что можно доказать на основе истории и физиологии, что женщина чувствует и выражает себя иначе, чем мужчина, нет ничего интереснее и полезнее для тех, кто не имеет предрассудков, чаще наблюдать за ней и высоко ее ценить».

Соффичи хвалит искусство нескольких талантливых женщин: Колетт Вилли, Мари Мадлен де Лафайет, Марии Константиновны Башкирцевой, Эжени де Герен. Автор критикует таких писательниц, как Жорж Санд, которые слепо подражают мужской литературе:

«На самом деле, женщина только сейчас поняла, что хватит слепо подражать мужской литературе — по содержанию и стилю. Женщина смело показывает особенность своей природы, своего мира и голоса».

Соффичи высоко ценит деятельность Геребцови. Для него самые важные характеристики её искусства — оригинальность, разрыв с традицией и ирония:

---

8 Arangio-Ruiz V. 1912. L'ultimo Tolstoi, in *La Voce*, IV г. №44, 31 окт.

9 Soffici A. 1913. Anna Gerebzova, in *La Voce*, V г. №5, 30 янв.

«[…] ирония — последний вид трагичности. Это самая важная характеристика деятельности Геребцови. Ирония — это её самое женское свойство и главная ценность».

19 июня 1913-ого года *La Voce* публикует рассказ В. Я. Брюсова *«Три сёстры»*10. Издатель отмечает на талант русского писателя и указывает на важность прямого перевода с русского языка.

После начала Первой мировой войны, Ступарич не случайно пишет статью о книге Томаша Масарика *Russland und Europa — zur russischen Geschichte — und Religionsphilosophie* (Diederichs, Йена, 191311). После кризиса августа 1914 года Италия сохранила нейтралитет в войне. В течение следующих десяти месяцев, разные политические силы пытаются ввести Италию в войну (*La Voce* поддерживает войну против Австро-Венгрии и Германии). Возможно, Ступарич хочет показать незнакомую Россию (вероятный сосед в войне) итальянскому читателю:

«Вся книга Масарика основана на противопоставлении России и Европы. Он описывает русский кризис как революционирование европейской мыслью национальной деятельности. Даже внешне контраст проявляется материально: с одной стороны, город со зданиями, мастерскими, современной жизнью (Европа), с другой — село, посёлки с древними церквями, где жизнь проходит неизменно из века в век. России удалось удержать и то соотношение между традицией и цивилизацией, что давно утратила Европа. Это культура мифа, на мифе была построена её церковь и её империя, которые стали собственностью благодаря мифу, следовательно — догме, следовательно — рабству, которое сохранилось.

А в Европе миф постепенно раскололся […]».

В издательстве *Quaderni della Voce* были опубликованы переведенные прямо с русского том рассказов Чехова и «*Кроткая и другие рассказы* Достоевского».

Упомяну также появление в *La Voce* 28 февраля 1915 года статьи Лучяни о Стравинском, а также15 марта того же года статьи Бастианелли о Скрябине, которые, однако, не являются предметом нашего анализа.

В заключение отметим постепенно растущий в *La Voce* интерес к России и

---

10 Brussow V. 1913. Le tre sorelle, in *La Voce*, V г. №25, 19 июн.

11 Stuparich G. 1914. Un libro sulla Russia, in *La Voce*, VI г. №18, 28 сен.

её культуре: много статей о России, о новых переводах на итальянский, французский и немецкий русских книг предлагается итальянскому читателю с 1908 до 1916. (В конце доклада находится приложение с подробным списком новых публикаций, рецензий и изданий русских книг, упоминаемых в *La Voce).*

Итальянский читатель десятых годов XX века знает произведения Толстого, Достоевского, Соловьёва, Тургенева, Чехова, Андреева, Горького, Брюсова (а кроме того, La Voce публикует и Балтрушайтиса), но в гораздо меньшей степени знаком с творчеством Пушкина и Гоголя.

Вообще же, *La Voce* сожалеет о низком качестве французских переводов русских авторов, и пытается переводить напрямую с русского, в чем изданию помогают такие переводчики, как Соффичи и Кюн-Амендола.

Библиография:

VV. AA., *La Voce*, Firenze 1908-1916.

VV. AA., 2010. *«La Voce» 1908-2008*, Perugia: Morlacchi Editore 2010. 597 s. ISBN 978-88-6074-359-6.

PETRACCHI Giorgio, 1993. Gli studi sull'Europa Orientale in Italia alla fine degli anni '20. In: *Un istituto scientifico a Roma: l'Accademia d'Ungheria (1895-1950)*, Cosenza, Ed. Periferia, 1993.

Приложение — русская литература в *La Voce*

(в хронологической последовательности)

РЕЦЕНЗИИ (BOLLETTINO BIBLIOGRAFICO):

III г.:

№9, 2 мар. 1911: *Friedrich Steppuhn*, Wladimir Solowjew (S.J.)**.**

№10, 18 мая 1911: *G. Vitale*, Leone Tolstoi; *G. Suarés*, Tolstoi vivant; *R.Rolland*, Vie de Tolstoi.

IV г.:

№4, 25 янв. 1912: *Suarés*, Dostojewski. Cahiers de la quinzaine (A. Soffici).

№9, 29 фев. 1912: *Tolstoi*, Il Giornale inedito di Fjodoro Kuzmitch.

V г.:

№48, 27 ноя. 1913: *Arztvranchef* (?), Aux extrémes limites**.**

VI г.:

№4, 28 фев. 1914: *J. Chuzewille*, Anthologie des poètes russes, пред. Брюссова; *Tolstoi*, Saggezza infantile e due racconti (dagli scritti postumi), пер. A. de Tanini и E. Zankova, пред. A. Graf

№8, 28 апр. 1914: *C. Pettinato*, La Russia e i russi nella vita moderna osservati da un italiano.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ (LIBRERIA DELLA VOCE):

III г.:

№47, 23 ноя. 1911: *Tolstoi*, Histoire vraie - Le deux vieillard**.**

IV г.:

№6, 8 фев. 1912: *Suarés*, Tolstoi vivant; *Andreieff*, La vita dell'uomo, пер. O. Campa и G.S.

№7, 15 фев. 1912: *Tolstoi*, Pour les enfants.

№8, 22 фев. 1912: *Tolstoi*, La guerre et la paix, 6 vol.; Anna Karenine, 4 vol.; Resurrection, 2 vol.; Le Cadavre vivant.

№23, 6 июн. 1912: *Tolstoi*, Ouvres. Vol. XXVII издатель P. V. Stock, contenant La mort d'Ivan, La Sonate a Kreutzer, Marehez pendant que vous avez la lumiere и.т.д.

№25, 20 июн. 1912: *Baltrusciatis*, La scala terrestre. Пер. E. Kühn-Amendola.

№32, 8 авг. 1912: *Tolstoi*, L'Eglise et l'Etat. Les événements actuels en Russie.

№45, 7 ноя. 1912: *Tolstoi*, Pensieri e Massime. Пер. D. Ciampoli.

№49, 5 дек. 1912: *Dostojewsky*, Il giocatore.

№52, 26 дек. 1912: *Bodenstedt*, Il Canzoniere di Mirca Sciaff. Пер. G. Sapienza и D. Ciampoli; *Tolstoi*, Pensieri e Massime. Пер. D. Ciampoli**.**

V г.:

№2, 9 янв. 1913: *Gogol*, Les ames mortes, 2 vol.; *Tourgeneff*, Memoires d'un signeur russe, 2 vol.

№4, 23 янв. 1913: *Tolstoi*, Contes et Romans poshumes: Hadji-Hourad. Le pére Serge. Le diable. Tout le bon vient d'elle. Aprés le bal. Alucha le Pot. La Chodyaka. La lumiere dans les tenébres.

№5, 30 янв. 1913: *Dostoiewsky*, Crotcaia ed altre novelle, пер. E. Kühn-Amendola.

№13, 27 мар. 1913: *Gorki*, Une tragique enfance.

№14, 3 авр.1913: *Andreieff*, Mémoires d'un prisonnier.

№28, 10 июл. 1913: *Dostojevski*, Rodion Raskolnikoff (Delitto e Castigo) 2 vol.; Der Idiot 2 vol.; Die Dämonen 2 vol.; Die Brüder Karamasoff 2 vol.

№41, 9 окт. 1913: *Tchekov*, Un Meurtre; *Cecof*, Le tre sorelle. Пер. S. Jastrebzof и A. Soffici; *Puskin*, La figlia del Capitano. Пер. N. Tchileft и M. Tutino, с речью Достоевского о

Пушкине.

№51, 18 дек. 1913: *Gorki*, La piccola città di Okuroff. Cronaca.

VI г.

№2, 28 яан. 1914: *Tolstoi*, Saggezza infantile e due racconti. Пер. A. de Tonini и E. Zankowa, пред. A. Graf.

№3, 13 фев. 1914: *Dostoievschi*, Netochka. Les nuits blanches.

№6, 28 мар. 1914: *Tolstoi* par Tolstoi, autobiographie épistolaire.

№7, авр. 1914: *Turghenieff*, Senilia; *Gorki*, Contes d'Italie; *Andreieff*, Judas Iscariote. Lazare.

№10, 28 мая 1914: *Tolstoi*, Oeuvres complètes, trad. litt. et intég. par J. W. Bienstock.

№11, 13 июн. 1914: *Dostoievsky*, I precoci. Пред. D. Cinti; *Gogol*, Il matrimonio. Пер. N. Cileggi и V. Cento; *Cecof*, Il Gabbiano. Commedia in quattro atti. Пер. O. Campa и A. Z.

VI г.:

№21, 13 ноя. 1914: *Tolstoi*, I Cosacchi.

VII г.:

№4, 30 янв. 1915: *Dostoiewsky*, I Ragazzi. Пер. E. Kühn-Amendola.

№7, 15 мар. 1915: *Semenoff*, L' Espiazione. Appunti dal taccuino. Пер. A. De Orestis.

№9, 15 апр. 1915: *Andreieff*, Il Belgio vivrà. Пер. Markoff и Morselli.

VIII г.:

№1, 31 янв. 1916: *Trubezkoi*, La Russia come grande potenza; *Dostojewski*, I ragazzi. Пер. E. Kühn-Amendola.

СТАТЬИ:

II г.:

№50, 24 ноя 1910: *G. Papini*, Preghiera per Leone Tolstoi.

IV г.:

№31, 1 авг. 1912: *G. Prezzolini*, Dostoievschi politico.

№44, 31 окт. 1912: *V. Arangio-Ruiz*, L'ultimo Tolstoi.

V г.:

№5, 30 янв. 1913: *A. Soffici*, Anna Gerbezova (с изображениями).

№25, 19 июн. 1913: *V. Brussow*, Le tre sorelle.

VI г.:

№18, 28 сен. 1914: *G. Stuparich*, Un libro sulla Russia.

VII г.:

№6, 28 фев. 1915: *S.A. Luciani*, Igor Strawinsky.

№7, 15 мар. 1915: *G. Bastianelli*, Alessandro Scriabine.

QUADERNI DELLA VOCE:

IVг.:

№16, 18 апр. 1912: *Cecof*, Racconti. Пер. S. Jastbrezof и A. Soffici; *Dostoiewsky*, Crotcaia e altre novelle. Пер. E. Kühn-Amendola.

РЕКЛАМА:

III г.:

№9, 2 мар. 1911: G. Amendola parlerà su Leone Tolstoi.

IV г.:

№22, 30 мая 1912: Ai lettori russi...

DEJINY A KULTÚRA

PRAVOSLÁVIE A PRAVOSLÁVNA CIRKEV V POLITICKOM POLI POSTSOVIETSKEHO RUSKA

Mgr. Nina Cingerová, PhD.

Katedra ruského jazyka a literatúry, Filozofická fakulta Univerzity Komenského v Bratislave

cingerova@fphil.uniba.sk

РЕЗЮМЕ:
В настоящей статье рассматривается вопрос участия Русской православной церкви в политической жизни постсоветской России. Особое внимание в этой связи уделяется ограничениям, вытекающим из российского законодательства, эволюции взглядов представителей церковной иерархии и соответствующим церковным постановлениям. В качестве иллюстрации институционального присутствия церкви в политической жизни современной России приводится анализ деятельности одной из самых влиятельных общественных организаций в стране – Всемирного Русского Народного Собора, работающего под эгидой Русской православной церкви.

Skôr než začneme rozvíjať tému politizácie pravoslávia a pravoslávnej cirkvi považujem za dôležité pripomenúť, že je vhodné rozlišovať prinajmenšom dve makroúrovne fenoménu, naznačené v názve príspevku: 1. politizáciu pravoslávia, a teda využívanie „pravoslávnych“ ideologém, a 2. politizáciu pravoslávnej cirkvi ako inštitúcie. Aj takéto diferencovanie by však bolo povrchné, ak by sme doňho nezahrnuli aspekt, ktorý môžeme pracovne nazvať aspektom sémantickej kontroly. V prípade, že tak urobíme, môžeme potom v súvislosti s prvou úrovňou hovoriť jednak o tom, ako, kde a pri akej príležitosti narábajú s pravoslávnym ideologémami jednak radoví predstavitelia inštitucionalizovaného pravoslávia, ktorí pôsobia v sociálnom priestore Ruska, jednak aktéri spoločenského, politického a kultúrneho života. V súvislosti s druhou úrovňou nám zohľadnenie aspektu sémantickej kontroly zasa umožní diferencovať medzi pravoslávnou cirkvou v pozícii subjektu a pravoslávnou cirkvou v pozícii objektu. Kým v prípade prvej pozície bude predstavovať oblasť záujmu diskurzné konanie pravoslávnej cirkvi, jej oficiálnej najvyššej hierarchie, v prípade druhej nás bude zaujímať diskurzné konanie, pri ktorom s pravoslávnou cirkvou a jej činnosťou ako cirkevnej inštitúcie narábajú (vstupujú do nej) predstavitelia svetskej moci a predstavitelia rôznych politických subjektov, čo sa udialo napr. pri politizácii začlenenia

Estónskej pravoslávnej cirkvi pod jurisdikciu Konštantínopolu v roku 1996[1]. Toto delenie, samozrejme, nie je absolútne, jednotlivé úrovne sa prelínajú a izolovať ich možno len ako analytické kategórie. Z hľadiska štruktúrovania úvah o danej problematike ho však považujem za potrebné aspoň načrtnúť.

Objektom analýzy v danom článku je diskurzné konanie Ruskej pravoslávnej cirkvi. Zaujímať nás pritom bude také konanie, pri ktorom cirkev ako historicky najvplyvnejšia náboženská organizácia v priestore Ruska a jedna z najdôveryhodnejších spoločenských inštitúcií v krajine[2], a teda organizácia disponujúca značným symbolickým kapitálom v zmysle konceptu P. Bourdieua[3], operuje v prieniku politického a náboženské života. Vzhľadom na historicky špecifickú interakciu svetskej a cirkevnej moci v Rusku je zaujímavé pozorovať, ako súčasná cirkev ako aktér inštitucionálne vstupuje do politického poľa, prispôsobuje sa jeho pravidlám a zároveň na neho pôsobí silou svojej štruktúry a hodnôt[4].

1. Vstupovanie cirkvi do politického života z pohľadu legislatívy

Ruská federácia je podľa Ústavy RF (1993) svetským štátom[5] a moment politizácie náboženstva reflektuje aj federálna legislatíva. V roku 2001 vstúpil do platnosti Zákon o politických stranách, ktorý (čl. 9, bod 3) zakazuje vytváranie politických strán na základe kritéria profesionálnej, rasovej, národnej alebo náboženskej príslušnosti.[6] Z účasti na aktívnom politickom živote krajiny sú na základe platnej legislatívy vylúčené aj náboženské organizácie. Zákon o voľbách poslancov Štátnej dumy Federálneho zhromaždenia Ruskej federácie zakazuje (čl. 55, bod 7) účasť na predvolebnej agitácii náboženským organizáciám, organizáciám, ktoré založili a tiež členom a účastníkom náboženských združení pri vykonávaní obradov a ceremónií.[7] Podobne je tomu aj v prípade volieb prezidenta, kde sa

[1] K účasti svetskej moci na konflikte medzi Moskovským patriarchátom a Estónskou pravoslávnou cirkvou por.: LEBEDEVA, Je. 1996. Raskol neizbežen?, s. 34. K politizácii vzťahov s ekumenickým patriarchom por.: BEĽAKOVA, N. A. 2008. Roľ vselenskogo patriarcha v stranach postsovetskogo prostranstva [online]. [cit. 10.1.2012].

[2] Por.: KAARIAJNEN, K. – FURMAN, D. 2007. Religioznosť v Rossii na rubeže XX-XXI stoletij. s. 112, tab. 9, tab. 10. Por. tiež: FILATOV, S. – VORONCOVA, L. (rozhovor). 1993. Kak iďot religioznoje vozroždenije Rossii, s. 15. Por. tiež: SINELINA, J. 2001. Ataka na RPC?, s. 102-103.

[3] Por.: BOURDIEU, P. 1986. The Forms of Capital, s. 51-53; Por. tiež: SWARTZ, D. 1997. Culture and Power, s. 90-92.

[4] Ku konceptu sociálneho poľa por.: RŮŽIČKA, M. – VAŠÁT, P. 2011. Základní koncepty Pierra Bourdieu : pole – kapitál – habitus, s. 129-130.

[5] Podľa čl. 14 nemôže byť žiadne náboženstvo vyhlásené za štátne, všetky náboženské združenia sú oddelené od štátu a rovné pred zákonom. Por.: *Konstitucija Rossijskoj federacii (priňata vsenarodnym golosovanijem 12.12.1993.*

[6] *Federaľnyj zakon ot 11 ijuľa 2001 g. N 95-FZ „O političeskich partijach“.*

[7] *Federaľnyj zakon Rossijskoj Federacii ot 18 maja 2005 g. N 51- FZ O vyborach deputatov Gosudarstvennoj*

účasť na agitácii zakazuje čl. 49, bodom 4[8] a ústavným zákonom o referende, kde sa v čl. 48, bode 9. sa zakazuje finančne prispievať do fondu referenda náboženským organizáciám a organizáciám, ktoré založili a tiež sa im zakazuje agitácia (čl. 60, bod. 5).[9]

Predstava, že politizáciu pravoslávia možno vyriešiť na úrovni označujúcich nomenklatúry má samozrejme svoje slabiny. Stranícki činitelia môžu zapájať pravoslávie (islam alebo budhizmus) do reťazcov signifikantov, pútať ich uzlovými bodmi a fixovať ich identitu, pracovať s označujúcim, nezávisle od toho, aký názov bude mať ich politický subjekt. Z nášho pohľadu môže byť však dôležité, že legislatíva formuje diskurz takým spôsobom, že postuluje neprípustnosť delenia spoločnosti na základe náboženského či národnostného kritéria a neprípustnosť angažovania náboženských organizácií v politickom živote krajiny[10].

2. Postoj pravoslávnej cirkvi

K neúčasti na aktívnom politickom živote krajiny, a teda odmietaniu politizácie Cirkvi ako inštitúcie, sa prikláňa aj Ruská pravoslávna cirkev. Mnohí z vysokopostavených predstaviteľov cirkvi sa v roku 1989 zúčastňovali Zjazdu ľudových poslancov, no už v roku 1990 Biskupský snem (Archijerejskij sobor) v bode XVII. ustanovil, že v súvislosti s „otázkou účelnosti účasti episkopátu a kléru vo volených mocenských orgánoch sa rieši každý konkrétny prípad nadriadeným orgánom: Svätou synodou v prípade episkopátu a príslušným biskupom v prípade kléru“[11]. Pred parlamentnými voľbami v roku 1993 sa Moskovský patriarchát vyjadril už konkrétnejšie. Svätá synoda v svojom nariadení z 8. októbra 1993 predpísala, aby sa duchovní zriekli účasti na voľbách do zastupiteľských orgánov s odôvodnením, že podobná prax im bráni vykonávať naplno svoje pastierske povinnosti a vyvolala rozpaky medzi veriacimi. Ako výnimku stanovila činnosť v orgánoch, ktoré nepredpokladajú profesionálnu prácu a trvalý úväzok. V prípade nedodržania mali byť duchovní zbavení možnosti vykonávania kňazskej služby.[12] Tento postoj cirkev názorne demonštrovala na prípade Gleba Jakunina, duchovného, poslanca Najvyššieho sovietu RSFSR a v roku 1993-1995 poslanca Štátnej dumy.

Dumy Federaľnogo Sobranija Rossijskoj Federacii.

[8] *Federaľnyj zakon ot 10 janvaria 2003 g. N 19-FZ „O vyborach Prezidenta Rossijskoj Federacii“.*

[9] *Federaľnyj konstitucionnyj zakon Rossijskoj Federacii ot 28 ijuňa 2004 g. N 5-FKZ „O referendume Rossijskoj Federacii“.*

[10] Zákon zároveň obmedzil počet strán, ktoré sa mohli zúčastňovať na voľbách. Tohto aspektu sa však v mojej článku, napriek tomu, že si ho uvedomujem, nedotýkam.

[11] Por.: Opredelenija Archijerejskogo sobora. 1990, s. 12.

[12] Por.: Po materialam zasedanij Sviaščennogo Sinoda Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 1994, s. 40.

Jakunin (spolu s N. Ešlimanom) už v roku 1965 v otvorenom liste patriarchovi Alexejovi I. pranieroval Ruskú pravoslávnu cirkev za servilnosť voči štátnej moci[13] a neskôr bol členom komisie zriadenej pri Najvyššom soviete Ruskej federácie, ktorej cieľom bolo vyšetriť príčiny a okolnosti pokusu o prevrat z augusta 1991 a ktorá zverejnila materiály o spolupráci Moskovskej patriarchátu s KGB[14]. Zbavenie Jakunina možnosti vykonávať kňazskú službu a neskôr aj jeho vylúčenie z cirkvi[15] malo teda osobitú príchuť stretu žalobcu a žalovaného v tieni hriechov, z ktorých sa Ruská pravoslávna cirkev kajala len v obmedzenej miere[16]. Biskupský snem v *Listine o odlúčení Gleba Pavloviča Jakunina od Cirkvi* napokon kritizoval nie politickú činnosť Jakunina ako takú, ale jeho proticirkevnú činnosť a síce konkrétne to, že „продолжает возводить хулы на епископат, духовенство и верных чад Матери-Церкви, тем нанося ей ущерб“[17].

Nariadenie Svätej Synody z októbra 1993 potvrdil v roku 1994 Biskupský snem v stanovisku *O vzťahoch so štátom a svetským spoločenstvom na kanonickom území Moskovského patriarchátu v súčasnosti.* Pôsobenie zákazu na účasť duchovných na voľbách do Federálneho zhromaždenia Ruskej federácie vo funkcii kandidátov a poslancov rozšíril zároveň aj na účasť na voľbách v budúcnosti, s platnosťou pre všetkých duchovných Ruskej pravoslávnej cirkvi a v súvislosti s akýmikoľvek zastupiteľskými orgánmi krajín SNŠ a pobaltských krajín, či už na celoštátnej alebo lokálnej úrovni. Za krajne nežiaduce označil členstvo duchovných v politických stranách, hnutiach, zväzoch, blokoch a iných podobných organizáciách, predovšetkým takých, ktoré vstupujú do predvolebného boja. Možnosť členstva vo vyššie spomenutých organizáciách však pripustil v prípade laikov, rovnako ako vytvorenie nimi takých organizácií, ktoré, v prípade, že sa nazvú *kresťanské* alebo *pravoslávne*, vyzval k väčšej spolupráci s cirkevným vedením. Účasť duchovných, vrátane tých, ktorí zastupujú kanonické cirkevné štruktúry a vedenie cirkvi, pripustil len v prípade podujatí politických organizácií. Povolil cirkevnú spoluprácu s nimi v záležitostiach, ktoré sú užitočné pre cirkev a spoločnosť, v prípade, že táto účasť a spolupráca nemá charakter podpory politických organizácií a slúži budovaniu mieru a porozumenia v ľude a v cirkvi.[18]

---

[13] ELLIS, J. 1986. The Russian Orthodox Church, s. 291-295. Por. tiež: AMLINSKIJ, A. (rozhovor s o. Glebom Jakuninom). 1990. Dom na peske, s. 4.
[14] Por.: DAVIS, N. 1995. A Long Walk to Church, s. 95-97.
[15] Por.: Archijerejskij sobor Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: 29 nojabria – 2 dekabria 1994-g, 1995. s. 184. Por. tiež: Dokumenty Archijerejskogo sobora 18-23 fevraľa 1997 goda : akt ob otlučenii ot Cerkvi Gleba Pavloviča Jakunina [online].
[16] Urobil tak patriarcha Alexej II., ktorý sa ospravedlnil za „mlčanie a vynútenú pasívnosť“. Politiku tzv. sergiánstva však odôvodnil snahou zachrániť Ruskú pravoslávnu cirkev. Por.: ALIMOV, G. – ČARODEJEV, G. (rozhovor s patriarchom Alexejom II.). 1991, s. 2.
[17] Por.: ref. 15.
[18] Por.: ref. 15, s. 186-187.

Ruská pravoslávna cirkev neprejavila záujem ani o spoluprácu s kresťanskými demokratmi. Ruské kresťansko-demokratické hnutie RKDH Viktora Aksiučica, G. Aniščenka a V. Polosina, ktoré patrilo v prvej polovici deväťdesiatych rokov k vplyvnejším hráčom v rámci ruskej kresťanskej demokracie, síce vystupovalo za privilegované postavenie Ruskej pravoslávnej cirkvi, návrat majetku a podporu zo strany štátu, no zároveň propagovalo aj zmierenie Moskovského patriarchátu s Ruskou pravoslávnou cirkvou v zahraničí, ktorých vzťahy boli v 90-tych rokov, v súvislosti s bojom o farnosti na území RF, komplikované.[19] V. Aksiučic prepojenie s Moskovským patriarchátom naznačoval[20], ale vzťahy kresťansko-demokratických subjektoch by sa dali charakterizovať slovami lídra Ruskej kresťansko-demokratickej strany A. Čujeva: „не простые“.[21]

Napriek tomu, že sa väčšie kresťansko-demokratické strany prezentovali ako interkonfesionálne, absencia „cirkevnej základne“ sa zrejme pociťovala ako problematický bod identifikácie strán. Ako ilustráciu môžeme uviesť, že aj líder Ruského kresťansko-demokratického zväzu V. Savickij sa pokúsil, i keď bez úspechu, získať „cirkevnú základňu“ v Ruskej pravoslávnej cirkvi v zahraničí.[22]

Stanovisko k sociálnym problémom, podobné pápežskej encyklike *Rerum novarum* (1891) či dokumentom Druhého vatikánskeho koncilu (1962-1965), nebolo navyše v období stratifikácie politického spektra koncom osemdesiatych a začiatkom deväťdesiatych rokov ešte vypracované. Pokusy o jeho formuláciu boli podniknuté koncom roku 1992 práve s pomocou kresťansko-demokratických strán v spolupráci so synodálnym Oddelením pre styk so zahraničím (Otdel vnešnij cerkovnych snošenij Moskovskogo patriarchata[23])[24], ktoré však výraznejšie výsledky nepriniesli. Až Biskupský snem v decembri 1994 sa tejto otázke opätovne venoval a uložil Svätej synode vytvorenie pracovnej skupiny zahŕňajúcej predstaviteľov synodálnych oddelení, duchovných škôl, cirkevno-spoločenských organizácií, teológov a odborníkov v oblasti cirkevno-spoločenských procesov, ktorá sa mala zaoberať

[19] Por.: IVANENKO, S. I. – PRIBYLOVSKIJ V. V. – SAVEĽOV, V. N. 1993. Partii, dviženija, sojuzy Rossii s religioznymi prioritetami : dokumenty i teksty, s. 7.
[20] V rozhovore pre M. McFaula a S. Markova v máji 1991 vyhlásil: „Dnes sme navštívili patriarchu a musím povedať, že sme dosiahli zaujímavú dohodu týkajúcu sa určitých zaujímavých a sľubných aspektov kresťanskej politiky“. Por.: McFAUL, M. – MARKOV, S. 1993. The Troubled Birth of Russian Democracy, s. 124. Signifikantné je, že Aksiučic hovorí v náznakoch, svoje prehlásenia o návšteve patriarchu halí do tajomstva, no rozuzlenie v podobe konkrétnej náplne rokovaní napokon neprichádza.
[21] Por.: „Naša cel': Postrojenije v Rossii narodnogo kapitalizma“. 1990.
[22] Por.: ŠČIPKOV, A. 1992. Evoľucija našej christianskoj demokratii (v rámci „okrúhleho stola“ na tému Náboženstvo a politika v postsovietskom Rusku), s. 17.
[23] V roku 2000 premenovaný na *Otdel vnešnich cerkovnych sviazej Moskovskogo patriarchata.*
[24] Por.: V otdele vnešnich cerkovnych snošenij.... 1992, s. 3.

projektom dokumentu.[25] *Základy sociálnej koncepcie Ruskej pravoslávnej cirkvi*[26] boli napokon schválené na Biskupskom sneme v auguste 2000.

V prípade spolupráce s politickými stranami (najmä s takými, ktoré sa nominálne i v programoch hlásili ku kresťanskej orientácii) môžeme teda, v súvislosti s obdobím pred rokom 2000, hovoriť aj o absencii podpory zo strany dominantnej kresťanskej náboženskej organizácie v ruskom priestore.[27]

Moskovský patriarchát uprednostnil prezentovať cirkev ako neutrálnu silu otvorenú pre spoluprácu v mene blaha spoločnosti. Ponechal si tak priestor pre interakciu s jednotlivými elementmi politického systému, ktorú mohol, v súlade so stanoviskom Biskupského snemu, vždy označiť za prospešnú pre spoločnosť.

3. Celosvetový ruský ľudový snem

Platformu pre formuláciu pozícií k dianiu v Ruskej federácii poskytoval Celosvetový ruský ľudový snem (Vsemirnyj Russkij Narodnyj Sobor), ktorý pracuje pod záštitou Ruskej pravoslávnej cirkvi. Snem je dobrou ilustráciou toho, ako cirkev inštitucionálne rámcuje svoje vstupovanie do politického poľa. Na základe jeho dokumentov sa dajú zároveň rekonštruovať pozície, ktoré zastávajú predstavitelia cirkvi k jednotlivým otázkam vnútornej a zahraničnej politiky, ako aj styčné body medzi cirkevnými hierarchami a národne patrioticky ladenými kruhmi.

Predchodcom súčasného mimovládneho združenia bol v rokoch 1990-1993 Celosvetový ruský kongres (Vsemirnyj Russkij Kongress) a Celoruského ruského snemu (Vserossijskij Russkij Sobor), v ktorom figurovalo okrem spisovateľa V. Rasputina, známeho svojimi protiliberálnymi postojmi, a lídra Komunistickej strany Ruskej federácie G. Ziuganova aj meno vodcu hnutia Ruská národná jednota A. Barkašova[28]. V roku 1993 predseda kongresu I. Koľčenko nadviazal spoluprácu s predsedom Zväzu spisovateľov Ruska[29] V. Ganičovom a s hierarchami Ruskej pravoslávnej cirkvi, predovšetkým so schopným diplomatom - smolenským a kalinigradským metropolitom Kirillom (Gunďajevom). Spolu vytvorili prípravný výbor I. Celosvetového ruského snemu (Vsemirnyj Russkij Sobor). Jednou z predsedajúcich snemu bola aj Natalia Naročnickaja, bývalá

[25] Por.: ref. 15,. s. 189.
[26] Por.: Osnovy socialnoj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2001.
[27] Por.: ŠČIPKOV, A. (v rozhovore s D. Rebrovom). 2011. Kuda isčezla christianskaja demokratija v Rossii?, s. 16.
[28] LEONID, J. 1996. Russland nach Gorbatschow, s. 285. Odcitované podľa: BEHRENS, K. 2002. Die Russische Orthodoxe Kirche, s. 122.
[29] V porovnaní so Zväzom ruských spisovateľov sa považuje za ten patriotickejší.

poslankyňa nacionalisticky orientovanej strany Vlasť (Rodina), ktorá je v súčasnosti členkou Komisie proti pokusom falzifikácie dejín, ktoré škodia záujmom Ruska (Komissija po protivodejstviju popytkam faľsifikacii istorii v uščerb interesam Rossii).

Prvému snemu, ktorý sa uskutočnil v máji 1993, v predvečer schvaľovania novej náboženskej legislatívy, v moskovskom Danilovom kláštore, požehnal patriarcha Alexej II.

Vo februári 1995 sa v Moskve uskutočnil II. Celosvetový ruský snem, kde boli prijaté viaceré radikálne vyhlásenia s protizápadnou rétorikou. Okrem všadeprítomného vyzdvihovania úlohy, ktorú má pri konsolidácii ruskej spoločnosti zohrať pravoslávna cirkev sa v dokumentoch konštruuje mýtus rozdeleného národa. Vo Výzve II. Celosvetového ruského snemu k ruskému národu sa napríklad hovorí: „Русский народ — **разделенная нация** (zvýraznenie N. C.) на своей исторической территории, которая имеет **право на воссоединение** (zvýraznenie N. C.) в едином государственном теле, являющееся общепризнанной нормой международной политики. Практическая реализация этого права русских на свою **историческую Родину** (zvýraznenie N. C.) и единство есть сложный, не единовременный процесс, который должен быть мирным и ненасильственным. Это подтверждают наглядные, вдохновляющие примеры истории других народов, в частности, немцев. Участники Собора убеждены, что государственное руководство России и все наше общество должны осознать эту несомненную реальность и со всем вниманием отнестись **к проблеме преодоления разделенности русского народа** (zvýraznenie N. C.). Российские власти должны в своих действиях исходить из **статуса нашего народа как разделенного** (zvýraznenie N. C.) и не допускать применения к нему на территории бывшего СССР статуса национальных меньшинств“[30] (zvýraznenie N. C.). Konštruovanie mýtu rozdeleného národa sa nedá vnímať inak ako otvorená provokácia nových štátov „blízkeho zahraničia“.

Po februárovom sneme sa časť radikálnejšie naladených účastníkov snemu oddelila a vytvorila vlastné organizácie - Celosvetový ruský snem (Vsemirnyj Russkij Sobor) na čele s I. Koľčenkom[31] a rovnomenný, ale na Ministerstve spravodlivosti nezaregistrovaný, a teda neoficiálny, snem na čele s podnikateľom I. Malofejevom a prezidentom Ruskej asociácie Hrdinov Sovietskeho zväzu M. Odincovom[32]. Umiernenejšie krídlo zaregistrovalo na Ministerstve spravodlivosti vlastnú organizáciu s dodatkom „ľudový“.

[30] Obraščenije II Vsemirnogo russkogo sobora k russkomu narodu [online]. 3.2.1995.
[31] Vedenie Celosvetového ruského ľudového snemu sa od I. Koľčenka dištancuje a nazýva ho „človekom z minulosti“. Por.: korešpondencia s tajomníkom snemu O. V. Jefimovom v archíve autora.
[32] Por.: VERCHOVSKIJ, A. – MICHAJLOVSKAJA, J. – PRIBYLOVSKIJ, V. 1999. Političeskaja ksenofobija, s. 21-22.

Rečníci tretieho snemu boli rôznorodejší a prvýkrát sa organizácia prostredníctvom tlače dostala aj do povedomia verejnosti. V predvečer parlamentných volieb (mali sa uskutočniť o necelé dva týždne) boli do Danilovho kláštora pozvaní predstavitelia takmer všetkých politických strán. Okrem moskovského primátora J. Lužkova, V. Žirinovského (Liberálna demokratická strana Ruska), G. Ziuganova (Komunistická strana Ruskej federácie), M. Lapšina (Agrárna strana Ruska), J. Gajdara (Demokratická voľba Ruska) aj početní členovia hnutia Náš dom – Rusko, vrátane premiéra V. Černomyrdina[33]. Na čelo snemu bol tentokrát zvolený patriarcha Alexej II., spoločné predsedníctvo si medzi sebou delili metropolita Kirill (Gunďajev), V. Ganičov a Je. Paninová. Napriek odchodu najradikálnejšie zmýšľajúcich účastníkov snemu sa v záverečných dokumentoch zopakovali niektoré tézy známe už z predchádzajúcich zasadnutí, predovšetkým téza o rozdelenom národe[34].

Na VI. sneme, ktorý sa uskutočnil 13.-14. decembra 2001 (teda dva mesiace po útokoch na WTC) vystúpil na sneme po prvýkrát aj prezident RF V. Putin.

Snem, na ktorého čele stojí v súčastnosti patriarcha Kirill (Gunďajev) nie je cirkevnou inštitúciou, je fórom pracujúcim pod záštitou cirkvi. Jeho záverečné dokumenty preto netreba považovať za oficiálnu pozíciu Ruskej pravoslávnej cirkvi, vo veľkej miere však kopírujú pozície patriarchu Kirilla, ktorý sa dá považovať za jeho duchovného otca a hlavného „manažéra“. Pre cirkevných hierarchov sa snem stal platformou pre artikulovanie požiadaviek voči svetskej moci, čo bol prípad apelov na zavedenia vyučovanie náboženstva v štátnych školách[35]. Stal sa miestom, z ktorého sa hlásala a vyzdvihovala úloha, ktorú má zohrať pravoslávna cirkev pri konsolidácii postsovietskej spoločnosti, miestom, na ktorom sa formulovali postoje k otázkam zahraničnej i domácej politiky. Od roku 1993 sa pritom postupne premenil z akademického fóra na platformu, v rámci ktorej aktívne vystupujú najvýznamnejší predstavitelia politického, spoločenského i náboženského života súčasného Ruska. Je politickou silou bez toho, aby bol formálne politickou stranou. Stojí tiež za zmienku, že v roku 2005 bol snemu udelený špeciálny poradný štatút pri OSN.[36]

Platforma Snemu tak predstavuje zaujímavý inštitucionálny príklad prítomnosti pravoslávnej cirkvi v politickom poli ruskej spoločnosti. Jeho dokumenty, ktorým sa pre nedostatok priestoru nemôžeme na tomto mieste podrobnejšie venovať, by sa preto mali stať

[33] Por.: V Moskve načal rabotu III Vsemirnyj russkij narodnyj sobor [online]. 20.05.1995.
[34] Por.: Dokumenty III Vsemirnogo Russkogo narodnogo sobora : itogovyj dokument [online].
[35] Por.: Rezoľucija „O razvitii otečestvennoj sistemy religioznogo obrazovanija i nauki“ [online]. 26.7.2005. Por. tiež: Rezoľucija „O prepodavanii osnov pravoslavnoj kuľtury v škole“ [online]. 26.7.2005.
[36] Por.: Vsemirnyj russkij narodnyj sobor akkreditirovan pri OON [online]. 26.7.2005.

predmetom podrobnejšej analýzy, zameranej na traktovanie takých kľúčových pojmov ako *ľudské práva, demokracia, sloboda* atď., či mimetizmu sovietskych ideologém (napr. kolektivizmu).

Použitá literatúra

ALIMOV, G., ČARODEJEV, G. (rozhovor s patriarchom Alexejom II.). 1991. Prinimaju otvetstvennosť za vsio, čto bylo. In *Izvestija,* 10.6.1991, s. 2.

AMLINSKIJ, A. (rozhovor s o. Glebom Jakuninom). 1990. Dom na peske. In: *Komsomoľskaja pravda,* 7.6.1990, s. 4.

BEHRENS, K. 2002. *Die Russische Orthodoxe Kirche : Segen für die "neuen Zaren".* Paderborn; München; Wien; Zürich : Ferdinand Schöningh, 2002.

BEĽAKOVA, N. A. 2008. *Roľ vselenskogo patriarcha v stranach postsovetskogo prostranstva* [online]. [cit. 1.9.2013]. Dostupné na internete: <http://www.ia-centr.ru/expert/2596/>.

BOURDIEU, P. 1986. The Forms of Capital. In *Handbook of Theory of Resarch for the Sociology of Education,* edited by J. E. Richardson, New York: Greenwood Press, 1986

DAVIS, N. 1995. *A Long Walk to Church : A Contemporary History of Russian Orthodoxy.* Oxford; Boulder : Westview Press, 1995.

ELLIS, J. 1986. *The Russian Orthodox Church : A Contemporary History.* London; Sydney : Croom Helm, 1986

FILATOV, S. – VORONCOVA, L. (rozhovor). 1993. Kak iďot religioznoje vozrožďenije Rossii. In: *Nauka i religija,* No. 6, Ijuň, 1993, s. 15.

IVANENKO, S. I., PRIBYLOVSKIJ, V. V., SAVEĽOV, V. N. 1993. *Partii, dviženija, sojuzy Rossii s religioznymi prioritetami : dokumenty i teksty,* Moskva : b. v., 1993.

KAARIAJNEN, K. – FURMAN, D. 2007. Religioznosť v Rossii na rubeže XX-XXI stoletij. In *Obščestvennyje nauki i sovremennosť,* No. 1, 2007, s. 103-119.

LEBEDEVA, J. 1996. Raskol neizbežen? In: *Moskovskije novosti,* No. 10, 10.-17.3.1996, s. 34.

LEONID, J. 1996. Russland nach Gorbatschow : Wurzeln, Hintergründe, Trends der sich formierenden Gruppierungen : Perspektiven für die Zukunft. Passau : Wissenschaftsverlag Rothe, 1996.

McFAUL, M. – MARKOV, S. 1993. *The Troubled Birth of Russian Democracy : Parties, Personalities, and Programs.* Stanford : Hoover Institution Press, 1993.

„Naša ceľ: Postrojenije v Rossii narodnogo kapitalizma". In: *Interfax* [online]. 21.9.1990 [cit. 1.9.2012]. dostupné na adrese: < http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=1910>.

RŮŽIČKA, M. – VAŠÁT, P. 2011 Základní koncepty Pierra Bourdieu : pole – kapitál – habitus. In: *Antropowebzin,* 2/2011, s. 129-133.

SINELINA, J. 2001. Ataka na RPC?. In: *Sociologičeskije issledovanija,* No. 11, s. 100-104.

SWARTZ, D. 1997. *Culture and Power : The Sociology of Pierre Bourdieu.* Chicago: University of Chicago Press, 1997.

ŠČIPKOV, A. (v rozhovore s D. Rebrovom). 2011. Kuda isčezla christianskaja demokratija v Rossii?. In *Neskučnyj sad,* No. 5 (64), Maj 2011, s. 16.

ŠČIPKOV, A. 1992. Evoľucija našej christianskoj demokratii (v rámci „okrúhleho stola" na tému Náboženstvo a politika v postsovietskom Rusku). In *Voprosy filosofii,* 1992, No. 7, s. 16-20.

VERCHOVSKIJ, A., MICHAJLOVSKAJA, Je., PRIBYLOVSKIJ, V. 1999. *Političeskaja ksenofobija : radikaľnyje gruppy : predstavlenija liderov : roľ Cerkvi.* Moskva : OOO „Panorama", 1999.

V otdele vnešnich cerkovnych snošenij.... 1992. In: *Moskovskije novosti,* No. 50, 13.12.1992, s. 3.

Archijerejskij sobor Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: 29 nojabria – 2 dekabria 1994-g. Moskva : Izdateľstvo Moskovskoj patriarchii, 1995.
Dokumenty Archijerejskogo sobora 18-23 fevraľa 1997 goda : akt ob otlučenii ot Cerkvi Gleba Pavloviča Jakunina [online]. [cit. 1.9.2013]. Dostupné na internete: <http://www.mospat.ru/archive/sobors/1997/411>.
Dokumenty III Vsemirnogo Russkogo narodnogo sobora : itogovyj dokument [online]. [cit. 1.9.2013]. Dostupné na adrese: <http://www.vrns.ru/documents/56/1256/#.UjLsg3_Q5a8>.
Federaľnyj konstitucionnyj zakon Rossijskoj Federacii ot 28 ijuňa 2004 g. N 5-FKZ „O referendume Rossijskoj Federacii“.
Federaľnyj zakon ot 10 janvaria 2003 g. N 19-FZ „O vyborach Prezidenta Rossijskoj Federacii“.
Federaľnyj zakon ot 11 ijuľa 2001 g. N 95-FZ „O političeskich partijach“.
Federaľnyj zakon Rossijskoj Federacii ot 18 maja 2005 g. N 51- FZ O vyborach deputatov Gosudarstvennoj Dumy Federaľnogo Sobranija Rossijskoj Federacii.
Konstitucija Rossijskoj federacii (priňata vsenarodnym golosovanijem 12.12.1993.
Obraščenije II Vsemirnogo russkogo sobora k russkomu narodu [online]. 3.2.1995 [cit. 1.9.2013]. Dostupné na internete: <http://www.vrns.ru/documents/55/1267/#.UjLsLn_Q5a8>.
Opredelenija Archijerejskogo sobora. 1990. In: *Žurnal Moskovskoj Patriarchii,* 1990, No. 1, s. 12.
Osnovy socialnoj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi : jubilejnyj Archijerejskij Sobor Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 13-16 avgusta, Moskva, 2000 g. 2001. Moskva : Izdanije Sviato-Uspenskogo-Pskovo Pečerskogo monastyria, 2001.
Po materialam zasedanij Sviaščennogo Sinoda Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 1994. In: *Žurnal Moskovskoj Patriarchii,* 1994, No. 2., s. 40.
Rezoľucija „O prepodavanii osnov pravoslavnoj kuľtury v škole“ [online]. 26.7.2005 [cit. 1.9.2013]. Dostupné na internete: < http://www.vrns.ru/documents/64/1154/#.UjBk4n_Q5a8 >.
Rezoľucija „O razvitii otečestvennoj sistemy religioznogo obrazovanija i nauki“ [online]. 26.7.2005 [cit. 1.9.2013]. Dostupné na internete: < http://www.vrns.ru/documents/64/1153/#.UjBkDH_Q5a8 >.
V Moskve načal rabotu III Vsemirnyj russkij narodnyj sobor. In: *Interfax* [online]. 20.05.1995 [cit. 1.9.2013]. Dostupné na internete: <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=5666>.
Vsemirnyj russkij narodnyj sobor akkreditirovan pri OON [online]. 26.7.2005 [cit. 1.9.2013]. Dostupné na internete: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=35383>.

PRAVOSLÁVIE V SÚČASNOM ESTÓNSKU: MEDZI MOSKVOU A KONŠTANTÍNOPOLOM

Mgr. Zuzana Cocuľová

absolventka Univerzity Komenského

coculova@gmail.com

РЕЗЮМЕ:
В настоящей статье рассматривается конфликт между двумя православными церквями в современной Эстонии. В целях анализа политизации вопроса выделяются исторические, законодательные, политические, экономические, демографические и религиозние аспекты спора. Значительное внимание также уделяется историческому развитию православной жизни в Эстонии, выделению основных этапов и вех присутствия институционализированного православия на территории данного государства.

V súčasnosti je v Estónsku na základe posledného oficiálneho sčítania obyvateľstva z roku 2011 najrozšírenejším vierovyznaním pravoslávie[37], a to i napriek tomu, že titulárne a väčšinové etnikum republiky – Estónci – sa tradične hlási k luteránstvu. Percentuálne údaje o zastúpení pravoslávia, ktoré je spájané predovšetkým s obrazom *Rusa* a rozpínavého *Ruska,* môžeme navyše považovať za podhodnotené - štatistiky totiž nezahŕňajú ruskojazyčných „neobčanov"[38], ktorí by sa v pozícii menšiny s najväčšou pravdepodobnosťou tiež hlásili k viere svojich predkov. Situácia v jednej z „najateistickejších" krajín Európy[39] je o to zaujímavejšia, že inštitucionálna podoba pravoslávia sa po rozpade Sovietskeho zväzu a vyhlásení suverenity Estónska, stala predmetom politického sporu medzi Moskvou a Tallinnom. Predstavenie najrozšírenejších argumentačných línií sporu je cieľom tohto článku.

[37] Podľa oficiálnych štatistík Estónskej republiky sa k pravosláviu hlási 16,15% obyvateľov a k luteránstvu sa hlási 9,91% obyvateľov, starších ako 15 rokov. Por. www.stat.ee

[38] Občianstvo v Estónsku automaticky dostali obyvatelia a ich potomkovia, ktorí žili na území dnešného Estónska pred rokom 1940. To spôsobilo, že množstvo rusky hovoriaceho obyvateľstva po rozpade ZSSR ostalo bez akejkoľvek štátnej príslušnosti. Obyvatelia – „neobčania" môžu získať občianstvo Estónskej republiky formou naturalizácie. Zákon stanovuje, že občianstvo môže získať žiadateľ úspešným zvládnutím jazykových testov. V roku 2005 počet obyvateľov bez štátnej príslušnosti v Estónsku bol 10%, tento počet z roka na rok klesá. Por. KACINOVÁ, M.: Východná Európa po r. 1991: jazyková situácia a politika. Bratislava: Dizertačná práca, 2009, s. 13 – 16.

[39] V Estónsku sa k možnosti bez vierovyznania pri poslednom sčítaní obyvateľstva z roku 2011 prihlásilo takmer 55% obyvateľstva. Pri predchádzajúcom sčítaní obyvateľstva z roku 2000 bola možnosť hlásiť sa aj k možnosti „ateista", čo využilo takmer 6,5% obyvateľov a k možnosti bez vierovyznania 34% obyvateľov, starších ako 15 rokov. Por. www.stat.ee

1. Pravoslávie v Estónsku

Prvé kontakty s pravoslávnou vierou boli na území dnešného Estónska zaznamenané už v 11. storočí, kedy časť súčasného Estónska kontrolovala Kyjevská Rus. Rozvoj pravoslávia bol na začiatku 13. storočia prerušený vpádom nemeckých rytierov, počas ktorého sa začal postupne udomácňovať v krajine katolicizmus. Samozrejme, pravoslávie úplne zo života nevymizlo, keďže s ruskými obchodníkmi, najmä zo Pskova, estónski obchodníci aj naďalej udržiavali obchodné styky, a tí si v obchodných miestach budovali chrámy, ktoré počas obchodných ciest pravidelne navštevovali. Bohoslužby v týchto chrámoch sa slúžili nielen v staroslovenčine, ale aj v estónskom jazyku, aby im rozumelo aj domáce obyvateľstvo. Takéto mestá sa nachádzali hlavne pri hraniciach s Ruskom, kde dodnes žije ugrofínske etnikum – Setukovia.[40]

V 16. storočí počas Livónskej vojny takmer na celom území dnešného Estónska mali pravoslávni spočiatku výhodné postavenie. Nastala masová výstavba pravoslávnych chrámov v krajine a v Tartu bola v roku 1570 založená biskupská katedra, kde sa vzdelávali noví kňazi. Po porážke Moskvy v Livónskej vojne kontrolovali územie dnešného Estónska Švédi. Postupne sa začal rozširovať nemecký vplyv a mnohí ruskojazyční obyvatelia opustili krajinu. Odchádzalo aj pravoslávne duchovenstvo a v roku 1582 sa zatvorila aj biskupská katedra. Pravoslávie v krajine začalo pomaličky ustupovať a začiatkom 18. storočia existoval iba jediný väčší chrám – chrám sv. Mikuláša v Tallinne.[41]

Priaznivý obrat pre pôsobenie Pravoslávnej cirkvi na území dnešného Estónska priniesol koniec Severnej vojny v prvej polovici 18. storočia. Opätovne sa začali stavať pravoslávne chrámy, do krajiny prichádzali pravoslávni duchovní a počet veriacich začal postupne narastať. Estónsko bolo pripojené k Ruskému impériu, a tak malo pravoslávie v krajine za sebou silnú podporu vtedajšej cárskej moci. Treba dodať, že Pravoslávna cirkev nevenovala prílišnú pozornosť šíreniu pravoslávia v pobaltskej oblasti.[42]

Pravoslávna cirkev mala síce v tomto priestore svoje zázemie a zároveň sa považovala za jednu z najstarších cirkví v krajine, no hromadné konvertovanie Estóncov na pravoslávie bolo zaznamenané až v štyridsiatych rokoch 19. storočia. V roku 1832 Luteránska cirkev na

---

[40] *Pravoslavije v Estonii,* [par. 12.4.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://www.orthodox.ee/epc/index.php/ru/history-ru/81-istoria/70#1

[41] Tamže, dostupné na internetovej stránke: http://www.orthodox.ee/epc/index.php/ru/history-ru/81-istoria/70#1

[42] *V sostave Rossijskoj imperii.* [parafrázované dňa 15.4.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://www.orthodox.ee/epc/index.php/ru/history-ru/81-istoria/70#2 Por. tiež: O´CONNOR, K. 2006. Culture and Customs of the Baltic States. Westport: Greenwood Press, 2006, s. 48.

základe cárskeho dekrétu prišla o privilegované postavenie a roľníci prechádzali na pravoslávie predovšetkým s vidinou možnosti získať spolu s jeho prijatím aj vlastnú pôdu. Ako sa neskôr ukázalo, tá sa nachádzala na ďalekej Sibíri.[43] Rusifikácia, ktorá nastala koncom 19. storočia, spĺňala však aj ďalší cieľ, a to postupné vymanenie estónskeho obyvateľstva z nemeckého vplyvu.[44]

V roku 1918 po povstaní roľníkov vyhlásilo Estónsko nezávislosť a v roku 1920 nezávislosť Estónska uznaná aj sovietskou mocou. Tým, že estónske biskupstvo sa ocitlo za hranicami sovietskeho Ruska, vzťahoval sa na tamojšie cirkevné štruktúry Výnos najsvätejšieho patriarchu, Posvätnej synody a Najvyššej cirkevnej rady Pravoslávnej ruskej cirkvi z novembra 1920[45], vymedzujúci postup eparchií, ktoré sa ocitli v izolácii od materskej cirkvi. V tejto situácii sa predstavitelia Estónskej pravoslávnej cirkvi obrátili na Konštantínopol s prosbou o prijatie cirkvi pod jurisdikciu Konštantínopolského patriarchátu. Ten cirkev prijal dňa 7. júla 1923 podpisom synodálneho tomosu pod svoju jurisdikciu a zároveň jej daroval autonómiu. Týmto dňom oficiálne vznikla Estónska pravoslávna cirkev Konštantínopolského patriarchátu.[46] Avšak po tom, ako bolo Estónsko v roku 1940 pripojené k ZSSR, Synoda Estónskej pravoslávnej cirkvi bola prinútená opäť prejsť pod jurisdikciu Moskovského patriarchátu. V marci 1941 sa konala ceremónia spojenia oboch cirkví. Predstavenstvo cirkvi Konštantínopolského patriarchátu aj naďalej jestvovalo, ale pracovalo predovšetkým v exile. Po vpáde nemeckých vojsk do pobaltských krajín sa kontakt s Moskovským patriarchátom opäť prerušil a väčšina pravoslávnych farností v Estónsku sa pokúšala odčleniť sa od Moskvy, čo sa im na krátku dobu aj podarilo. Roku 1944 boli pravoslávne farnosti v Estónsku znovu pričlenené pod jurisdikciu Moskovského patriarchátu, ale krátko pred vstupom sovietskej armády krajinu opustilo 23 duchovných Estónskej apoštolskej cirkví spolu s metropolitom Alexandrom. Títo duchovní pracovali v exile v súlade so stanovami Estónskej apoštolskej cirkvi. Dňa 3 mája 1978 konštantínopolský patriarcha

---

[43] Por.: O´CONNOR, K. 2006. Culture and Customs of the Baltic States. Westport: Greenwood Press, 2006, s. 49.

[44] Treba mať pritom na pamäti, že vtedajšia legislatíva zakazovala konvertovanie z pravoslávia na inú vieru. Por.: Enciklopedicheskij slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: *Rossija. Politicheskij otdel i finansy: Cerkov.* [Par. 14.9.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/139731/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F.

[45] Postanovlenije Sviatejšego Patriarcha, Sviaščennogo Sinoda i Vysšego Cerkovnogo Soveta Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi (No. 362). Por.: Dokument č. 27. In: *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov v sovetskoje vremia (1917-1991) : materialy i dokumenty po istorii otnošenij meždu gosudarstvom i Cerkoviu.* Sostaviteľ G. Štrikker. Moskva : Propilei, 1995.

[46] RIMESTAD, Sebastian: Die beiden orthodoxen Kirchen von Estland. In: *G2W*, február 2011, s. 25-27.

Dmitrij II. vniesol do protokolu № 267, že synodálny tomos z roku 1923 sa stáva neplatným, pretože kánonické kontakty s Ruskou pravoslávnou cirkvou sa obnovili.[47]

Krátko po rozpade ZSSR sa Pravoslávna cirkev v Estónsku „rozdelila“ na dva tábory. Časť si želala Pravoslávnu cirkev pod Moskovským patriarchátom, druhá časť žiadala návrat pod Konštantínopolský patriarchát. Niekoľkonásobné rokovania medzi oboma patriarchátmi – Moskovským a Konštantínopolským – neviedli k riešeniu. V prípade tých, ktorí si želali návrat pod Konštantínopol, bolo najsilnejším argumentom vymanenie sa spod vplyvu Moskvy, teda pozícia, zaujímajúca i politické špičky krajiny. Najsvätejšia Synoda pravoslávnej cirkvi v Moskve sa v tejto situácii rozhodla poskytnúť Pravoslávnej cirkvi v Estónsku v auguste 1992 širšie právomoci. V apríli 1993 patriarcha Alexej II.[48] odovzdal arcibiskupovi Kornilijovi dekrét o vytvorení autonómnej cirkvi.[49]

Spor medzi Konštantínopolom a Moskvou sa vyostril po zaregistrovaní Estónskej apoštolsko-pravoslávnej cirkvi dňa 11. augusta 1993, na úrade Ministerstva vnútra Estónskej republiky. Následne jej v reštitúcii ministerstvo pridelilo takmer celý majetok, ktorý kedysi patril Pravoslávnej cirkvi. Dňa 20. februára 1996 najsvätejšia synoda Konštantínopolského patriarchátu znovu obnovila účinnosť synodálneho tomosu z roku 1923 a prijala Estónsku apoštolsko-pravoslávnu cirkev pod svoju jurisdikciu bez vedomia Moskovského patriarchátu. Reakcia Moskovského patriarchátu na seba nenechala dlho čakať – okamžite prerušil všetky vzťahy s Konštantínopolským patriarchátom.[50]

16. mája 1996 sa vo Švajčiarsku konalo stretnutie najvyšších predstaviteľov Konštantínopolského a Moskovského patriarchátu, kde prijali spoločné rozhodnutie, ktoré bolo následne schválené oboma synodami. Jadrom dohody bolo, že v Estónsku budú existovať paralelne obe cirkvi, jedna pod správou Konštantínopolského patriarchátu, druhá pod správou Moskovského patriarchátu.

V roku 2000 sa konalo zasadnutie Estónskej pravoslávnej cirkvi Moskovského patriarchátu, kde prijali rozhodnutie oficiálne sa zaregistrovať. Registrácia bola zamietnutá z dôvodu, že názov cirkvi je úplne totožný s už zaregistrovanou Estónskou apoštolsko-

---

[47] Ringvee, R.: *Istorija pravoslavja v Estonii.* [Par. 10.9.2013] Dostupné na internetovej stránke: http://rus.postimees.ee/1270858/ringo-ringveje-istorija-pravoslavija-v-jestonii Por. tiež *20 let nazad Svjatejshij Patriarch Aleksij II. vosstanovil samostojatelnost Pravoslavnoj Cerkvi v Estonii.* [Par. 14.8.2013] Dostupné na internetovej stránke: http://www.baltwillinfo.com/2013/mp05-2013/17.html

[48] Patriarcha Alexij II. (vlastným menom Alexej Michajlovič Ridiger), sa narodil v roku 1929 v Tallinne, v poradí ako 16. patriarcha moskovský a celého Ruska. Na čele cirkvi stál od roku 1990 až do jeho smrti v roku 2008.

[49] *Estonskaja Pravoslavnaja Cerkov Moskovskogo Patriarchata.* [Par. 25.4.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://www.religio.ru/dosje/25/276.html

[50] Tamže, [par. 25.4.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://www.religio.ru/dosje/25/276.html

pravoslávnou cirkvou (ďalej len EAPC). V roku 2001 vláda Estónskej republiky ponúkla Pravoslávnej cirkvi Moskovského patriarchátu možnosť zaregistrovať sa ako zahraničné biskupstvo Ruskej pravoslávnej cirkvi, no toto riešenie patriarchát zamietol. Jedným z dôvodov bolo, že by ako zahraničná cirkev stratila všetky práva na cirkevné majetky. Registrácia na Ministerstve vnútra Estónskej republiky sa uskutočnila v apríli 2002 pod názvom Estónska pravoslávna cirkev Moskovského patriarchátu (ďalej len EPC MP).[51]

2. Argumentačné línie v spore medzi cirkvami

V ďalších úvahách sa dotkneme argumentácií oboch strán. Opierame sa pritom o štúdiu S. Rimestada, ktorý v rámci sporu deteguje historické, právne, politické, ekonomické, demografické a náboženské hľadisko.

- *Historické hľadisko*

Obe pravoslávne cirkví sa doposiaľ nevedia dohodnúť, ktorá z nich je z historického hľadiska staršia a tradičnejšia[52]. Nehľadiac na počiatky pravoslávia, ale na udalosti spojené s obdobím ZSSR, EPC MP tvrdí, že ona je jediná a pravá Pravoslávna cirkev v Estónsku. EAPC zase oponuje, že synodálny tomos s Konštantínopolským patriarchátom z roku 1923 nebol nikdy právoplatne zrušený a následný prechod pod jurisdikciu Moskovského patriarchátu bol podpísaný pod nátlakom, a preto nemôže byť považovaný za platný. Podľa tvrdení EPC MP práve ona je z historického hľadiska staršia, pretože práve ruskí pravoslávni mnísi oboznamovali s pravoslávím obyvateľstvo, ktoré žilo na území dnešného Estónska.[53]

- *Právne hľadisko*

V právnej rovine je kameňom úrazu oficiálne zaregistrovanie EAPC v roku 1993. EPC MP bola táto možnosť zamietnutá, keďže sa už nemohla zaregistrovať pod tým istým názvom ako EAPC. Moskovský patriarchát však zastával názor, že iný názov neprichádzal do úvahy, keďže pod týmto názvom cirkev existovala niekoľko desaťročí. EPC MP dostala možnosť zaregistrovať sa iba ako nová zahraničná cirkev, s čím predstavitelia nemohli súhlasiť, keďže by v tejto pozícii nemali právo na návrat cirkevného majetku. Moskovský patriarchát sa teda rozhodol riešiť situáciu súdnou cestou. Po zamietavom verdikte súdu v Estónsku sa patriarcha Alexij II. rozhodol podať žalobu na Európsky súdny dvor pre ľudské práva. Okrem toho sa

[51] *Estonskaja Pravoslavnaja Cerkov Moskovskogo Patriarchata.* [parafrázované dňa: 25.4.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://www.religio.ru/dosje/25/276.html

[52] V Estónsku neexistuje oficiálne delenie cirkví na tradičné a nové. Štát akceptuje historické korene jednotlivých cirkví iba pri reštitúcií cirkevného majetku. (RINGVEE, R. <Ringo.Ringvee@siseministeerium.ee>: Adviser Religious Affairs Department, Ministry of the Interior of Estonian republic. 12.6.2013. Komunikácia prostredníctvom emailu v archíve autora.)

[53] RIMESTAD, Sebastian: The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917-1940). Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2012, s. 120-150.

patriarcha Alexij II. obrátil na OBSE a EÚ. Bez úspechu. Registrácia EPC MP sa uskutočnila v roku 2002 po prijatí nového zákona o cirkvách a náboženských spoločenstvách.[54] Cirkev Moskovského patriarchátu nebola do roku 2002 de iure oficiálne existujúcou náboženskou spoločnosťou v Estónsku, a to aj napriek tomu, že bola od vzniku nezávislej Estónskej republiky verejne činná a taktiež vykonávala liturgické obrady.[55]

- *Politické hľadisko*

Estónska vláda sa snaží byť korektná v náboženských otázkach, možno ju považovať v tejto oblasti za pomerne zdržanlivú, no v prípade konfliktu dvoch pravoslávnych patriarchátov vyvinula nezvyčajnú aktivitu. Podľa mnohých pozorovateľov konfliktu sa estónska vláda priklonila na stranu Konštantínopolského patriarchátu. Estónski politickí predstavitelia považovali pripojenie Pravoslávnej cirkvi pod jurisdikciu Moskovského patriarchátu počas obdobia ZSSR za vynútené a teda aj za neplatné. Náklonnosť politických predstaviteľov pre „konštantínopolské“ riešenie bola zjavná najmä do roku 2001. Po zvolení Arnolda Rüütela[56] za prezidenta sa situácia mierne uvoľnila. Prezident Estónskej republiky pochádzal z estónskej pravoslávnej rodiny a bol politický aktívny už počas sovietskeho režimu. Počas prezidentovania Arnolda Rüütela, vláda ER nevenovala v porovnaní s predchádzajúcou vládou cirkevným otázkam takú pozornosť, čo bol jeden z hlavných podnetov k uvoľneniu napätia aj v otázkach pravoslávia.[57]

Náboženská situácia v Estónsku bola diskutovanou témou aj na ruskej politickej scéne. Ruský prezident Boris Jeľcin dokonca v tejto súvislosti zvažoval uvalenie sankcií na Estónsku republiku, aby prinútil súdobú vládu oficiálne zaregistrovať EPC MP, ktorá by získala rovnaké práva ako EAPC.[58]

Situáciu pri riešení sporov komplikovala aj skutočnosť, že moskovský patriarcha Alexij II. pochádzal z Estónska a 25 rokov tam pôsobil ako arcibiskup tallinnský a celého Estónska, preto celú situáciu prežíval o to intenzívnejšie. V súčasnosti sa predpokladá, že riešenie komplikovanej situácie bude prebiehať rýchlejšie, keďže u patriarchu Kirilla osobný faktor voči Estónsku odpadá.

- *Ekonomické hľadisko*

Najspornejšou a zároveň najdiskutovanejšou otázkou bola otázka majetkového vyrovnania. Väčšina pravoslávneho majetku v reštitúcii pripadla EAPC, keďže bola

[54] Churches and congregations Act of 12 February 2002. [*Translation: Estonian Legal Language Centre*]. Anglická mutácia dostupná na internetovej stránke: http://www.legaltext.ee
[55] RIMESTAD, Sebastian: Die beiden orthodoxen Kirchen von Estland. In: *G2W*, február 2011, s. 25-27.
[56] Arnold Rüütel, prezident Estónskej republiky v rokoch 2001 – 2006, ľavicovo orientovaný.
[57] RIMESTAD, Sebastian: Die beiden orthodoxen Kirchen von Estland. In: *G2W*, február 2011. s. 25-27.
[58] RIMESTAD, Sebastian: Die beiden orthodoxen Kirchen von Estland. In: *G2W*, február 2011. s. 25-27.

zaregistrovaná v krajine ako prvá pravoslávna cirkev a zároveň bola na základe preukázaných dokumentov, ktoré poskytla Ministerstvu, určená za právoplatného vlastníka majetku, ktoré vlastnila Pravoslávna cirkev pred obdobím pričlenenia k ZSSR. Moskovský patriarchát sa nehodlá vzdať práva na cirkevný majetok, keďže pravoslávnej cirkvi pred vyvlastnením majetku patrilo takmer 5% pozemkov z celkového územia Estónska, a preto sa snaží vyriešiť túto situáciu vo svoj prospech. Svoje práva na majetok Moskovský patriarchát obhajuje tým, že sa dlhé roky staral a ochraňoval ho podľa možností počas celého sovietskeho obdobia. Ministerstvo vnútra Estónskej republiky, ktoré malo spočiatku všetky cirkevné majetky pod svojou správou, túto skutočnosť vôbec nezohľadnilo, keďže väčšina majetku bola už vo vlastníctve EAPC. Zaregistrovanie EAPC, ktorá patrí pod jurisdikciu Konštantínopolského patriarchátu znamenalo, že táto cirkev dostala všetky pozemky a pravoslávne cirkevné budovy, ktoré využíval aj Moskovský patriarchát. Po zaregistrovaní EPC MP v roku 2002 bola otázka vlastníctva majetku, ktorý pripadne tejto cirkvi, vyriešená a v októbri toho istého roku bolo na stretnutí medzi EAPC, EPC MP a Ministerstvom vnútra Estónskej republiky nájdené riešenie, s ktorým súhlasili všetky zúčastnené strany. Všetky budovy, ktoré dovtedy využívala EPC MP boli bezplatne prevedené do vlastníctva Ministerstva vnútra Estónskej republiky, a to ich potom za symbolickú sumu prenajalo EPC MP. Ministerstvo vnútra Estónskej republiky na znak dohody s EAPC investovalo 2,25 mil. eur do renovácie cirkevných budov patriacich EAPC. EPC MP však tvrdí, že sa stále cíti byť iba „hosťom vo vlastnom dome“, pretože oficiálnym vlastníkom je stále Ministerstvo vnútra Estónskej republiky a EAPC je oficiálnym vlastníkom ostatných budov, ktoré patrili Pravoslávnej cirkvi začiatkom 20. storočia.[59]

V Estónsku existujú aj dve stavropegiálne budovy Piuchtický ženský Uspenský kláštor pri Kuremäe a Katedrála Alexandra Nevského v Tallinne, ktoré sú podriadené priamo Moskovskému patriarchátu a boli svojim spôsobom mimo konfliktu, ktorý vznikol medzi EPC MP a EAPC. V tomto prípade EAPC a EPC MP nevedeli dokázať, že boli vlastníkmi oboch cirkevných budov (viď podmienky reštitúcie cirkevného majetku)[60], a tak koncom 90.

[59] RIMESTAD, Sebastian: Die beiden orthodoxen Kirchen von Estland. In: *G2W*, február 2011. s. 25-27.

[60] Štát bol povinný vrátiť majetok náboženským spoločnostiam, ak predložili hodnoverné dokumenty o vlastníctve daného majetku pred vyvlastnením. Podľa oficiálnych vyjadrení štátu bol majetok, ktorý bol vyvlastnený, vrátený náboženským spoločnostiam, v súčasnosti nie sú známe žiadne podlžnosti štátu voči niektorej z cirkví. Tie majetky, ktoré boli nenávratne zničené a dokázateľné danou náboženskou spoločnosťou, alebo cirkvou, boli finančne kompenzované. Po získaní reštituovaného majetku cirkev mala slobodné podmienky na jeho opätovné užívanie, alebo predaj, pretože štát všetko vysporiadal ešte pred vrátením. Takýto proces reštitúcie sa v Európe považuje za jednu z ukážkových najmä v krajinách bývalého sovietskeho bloku. Por. CSONGOR, K.: Post-Communist Restitution and the Rule of Law. Budapest: Central European University Share Company, 2009. s. 170 – 182.

rokov 20. storočia prešli do vlastníctva štátu a ten za symbolickú cenu prenajal obe budovy do užívania obom cirkvám. Obe pravoslávne cirkví akceptujú stavropegiálny charakter spomínaných budov.[61]

- *Demografické hľadisko*

Demografická situácia pravoslávnych veriacich v Estónsku je pomerne komplikovaná, keďže Štatistický úrad Estónskej republiky nevedie oficiálne štatistiky, v ktorých by sa veriaci mohli hlásiť priamo k Cirkvi, nielen k vierovyznaniu. Podľa dostupných informácií sa k EAPC hlásia veriaci prevažne estónskej národnosti a k EPC MP patria z väčšej časti veriaci ruskej národnosti. Dôležitú úlohu pri takomto rozdelení veriacich zohrali aj historické súvislosti, napr. v medzivojnovom období sa k EAPC hlásila približne 1/5 estónskeho obyvateľstva. Väčšina veriacich narodených v medzivojnovom období v súčasnosti žije mimo Estónska, buď v exile (najmä obyvatelia estónskej národnosti), alebo v okolí Pečory[62] (Pskovská oblasť, Rusko). V súčasnosti sa väčšina pravoslávnych veriacich v Estónsku hlási k ruskej národnosti, sú to najmä imigranti, ktorí pricestovali za prácou do krajiny počas obdobia existencie ZSSR. Môžeme vychádzať z toho, že pre ruskú menšinu žijúcu v Estónsku je pravoslávne vierovyznanie veľmi dôležité a keďže žijú v diaspóre považujú ho za tmel ich spoločenstva, jeden z prvok identity[63].

- *Náboženské hľadisko*

Je signifikantné, že politický a ekonomický rozmer je natoľko významný, že náboženský rozmer konfliktu je len zriedka tematizovaný. EPC MP nepovažuje EAPC za pravú pravoslávnu cirkev, keďže sa riadi tradíciou starých Estóncov, tým že vykonáva bohoslužby v estónskom jazyku a riadi sa gregoriánskym kalendárom. Na druhej strane EAPC zase podozrieva EPC MP, že v minulosti intenzívne spolupracovala so sovietskym režimom. Aj keď všetky tieto argumenty sú prezentované z náboženského hľadiska, zároveň majú tieto argumenty aj politicko-mocenský charakter.[64]

Tento konflikt bude stále „tlieť“ pokiaľ sa medzi sebou nedohodnú predstavitelia oboch cirkví, aj napriek tomu, že sa štát snaží byť ich mediátorom. Spor medzi nimi doposiaľ neovplyvňuje duchovný život obyvateľov, ktorí sa hlásia k pravosláviu, ale ak sa tieto napäté

[61] STRICKER, Von Gerd: Zwietes und drittes Rom im Widerstreit. In: *G2W*, ročník 24, apríl 1996. s. 17-24.
[62] Pečorské okolie je územie, ktoré hraničí s Estónskou republikou na juhovýchode krajiny, kde žijú obyvatelia, ktorí sa hlásia k národnosti Setu. Obyvatelia estónskeho pôvodu žijúci v tomto okolí sa hlásia práve k národnosti Setu.
[63] RIMESTAD, Sebastian: Die beiden orthodoxen Kirchen von Estland. In: *G2W*, február 2011, s. 25-27. Por. tiež: *Staryje cerkvi, novyje verujuščije : religija v massovom soznanii postsovetskoj Rossii*. Pod red. prof. K. Kaariajnena i prof. D. Je. Furmana. Sankt-Peterburg; Moskva : Letnij sad, 2000, s. 243 – 246.
[64] RIMESTAD, Sebastian: Die beiden orthodoxen Kirchen von Estland. In: *G2W*, február 2011, s. 25-27.

vzťahy nezačnú vyrovnávať, situácia sa môže zmeniť a cirkvi začnú strácať svojich veriacich. Konflikty medzi dvoma pravoslávnymi mocnosťami - Konštantínopolským a Moskovským patriarchátom - existujú už od konca druhej svetovej vojny a netýkajú sa iba týchto dvoch pravoslávnych cirkví v Estónsku. Spor medzi Konštantínopolom a Moskvou prežíva v súčasnosti aj Ukrajina[65]. Estónsky prípad tak môže predstavovať zaujímavé východisko pre komparatívne zamerané štúdie politizácie cirkevných sporov v postsovietskom priestore.

POUŽITÁ LITERATÚRA

Churches and congregations Act of 12 February 2002. [*Translation: Estonian Legal Language Centre*]. Anglická mutácia dostupná na internetovej stránke: http://www.legaltext.ee

CSONGOR, K.: Post-Communist Restitution and the Rule of Law. Budapest: Central European University Share Company, 2009.

Enciklopedicheskij slovar F.A. Brokgauza i I.A. Efrona: *Rossija. Politicheskij otdel i finansy: Cerkov.* [Par. 14.9.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/139731/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F

Estonskaja Pravoslavnaja Cerkov Moskovskogo Patriarchata. [parafrázované dňa: 25.4.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://www.religio.ru/dosje/25/276.html

Pravoslavije v Estonii, [Par. 12.4.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://www.orthodox.ee/epc/index.php/ru/history-ru/81-istoria/70#1

RIMESTAD, Sebastian: Die beiden orthodoxen Kirchen von Estland. In: *G2W*, február 2011.

RIMESTAD, Sebastian: The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917-1940). Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2012.

RINGVEE, R. <Ringo.Ringvee@siseministeerium.ee>: Adviser Religious Affairs Department, Ministry of the Interior of Estonian republic. 12.6.2013. Komunikácia prostredníctvom emailu v archíve autora.

Staryje cerkvi, novyje verujuščije : religija v massovom soznanii postsovetskoj Rossii. Pod red. prof. K. Kaariajnena i prof. D. Je. Furmana. Sankt-Peterburg; Moskva : Letnij sad, 2000.

[65] Na Ukrajine sú zaregistrované tri pravoslávne cirkví. Ukrajinská autofekálna pravoslávna cirkev a Pravoslávna cirkev Kyjevského patriarchátu nie sú uznané ani jednou pravoslávnou cirkvou vo svete a sú považované za schizmatické cirkvi. Najpočetnejšou cirkvou je Ukrajinská pravoslávna cirkev Moskovského patriarchátu. Tí ukrajinskí politickí predstavitelia, ktorí sa snažia vymaniť spod vplyvu Moskvy, sa spoliehajú na pomoc Konštantínopolu, že prijme schizmatické cirkvi pod svoju jurisdikciu a tým pomôže krajine vytvoriť národnú cirkev.

STRICKER, Von Gerd: Zwietes und drittes Rom im Widerstreit. In: *G2W*, ročník 24, apríl 1996.

Russkaja Pravoslavnaja Cerkov v sovetskoje vremia (1917-1991) : materialy i dokumenty po istorii otnošenij meždu gosudarstvom i Cerkoviu. Kniga 1 i 2. Sostaviteľ G. Štrikker. Moskva : Propilei, 1995.

V sostave Rossijskoj imperii. [Par. 15.4.2013]. Dostupné na internetovej stránke: http://www.orthodox.ee/epc/index.php/ru/history-ru/81-istoria/70#2

Ringvee, R.: *Istorija pravoslavja v Estonii.* [Par. 10.9.2013] Dostupné na internetovej stránke: http://rus.postimees.ee/1270858/ringo-ringveje-istorija-pravoslavija-v-jestonii

20 let nazad Svjatejshij Patriarch Aleksij II. vosstanovil samostojatelnost Pravoslavnoj Cerkvi v Estonii. [Par. 14.8.2013] Dostupné na internetovej stránke: http://www.baltwillinfo.com/2013/mp05-2013/17.html

„JAZYK IĽJIČA" V SÚČASNOM RUSKOM MEDIÁLNOM DISKURZE

Mgr. Katarína Hrčková

Katedra ruského jazyka a literatúry, Filozofická fakulta, Univerzita Komenského v Bratislave

hrckovak@gmail.com

РЕЗЮМЕ:
В своей статье я сосредоточилась на крылатые выражения советской эпохи и их использование в языке газет. В современной печати я искала выражения принадлежащие В. И. Ленину и пыталась узнать в каком контексте они употреблены и можно ли обнаружить семантические изменения, если да, то какого они рода, какие ассоциации связаны с этими выражениями в настоящее время. Я также искала подтверждение широко распространённого мнения, что советские выражения употребляются сегодня как средство иронии.

1. Úvod

V súčasnosti nás z médií bombardujú neologizmy, no i minulé obdobia boli charakteristické špecifickou lexikou, ktorú dnes zaraďujme do kategórie historizmov. Je už učebnicovou pravdou, že zánikom mnohých javov sa ich pomenovania rýchlo historizovali[1] a v lexikálnom systéme ruského jazyka došlo k posunom, ktoré sa najvýraznejšie prejavili v dobovej publicistike.[2]

V tejto práci som sa rozhodla preskúmať problematiku využívania okrídlených výrazov a fráz sovietskeho obdobia v súčasnom mediálnom diskurze. Na príklade niekoľkých vybraných citátov sa budem snažiť poukázať na ich súčasné využitie, významové posuny a asociácie, ktoré daný výraz vyvoláva v súčasnosti.

Z okrídlených výrazov sovietskej epochy, som vybrala tie, ktoré sa nepripisujú spisovateľom a nie sú súčasťou diel krásnej literatúry, no sú rozšírené a často používané. Ide o výrazy Lenina *Великий почин*3, ktorým označil pracovné soboty, a *Ум, честь и совесть нашей эпохи*4 týkajúci sa komunistickej strany. Tieto výrazy som hľadala v článkoch

1 Por. bližšie: DOLNÍK, Juraj. 2003. *Lexikológia*, Bratislava, Univerzita Komenského Bratislava, 2003,str. 191, ISBN 80-223-733-0

2 Por. bližšie: ADAMKA, Pavol. 2011. *Ruská publicistika*, Nitra, UKF, 2011, str. 57, ISBN 978-80-8094-838-2

3 Por. bližšie: СЕРОВ, Вадим. 2005 Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Москва, Локид-Пресс, cit. 10-04-2013. dostupné na: http://www.bibliotekar.ru/encSlov/

4 Por. bližšie: СЕРОВ, Вадим. 2005 Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Москва, Локид-Пресс, cit. 10-04-2013. dostupné na: http://www.bibliotekar.ru/encSlov/

uverejnených v rokoch 2010 - 2013 v internetových vydaniach populárnych novín a týždenníkov:*Советская Россия*[5], *Известия*[6], *Аргументы и факты*[7], *Новая Газета*[8].

2. Analýza textov

V analyzovaných periodikách som pomocou vyhľadávača našla články, v ktorých sa nachádzali skúmané výrazy a ktoré boli vydané v období od roku 2010 dodnes. Treba však samozrejme podotknúť, že pri práci mohli vzniknúť aj odchýlky spôsobené nespoľahlivosťou internetového vyhľadávača či ľudským faktorom. Prvé periodikum - *Советская Россия* – sľubovalo širokú škálu využitia hľadaných výrazov. Prekvapivo som však nenašla výrazne viac ukážok ako v iných periodikách. Prvý hľadaný výraz, leninský *Великий почин*, sa objavili v texte s názvom *Когда уляжется пыль…или Прощай, курорт Сочи!*[9]. Článok hovorí o meste Soči, liečivých prameňoch a významných osobnostiach, ktoré sa v kúpeľoch liečili:

“В списках пациентов Мацесты значится немало исторических личностей. Прежде всего – Сталин.”

S postavou Stalina je spojené použitie hľadaného výrazu. Autor popisuje stavbu ozdravovne moskovských železničiarov, na ktorú sa prišiel pozrieť aj J. V. Stalin.

“Осмотрев здание, Иосиф Виссарионович довольно заметил: «Это хорошо, что московские железнодорожники заботятся о здоровье своих работников. Похвально, что и в этом важном деле они сделали Великий почин»”.

V uvedenej vete je tento okrídlený výraz použitý v pôvodnom zmysle – začiatok niečoho veľkého a prospešného – v tomto prípade starostlivosti o zdravie zamestnancov železníc. No hneď v nadväzujúcej vete autor opäť používa slovo *почин*, no v úplne opačnom zmysle:

“Теперь глава РЖД Дмитрий Якунин отличился другим почином: он сумел добиться приватизации зданий вокзалов и привокзальных территорий, и на месте круглого павильона на знаменитой привокзальной площади Сочи его сын строит огромное здание-комод новой гостиницы, уродующей вид ворот курорта.”

Nejedná sa už o začiatok čohosi prospešného, ide o privatizáciu, ktorá sa podľa mienky autora neodohrala zákonnou cestou. V dvoch vetách jedného článku máme príklad použitia slávneho výroku v prvotnom význame a zároveň aj jeho negáciu. Z daného vyplýva. že kým vo vzťahu

5 Dostupne na: http://www.sovross.ru/
6 Dostupné na: http://izvestia.ru/
7 Dostupné na: http://www.aif.ru/
8 Dostupné na: http://www.novayagazeta.ru/
9 Dostupné na: http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=593035 (12.04.2013)

k socialistickej minulosti sa výraz používa v pozitívnom slova zmysle, v súčasnom kontexte sa využíva skôr ironicky - *великий почин* sa pripisuje oligarchom a podvodníkom. Druhý analyzovaný článok nesie názov *Без крыльев - без щита, Защитят ли нас кадеты?*[10]. Autor v ňom pojednáva o zrušení vojenskej akadémie a jej nahradení vojenskou školou, ktorá síce patrí pod ministerstvo obrany, no v ňom

"можно будет наблюдать процесс демилитаризации".

Novú školu, ktorá sa hrdí prívlastkom prezidentská, prišiel otvoriť prezident Medvedev. Autor na margo otvárania škôl hovorí:

"Почин, безусловно, настолько великий и полезный, что встретит единодушную поддержку во всех городах, селах и деревнях.".

Pri celkovom ironickom vyznení článku je i daný výraz použitý ironicky. Opäť sa potvrdilo, že daný sovietsky výraz je v kontexte súčasnosti použitý v ironickom zmysle a dostáva sa do konfrontácie s minulosťou.

Rovnaký výraz sme sa snažili nájsť aj v periodiku *Известия*. Vyjadrenie sme našli v článku *Великий коммерческий почин*[11]. Okrídlený výraz *великий почин* sa nachádza už v názve. Nejde však o výraz v čistej podobe, ale o jeho modifikáciu a zároveň aktualizáciu. Obsah článku tvorí zamyslenie autora nad spoplatnením niektorých verejných služieb a tým vyvolané zníženie korupcie. Autor vyzdvihuje zavedenie poplatkov vo Federálnej migračnej službe za urýchlené vydanie pasu a podobné úkony. Vyhlasuje, že vďaka tomuto kroku už občania nebudú musieť vybavovať doklady po známosti či pomocou úplatkov. Zároveň však zavedené kroky svedčia o „zlegalizovaní" pomalých byrokratických procedúr, ktoré sa budú dať urýchliť len za poplatok. Autor ďalej hovorí:

"Вообще, конечно, прибегая к методам экстраполяции и легкой гиперболизации, сей великий почин, глядя на бестолковость, толчею, а порой и хамство в государственных присутственных местах, стоит распространить решительно и широко."

Pokračuje utopistickým opisom fungovania štátnych inštitúcií, kde občanom za poplatok nielen rýchlo pomôžu, no zároveň ich aj obslúžia milí úradníci. Vzhľadom na začiatok článku sledovaná fráza vyznieva pozitívne, priam v jej prvotnom význame. No vzhľadom na nasledujúcu časť textu výraz dostáva ironické zafarbenie – už samotní usmievaví úradníci sú v mnohých krajinách, vrátane Ruska, skôr želaním ako realitou a ak by sa takí našli, boli by za poplatok. Včlenením vyjadrenia do textu hovoriacom o finančných ziskoch dostáva ironické zafarbenie.

10 Dostupné na: http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=58334
11 Dostupné na: http://izvestia.ru/news/351843

Ten istý výraz - *великий почин* – sme hľadali aj v novinách *Аргументы и факты.* Objavili sme ho v článku *Суп из топора*[12], v ktorom autor hovorí o zamieňaní politiky jej imitáciou. Vraví, že politika už vlastne nie je potrebná, lebo

"Ударники приватизации уже достигли максимального благополучия, завершили строительство своей «вертикали» и создали удобную для себя форму демонстрационной демократии."

V danej vete sa objavuje pekný príklad ironického využitia sovietizmov. Ďalej však prechádza ku kritike súčasného režimu a hovorí, že

"В последние месяцы политическая имитация выплеснулась на предвыборное поле. Вслед за Общероссийским народным фронтом и даже в насмешку над ним стали провозглашаться и другие «фронты». Помимо зюгановского «народного ополчения» в блогах уже фигурируют «Народный марш», «Народное сопротивление», «Великий почин», «Позыв заединщиков» и даже «Фаланги Анны Чапман»."

Pri kritike vytvorenia Všeruského ľudového frontu, zjednocujúceho rôzne organizácie, prináša autor príklady organizácií, ktoré nasledujú ľudový front a sám priznáva, že niekedy tieto „organizácie" pôvodnú myšlienku frontu zosmiešňujú. Hľadaný výraz sa tu objavuje ako príklad internetovej ľudovej tvorivosti, sám autor priznáva, že je ironický. Z toho vyplýva, že výraz je hlboko zakorenený v hlavách ľudí a najmä v ironickom zmysle sa často používa v slobodnom internetovom prostredí.

Posledné skúmané periodikum - *Новая газета* – ukrývalo hľadaný výraz v texte *Железнодорожная фантазия - О применении опыта «эффективного сталинского менеджмента» в современной России*[13]. V článku autor spomína vyjadrenie V. V. Putina, ktorý vyzýva na rozvoj železníc. Kým pred piatimi rokmi, spomínal impulz na modernizáciu železníc v štýle prelomu 19. a 20. storočia, teraz považuje za nutný modernizačný impulz v štýle 30tych rokov minulého storočia. Autor sa takmer v celom článku venuje porovnávaniu štatistík z rôznych období rozvoja železníc. V článku sa píše:

"Ленин тоже помогал изо всех сил. Написал замечательную статью из жизни тружеников депо про пользу бесплатного труда «Великий почин»".

V danom vyjadrení je názov diela použitý viac-menej neutrálne. No nižšie čítame:

"Последовательно истреблял квалифицированных железнодорожников из «Викжеля» — крупнейшего дореволюционного профсоюза, который по старой привычке пытался отстаивать интересы рабочих (а надо было — интересы рабочей власти; почувствуйте

12 Dostupné na: http://www.aif.ru/politics/article/43751
13 Dostupné na: http://www.novayagazeta.ru/politics/55743.html

разницу). Чудаковатый «Викжель» требовал для путейцев нормальной платы за нормальный труд вместо продвижения в их массы идей «Великого почина».“

V tomto kontexte nadobúda skúmaný výraz iné zafarbenie a ťažko by sme ho mohli označiť za neutrálny, ide vyslovene o ironické použitie.

V rovnakých periodikách sme hľadali aj druhý okrídlený výraz Sovietskej epochy - *Ум, честь и совесть*. V *Советской России* sa do nášho výberu dostal článok *У русского народа есть право на будущее - Нравственный идеал Герцена - К 200-летию великого мыслителя*[14]. V danom texte je výraz použitý hneď v jeho úvode. Autor hovorí:

“Проблема кризиса духовности занимала лучшие умы XX века. Пора снова думать о чести и совести.”

Dalo by sa usudzovať, že slová boli použité náhodne no v spojení s ďalšou vetou sa javí, že dané slovné spojenie odkazuje na práce iných autorov, medzi inými aj Lenina.

“И раньше других об этом подумал и сказал А.И. Герцен.”

V článku, v ktorom autor hovorí najmä o meštiackej morálke a rozvoji Ruska z pohľadu Gercena, sú slová *честь и совесть* použité absolútne neutrálne.

V *Известиях* sa hľadaný výraz objavil v článku venovanému 95. výročiu Veľkej októbrovej socialistickej revolúcie. Filozof Sergej Roganov sa v texte s názvom *Толерантность по-российски*[15] zamýšľa nad týmto výročím. Autor článok uvádza štatistikou z ktorej vyplýva, že v Rusku sa zväčšuje počet ľudí, ktorí považujú októbrovú revolúciu za chybný krok. V ďalších odstavcoch autor ponúka svoj pohľad na vec – tvrdí,

“Нынешняя Россия — инвалид, да еще и с серьезным нарушением психического развития. А как еще можно представить свою страну после того, как психически больные, бесноватые большевики 70 лет насиловали население 1/6 части земной суши?!”

V autorových vyjadreniach však možno cítiť ironiu, ďalej totiž píše, že

“Современная Россия продолжает стоять на коленях перед культурой и международным сообществом развитых стран, виновато оправдываясь в собственном существовании.”

Hovorí o zmiznutí fungujúceho systému vedy, školstva a zdravotníctva a nasledujúcimi slovami sa dotýka aj ruského priemyslu:

“И уж, конечно, не вспоминаем, что гиганты промышленности, которые до сих пор успешно качают и перерабатывают и поставляют природные ресурсы на потребу развитому Западу, были спроектированы, созданы и построены в проклятые для

14 Dostupné na: http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=590531
15 Dostupné na:http://izvestia.ru/news/539157

международных ума, чести и совести годы.”

Hľadané slová sú pužité ako metafora, daným výrazom sa charakterizuje celá sovietska epocha, v ktorej bola strana *умом, честью и совестью эпохи*, neuvyužíva sa irónia ale synekdocha na pomenovanie celej historickej epochy. Záver článku vyznieva veľmi ironicky, autor hovorí:

“В самом деле, ну что отчаиваться? Инвалидность и неполноценная историческая психика еще не повод отказываться от радостей жизни. Их теперь столько, что глаза разбегаются от одних только фантазий!”

Hoci použitie výrazu *Ум, честь и совесть* nevykazuje ironický podtón, celý článok vyznieva presne opačne. Opäť sa potvrdzuje, že použitie okrídlených výrazov sovietskej epochy sa spája s ironiou.

V novinách *Аргументы и факты* bol publikovaný kritický článok Andreja Sidorčika s názvom *Писатель Шишкин как «русская красавица»*[16], v ktorom hodnotí morálku oponentov režimu súčasného vedenia Ruska, spisovateľa Šiškina a výherkyne súťaže Miss Natalie Pereverzevovej. Spisovateľ Šiškin, ktorý odmietol reprezentovať Rusko na knižnom veľtrhu v New Yorku, sa verejne vyjadril, že odmieta krajinu reprezentovať z politických dôvodov. To rozdelilo Rusov na dve polovice:

“Россия тут же разделилась на два лагеря: для одних Шишкин – «отщепенец», «продажная шкура», «наймит», льющий воду на соответствующую мельницу; для других – светоч демократии, ум, честь и совесть России, бесстрашный борец с тоталитаризмом, не боящийся козней тайной путинской охранки.”

Použitie nášho výrazu v tejto súvislosti nie je ironické, no zaujímavý je posun, ktorým výraz prešiel. Už i jednotlivec môže byť *умом, честью и совестью* spoločnosti. Tým, že tento výraz použili ctitelia spisovateľa – verejnosť, je zrejmé, že tento výrok je naďalej široko rozšírený v povedomí ľudí. Druhý článok, v ktorom sa objavil hľadaný výraz je rozhovor s vdovou po Anatolijovi Sobčakovi, prvému primátorovi Sankt Peterburgu, političkou Ľudmilou Narusovovou. Článok nesie názov *Людмила Нарусова: Мой муж мечтал не о такой стране*[17] a skúmaná fráza sa objavuje hneď na začiatku rozhovoru. Na otázku

“Людмила Борисовна, ваш муж, Анатолий Собчак боролся за торжество демократии. Нынешняя Россия - и есть то, о чем он мечтал?”

Narusovová okrem iného odpovedá:

“Мы возвращаемся в эпоху, когда одна партия – «ум, честь и совесть нашей эпохи»?...

16 Dostupné na: http://www.aif.ru/society/article/60978/4
17 Dostupné na: http://www.aif.ru/politics/article/41585

Вместо отрубленной головы у гидры вырастает новая.”

Spojenie okrídleného výrazu minulosti s korupciou a problémami súčasného Ruska hovorí o jeho nadčasovosti.

Новая газета uverejnila výraz v blogu Alexandra Lebedeva *Куда же почетному гражданину Ашхабада без Ордена Ливанского Кедра?*[18]. Článok je zoznamom vyznamenaní *“*гиганта мысли и отца русской демократии” Jurija Lužkova s autorskými komentármi a záverom v podobe výpočtu stratených peňazí počas jeho primátorovania. Autor ho zároveň tituluje aj nasledovne:

“Великий человек. Могучий. Ум, честь и совесть эпохи.”

Celý článok je postavený na ironií a porovnaní úspechov primátora v podobe ocenení a “úspechov” v podobe strát. Práve tento článok je pravdepodobne najjasnejším príkladom využitia okrídlených výrazov sovietskeho režimu v súčasnej politickej satire. Posledný analyzovaný diskurzný fragment je opäť rozhovor s Ľudmilou Narusovovou a skúmaný výraz je v ňom použitý takmer rovnako ako v prvom rozhovore. Interview nesie názov *Людмила НАРУСОВА: «Это мое политическое завещание»*[19]. Na otázku: “Вас звали в «Единую Россию»?”, Narusovavá odpovedá:

“Конечно. Лично Исаев, видный деятель «Единой России». Я сказала — нет. Мой муж боролся против монополизма КПСС вовсе не для того, чтобы я сейчас вступала в партию, которая снова называет себя «ум, честь и совесть нашей эпохи».”

Znova sa stretávame s rovnakým aktualizovaným pripodobnením vládnucej strany minulosti k súčasnej vládnucej strane.

3. Záver

Záverom možno podotknúť, že hoci sa v mnohých zdrojoch uvádza, že sovietizmy sa dnes využívajú ironicky[20], tento výskum to jednoznačne nepotvrdil. Prevažovalo síce ironické využitie, no z jedenástich skúmaných článkov sa za čisto ironické dalo označiť len šesť. Neutrálne využitie sme zaznamenali päťkrát. Nie vždy sa dalo presne určiť, či je daný výraz použitý ironicky alebo nie. Príkladom môže byť použitie skúmanej frázy vo vete alebo odstavci s neutrálnou konotáciou, no článok ako celok vyznieval ironicky. Viacerí výskumníci za cieľ mediálneho diskurzu považujú potenciál ovplyvňovania adresáta[21], no zastarávajúce

18 Dostupné na: http://www.novayagazeta.ru/blogs/128/56105.html

19 Dostupné na: http://www.novayagazeta.ru/politics/55331.html

20 Por. bližšie: GUZI, Ľubomír. 2011. *Лингвокультурологический анализ руссково исторческово нарратива*, Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2011, str. 73, ISBN 978-80-555-0434-6

[21] Por. Bližšie: DULEBOVÁ, Irina. 2012 *Politický diskurz ako objekt lingvistického výskumu,* In: *Jazyk a kultúra*

sovietske výrazy môžu postupne persuazívnu funkciu strácať. Dalo by sa tým objasniť ich neutrálne využitie – výraz sa používa ďalej, no spoločnosť postupne stráca schopnosť porozumieť jeho konotáciám. Ďalším zaujímavým poznatkom je, že výrazy neboli používané často. V priebehu troch rokov sme našli len niekoľko ukážok, v ktorých sa vyskytovali. Dôvodom môže byť malá vzorka periodík, no aj postupné vyraďovanie sovietizmov z aktívnej slovnej zásoby žurnalistov. Na druhej strane, ich použitie v diskusiách pod článkom je veľmi rozšírené a svedčí o hlbokom zakorenení sovietskych výrazov v podvedomí obyvateľstva. Taktiež sa tieto výrazy častejšie používajú vo vyjadrovaní vlastného názoru – za príklad môže poslúžiť žánre ako rozhovor, či blog. Kým v minulosti sa výrazy používali aj v spravodajskom žánri publicistického štýlu, dnes ich skôr nájdeme v prejavoch názoru autora. Hoci českí bádatelia tvrdia, že v bežnej komunikácií je sovietsky jazyk takmer nezrozumiteľný[22], z výskumu vyplýva, že pre okrídlené výrazy to celkom neplatí – ešte aj po vyše dvoch desaťročiach sa zachovali a používajú sa nielen v publicistike, ale aj v bežných vyjadreniach.

Použitá literatúra

ADAMKA, Pavol. 2011. *Ruská publicistika*, Nitra, UKF, 2011, str. 65, ISBN 978-80-8094 838-2

CVRČEK, Václav - ČERMÁK, František - SCHMIEDTOVÁ, Věra. 2010. *Slovník komunistické totality*, Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2010. str. 15, ISBN 978-80-7422-060-9

DOLNÍK, Juraj. 2003. *Lexikológia*, Bratislava, Univerzita Komenského Bratislava, 2003,str. 191, ISBN 80-223-733-0

GUZI, Ľubomír. 2011. *Лингвокультурологический анализ русского исторческого нарратива*, Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2011, str. 73, ISBN 978-80-555-0434-6

SIPKO, Jozef. 2008. *В поисках истинного смысла*, Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2008, str. 230 – 249, ISBN 978-80-8068-729-8

Elektronické zdroje a zdroje použitých ukážok

СЕРОВ, Вадим. 2005 Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Москва, Локид-Пресс. [cit. 01.07.2013] Dostupné na internete: http://www.bibliotekar.ru/encSlov/

[online], 2012, no. 9. Dostupné na internete: http://www.ff.unipo.sk/jak/cislo9.html

22 Por. bližšie: CVRČEK, Václav - ČERMÁK, František - SCHMIEDTOVÁ, Věra. 2010. *Slovník komunistické totality*, Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2010. str. 15, ISBN 978-80-7422-060-9

DULEBOVÁ, Irina. 2012 *Politický diskurz ako objekt lingvistického výskumu*, In: *Jazyk a kultúra* [online], 2012, no. 9, [cit. 01.07.2013]. Dostupné na internete: http://www.ff.unipo.sk/jak/cislo9.html

http://www.sovross.ru/

http://izvestia.ru/

http://www.aif.ru/

http://www.novayagazeta.ru/

MINULOSŤ V PRÍTOMNOSTI: IDENTITA RUSA A UKRAJINCA V UKRAJINSKOM ODBORNOM A MASMEDIÁLNOM DISKURZE

Mgr. Veronika Knapcová

Katedra ruského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity Komenského

vknapcova@gmail.com

ABSTRACT:

The article deals with transformational processes within the area of the Eastern Block of the last two decades, with regard to ethnical identity and identification of Russians, as well as Ukrainians from the point of view of the Ukrainian printed mass-media. At the same time, it deals with the role the past plays in the present claimed "us". In this precise case, attention is paid to the image of the Russian and Ukrainian society of the last decades, the practice of remembering and representations of the past. The article can be considered an opportunity to a better understanding of what the present times are based on, and that even people, who did not experience the former regime, will have to undergo the process of overcoming it.

Európa dnes stavia na hodnotách akými sú demokracia a moc práva, ktoré sa považujú za základ jej identity spolu s humanistickými a racionalistickými princípmi, zároveň pritom reprezentujú univerzálne hodnoty západnej civilizácie a používa sa termín „západná identita“,[1] pričom sa oslabuje pozícia vlastnej osobnosti alebo „tváre“. Európska identita však môže byť chápaná vo svojom pozitívnom, ale aj negatívnom zmysle, a to práve z dôvodu, že potvrdzuje vlastné osobitosti, ktoré ju odlišujú od civilizačných osobitostí iných regiónov sveta, vyjadruje ich neprijatie a opodstatňuje svoje princípy ako protiklad k „iným.“ Preto neustále dochádza k sklonu k binárnemu mysleniu v rámci konštrukcie „my – oni“. Nejde však o novú osobitosť európskeho myslenia. Hoci je dnes výrazný element antiislamizmu a antiamerikanizmu, v nedávnej minulosti západná Európa používala ako svoju „antireferenčnú skupinu“ krajiny komunistického východu.[2] Slovensko sa dnes stále viac začleňuje do tohto priestoru, no donedávna bolo súčasťou Východného bloku, ktorý pre nás tvoril skupinu referenčnú. Dnes sa poukazuje na možnosť existencie alternatívnych verzií minulosti, ktoré vychádzajú z rôznych interpretácií tých istých minulých udalostí, situácií,

[1] VAJNŠTEJN, G. 2009. Jevropejskaja identičnosť: želajemoje i reaľnoje *In* Političeskije issledovanija No. 4. POLIS. Moskva: red. Polis +RAN, 2009. s. 132

[2] VAJNŠTEJN, G. 2009. Jevropejskaja identičnosť: želajemoje i reaľnoje. In: Političeskije issledovanija No. 4. POLIS. Moskva: red. Polis +RAN, 2009. s. 133

vzťahov. Predmetom tohto článku je aj zakotvenosť obrazov minulosti v súčasnosti a ich aktuálny význam.

V mechanizmoch identifikácie, ktoré nie sú jednoduché, ide o dynamický proces plný protikladov citlivo reagujúci na rôzne motívy, záujmy, situácie v spoločnosti[3]. Etnický pôvod možno považovať za sociálny a kultúrny jav, no *určuje si ho sám človek,* identifikácia jednotlivca však „prebieha vždy v porovnaní s druhým, pričom tento druhý nemusí byť nevyhnutne cudzí a už vôbec nie nepriateľ.“[4] Tieto mechanizmy možno pozorovať rôznymi spôsobmi, pričom jedným možným spomedzi nich je štúdium obsahu masmédií

V Rusku, ale aj na Slovensku či Ukrajine je tvorba textov masmédií s aktualizáciou protikladu svoje-cudzie dvoch posledných desaťročí spojená s transformáciami v spoločnosti, ktoré zmenili princípy sociálnej stratifikácie. Objavili sa nové sociálne skupiny (podnikatelia, akcionári...) a postupne sa vytrácajú staré štruktúry (sovietsky národ). Podľa Kaminskej sú pritom časté postupy rétoriky s použitím znamienka plus/mínus a obrazov sovietskej kultúry.[5]

Na Slovensku o Rusoch, pochopiteľne, píšeme ako o *tých druhých*. Ak by sme sa snažili nájsť nejakú koncepciu *ruskej* kultúry, musela by objasňovať mechanizmy, ktoré sú zdrojom kontinuity a zmeny. Mnoho diskurzívnych analytikov zdôrazňuje, že práve diskurz je ťažiskom takýchto mechanizmov.[6] Ak sa zaoberáme súčasnými diskurzmi, pozornosť by sme mali venovať spôsobu, akým sú reprodukované, a teda obnovované tradície a kultúrne pojmy, ktoré považujeme za tradičné a overené. Tieto diskurzy sú centrom „manažmentu významu“, v rámci ktorého sa kultúra vytvára a zachováva, prijíma a posúva, aplikuje, predvádza, pripomína, skúma a podrobuje experimentom.[7] Jestvuje univerzálne meranie kultúry? Pojem *kultúrne univerzálie* používa napríklad filozof Sťopin[8], pričom nejde o reflexívnu kategóriu, ale myšlienku, tému, štruktúru vedomia, prvok kolektívneho nevedomia.

Každá kultúra sa však v dobových diskurzoch reflektuje inak, je neustále vo vývoji, pričom akýkoľvek jednotlivý diskurz je vždy konštruovaný v opozícii k inému diskurzu. Tému Ruska, Rusov a ich histórie možno študovať z rôznych druhov východiskového

---

[3] DROBYŽEVA, L. 2010. Identičnosť i etničeskije ustanovki russkich v svojej i inoetničeskoj srede. In: Sociologičeskije issledovanija SOCIS No. 12 (320). Moskva: Nauka, 2010. s. 53.

[4] ABEĽS, Ch. 2000. Interakcija, identičnosť, prezentacija. Vvedenije v interaktivnuju sociologiju. Sankt-Peterburg: Aletejja, 2000. S. 26–27

[5] Por. bližšie: DULEBOVÁ, Irina. 2012 *Politický diskurz ako objekt lingvistického výskumu,* In: *Jazyk a kultúra* [online], 2012, no. 9. Dostupné na internete: http://www.ff.unipo.sk/jak/cislo9.html

[6] MARADA, R. 2006. Etnická různost a občanská jednota. Praha: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2006. s. 145.

[7] HANNERZ in HOLÝ, L. 2001. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Praha: Slon, 2001. s. 12.

[8] SŤOPIN, V. 2001. Mirovozzrenčeskije universalii kak osnovanije kuľtury. Universalii vostočnych kuľtur. Moskva: Vostočnaja literatura RAN, 2001.

korpusu, pričom som v tomto článku zvolila ukrajinské printové médiá a odborný diskurz vytvorený okolo naratívu nadobudnutia ukrajinskej samostatnosti, obdobia po augustovom puči roku 1991, ale aj z neskorších období, v ktorých sa producenti textov na tieto udalosti odvolávali.

Články uverejnené v novinách možno chápať ako prípad inštitucionálnej stratégie pridávania významu udalostiam, dianiu. Vychádzam z toho, že význam minulosti či prítomnosti istej skupiny predstáv a ich reprezentácie sa vždy poeticky a politicky rekonštruujú, nie objavujú. Chápanie samého seba v rámci každej kultúry je spojené s určitou imagináciou historickej kontinuity prostredníctvom aktivity spomínania či zabúdania.

Základným interpretatívnym prístupom je analýza diskurzu, konkrétne inštitucionálnej stratégie zvýznamňovania určitých ikon príbehu o *ruskej,* resp. *sovietskej spoločnosti,* kedy z rôznych typov výpovedí vyberám rôzne momenty v špecifických sociohistorických podmienkach postkomunistickej reflexie minulosti. Z pohľadu interpretatívnej antropológie nejestvuje niečo, čo reprezentuje ruský národ ako konglomerát sociálnych faktov nezávislých na pozorovateľoch, sociálnych aktéroch, tých, ktorí mu dávajú význam, ako zhluk sociálnych faktov bez konkrétneho referenčného rámca.

Vychádzam z toho, že nejestvuje nič vo forme faktov, ktoré sa zaznamenávajú a objavujú priamo v objektívne jestvujúcej vonkajšej „ruskej“ realite.

Všetky články a práca s nimi prebieha v určitom sociálnom a kultúrnom kontexte, pričom ide o konštrukciu určitého sveta, ktorý reprezentuje, vytvára sociálnu realitu a ponúka možné zdroje identifikácií.

V článku zároveň venujem pozornosť tomu, akú úlohu zohráva minulosť v nárokovanom prítomnom „my“. V tomto konkrétnom prípade ide o prácu s istou predstavou ruskej spoločnosti uplynulých desaťročí. Článok sa zaoberá otázkou, v čom spočíva prítomnosť a to, že i ľudia, ktorí nie sú pamätníkmi bývalého režimu budú musieť prekonávať túto minulosť. Dufek[9] kladie otázky: Je dnes všetko iné? Je dnes niečo inak rovnaké? Je demokratická normalizácia úspešnejšia než socialistická? Má význam pripomínať si namiesto 20 rokov nového režimu sedemdesiat rokov toho starého? A ak áno, tak prečo? Aby sme si viac vážili to, čo prináša dnešok? Alebo aby sme snáď zväčšovali všeobecnú únavu z minulosti?

[9] DUFEK In: MARADA, R. 2006. Etnická různost a občanská jednota. Praha: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2006. s. 148

Jazykový obraz sveta ako zrkadlo histórie a kultúry

V lingvistike funguje termín konceptuálny a jazykový obraz sveta[10], pričom **konceptuálny obraz sveta predstavuje** súbor významov, vedomostí a predstáv o svete a je organizovaný do konkrétneho konceptuálneho systému. Každý prirodzený jazyk odráža spôsob vnímania a organizácie (teda konceptualizácie) sveta. Významy, ktoré sa v ňom objavujú, tvoria jednotný systém pohľadov, istú filozofiu, ktorá sa potom stáva samozrejmou pre všetkých nositeľov jazyka. Zároveň sa tak tento obraz sveta objektivizuje v jazyku, preto sa hovorí aj o **jazykovom obraze sveta.** Ten predstavuje súbor predstáv o svete, určitý spôsob jazykovej konceptualizácie skutočnosti. Jeho prvkami sú slová, gramatické prostriedky, syntaktické konštrukcie, ako produkt historického vývinu jazyka. Základ súčasných výskumov jazykového obrazu sveta tvorí myšlienka, že všetko, čo národ v minulosti prostredníctvom jazyka vytvoril, má vplyv na jednotlivca.[11]

Pri vyjadreniach o prepojení jazyka a jazykového obrazu sveta s etnosom chápem pojem *etnos* ako „skupinu ľudí, ktorá hovorí tým istým jazykom, priznáva sa k rovnakému pôvodu, zdieľa tie isté zvyky, spôsob života, uchováva tradície, ktoré ich odlišujú od iných.“[12] Pri etnikách ide o úzku súvislosť so **sebauvedomením, nazývaním samého seba, jazykom, územím, psychickými špecifikami, kultúrou, či zvykmi**.

Pri interpretácii udalostí používame rôzne hodnotiace jednotky, pričom **intelektuálne** (slová ako napr. *amorálny, trestnosť*) vznikajú v dôsledku objektivizácie denotatívnych príznakov predmetu, javu, ktoré mu reálne prináležia; zatiaľ čo **emocionálne** (ohnisko nenávisti...) sú podmienené snahou človeka nájsť označenie, o ktoré sa možno oprieť pri charakterizovaní záporných alebo kladných vlastností javu. Vnútorná forma emocionálnych hodnotiacich jednotiek môže transponovať obraz, ktorý vystupuje ako spoločenské označenie záporného alebo kladného, na čo slúžia takzvané **obrazové stereotypy**:

„Moskva stratí monopol na úlohu celoruského hlavného mesta: Ruská budú dve. V jednom z nich sa bude hovoriť zlou ruštinou a v druhom zmesou zlej ruštiny a zlej ukrajinčiny...Kyjev bezplatne ustúpi RSFSR svoju porciu – krídelko a stehienko dvojhlavého orla. Zložitejšie to bude s hlavným dedičstvom – geopolitickým... Obrovskou chybou by bol

[10] SNITKO J., KULINIČ I. 2005. Russkij jazyk v etnolingvističeskom osveščenii. Kyjev: Kievskij universitet, 2005. s. 18
[11] HUMBOLDT, V. 1985. Jazyk i folosofija kuľtury. Moskva: 1985. s. 372
[12] SNITKO J., Kulinič I. 2005. Russkij jazyk v etnolingvističeskom osveščenii. Kyjev: Kievskij universitet, 2005. s. 71

pokus vytvoriť Ukrajinu s jedným národom a jazykom.. Byzancia bola Ukrajinou Rímu a práve ona zachovala Rím Európe...“[13]

V uvedených metaforách z obdobia rozpadu ZSSR vystupujú obrazy[14] delenia: spoločného majetku či jedla, a zároveň prinášajú hľadanie historickej paralely, prirovnanie k rozdeleniu jednej z najväčších veľmocí minulosti.

Axiologicky označené obrazy majú hlboké historické korene, ich obsah je úzko prepojený s etnokultúrnymi osobitosťami identity a ako je uvedené ďalej, aj jazykovej identity.

Vo výskumoch z deväťdesiatych rokov a začiatku 21. storočia boli vo vzťahu k etnickej identite a neskôr i príslušnosti k štátu pozorované dve tendencie – ich postup na vyššie miesta v hierarchii identít, a to predovšetkým u Rusov žijúcich v oblastiach, kde dominuje ruské obyvateľstvo.[15] Z moskovského prieskumu[16] v r. 1992 vyplynulo, že len štvrtina ruských obyvateľov mesta sa identifikovala ako Rusi, práve preto, že donedávna boli obyvateľmi ZSSR. V roku 2006 už výskumy zo Saratovskej, Voronežskej, Kaliningradskej, Tomskej a Sverdlovskej oblasti, potvrdili, že 76–80% obyvateľov sa identifikovalo ako Rusi.

Identita a ideológie

E. Erikson začal používať termín identita v interdisciplinárnom výskume a venoval pozornosť prepojeniu procesu určovania a transformácie identity s otázkami spoločenského a kultúrneho rozvoja, ideológie.[17] Principiálnu úlohu v tomto procese zohrávajú ideologické zložky(moc, vzdelanie, masmédiá, opozičné skupiny atď.)

Príkladom toho, ako sa krátko po rozpade ZSSR v ukrajinských masmédiách písalo o príslušnosti k vlastnému národu, môže byť nasledovná správa: „*Imperiálna moc v Rusku nepozerala na Ukrajincov ako cudzincov a požadovala od nich len jedno: byť takí, ako ostatní. Vtedy boli zabezpečené rovnaké práva a možnosti ľuďom každého stavu, triedy, či sociálnej vrstvy. Prenasledovanie sa začalo až keď niekto vyhlásil, že je Ukrajinec a impérium mu je cudzie*.“[18]

Keď došlo k rozpadu identity sovietskych čias, vzrástla úloha etnickej identity. Ideologické štruktúry moci si veľmi rýchlo uvedomili možnosť odraziť sa od pocitov ľudí pri

[13] Strana-naslednica: K rassojedineniju Ukrainy s Rossiej. In: VEK XX i mir, 12/91, s. 26
[14] Obrazy môžeme chápať ako sociálne predstavy pozitívneho alebo negatívneho. (SNITKO, citované dielo.)
[15] DROBYŽEVA, L. 2010. Identičnosť i etničeskije ustanovki russkich v svojej i inoetničeskoj srede. In: Sociologičeskije issledovanija SOCIS No. 12 (320). Moskva: Nauka, 2010. s. 50
[16] DROBYŽEVA, L. 2010. Identičnosť i etničeskije ustanovki russkich v svojej i inoetničeskoj srede. In: Sociologičeskije issledovanija SOCIS No. 12 (320). Moskva: Nauka, 2010. s. 51.
[17] ERIKSON, E. 1996. Identičnosť: junosť i krizis. Moskva: 1996.
[18] Rosijska tiň na nezaležnosti Ukrajiny. In: Politika i čas 12/93. s. 29.

upevňovaní svojej legitímnosti a integrácii spoločnosti. Z obsahovej analýzy vyjadrení prezidenta RF, ktoré poslal Federálnemu zhromaždeniu,[19] vyplynula dôležitosť idey štátneho spoločenstva ako základu národa. Vedomie más prešlo od traumatizovaného stavu dezorientácie, straty predchádzajúcich symbolov a orientácie k lepšie diferencovanému a jednotnejšiemu stavu a podľa výsledkov uvedených prieskumov sa teda menia predstavy Rusov o sebe samých, čo ale predstavuje dlhodobý a kontinuálny proces V študovaných ukrajinských médiách ešte v roku 2002 možno pozorovať skôr správy odkazujúce na minulosť a jej dôsledky: *„celá naša elita je vychovaná na Marxovi–Engelsovi–Leninovi...aj Júlia Tymošenková je vychovaná v tých istých ideáloch, tiež bola pionierkou, komsomolkou, športovkyňou, jednotkárkou...*“[20]

V dôsledku osobitostí historického vývoja vrátane sovietskeho obdobia je etnická identita Rusov len málo spojená s kultúrnymi ukazovateľmi a viac sa zakladá na štátnosti, je závislá od politického kontextu, dôvery k moci.[21] Ak nie je presne vymedzený ideologický vzťah k minulosti a plánom do budúcnosti, vrátane etnickej a národnej politiky, povedomie más môže ešte dlho ostať na úrovni mimo pozitívnych hodnôt a stále viac zastávať obranné postoje, pretože *„neprirodzenosť komunistickej propagandy vymenila neprirodzenosť postkomunistických hlasov...*“[22] Výrok predstavuje skúsenosť ukrajinského redaktora dlhodobo žijúceho v zahraničí, ktorý pokračuje opisom návratov do vlasti: *„už popredu, v lietadle, vo vlaku pociťuješ hrôzu a trpíš neprirodzenosťou tohto života. No o hodinu si na to zvykneš a tú neprirodzenosť nakoniec vnímaš ešte pokojnejšie, ako tvoji priatelia, ktorí ani nevycestovali.*“[23]

Sociálna diferenciácia a reštrukturalizácia spoločnosti so sebou priniesla potrebu identifikácie verejnosti, určenie toho, čo je „vlastné, svoje“ a čo „cudzie“, ktorými sa mohli stať predstavitelia rôznych spoločenských vrstiev.

„Prechod od hodnôt kolektívu k individualizácii v postsovietskom priestore je spojený s mechanizmom identifikácie, pričom nejde o absolútne vedomý proces správania, nie je spojená s racionálnym vysvetlením činov danej osoby či skupiny, ale s emocionálnym

[19] DROBYŽEVA, L. 2010. Identičnosť i etničeskije ustanovki russkich v svojej i inoetničeskoj srede. *In* Sociologičeskije issledovanija SOCIS No. 12 (320). Moskva: Nauka, 2010. s. 52.
[20] BONDARENKO, K. 2002. Levyj marš. In: KORRESPONDENT. Žurnal novoj epochi Ukrainy. Kyiv Post, č. 32, 5. novembra 2002, s. 35
[21] DROBYŽEVA, L. 2010. Identičnosť i etničeskije ustanovki russkich v svojej i inoetničeskoj srede. In: Sociologičeskije issledovanija SOCIS No. 12 (320). Moskva: Nauka, 2010. s. 57.
[22] APENČENKO, Ju.: STREĽANYJ, A.: Kino pro Ukrainu. In: DRUŽBA NARODOV 4/1992, február-marec 1991. s. 187.
[23] Tamže.

vzťahom k nim. Zároveň treba poznamenať, že proces identifikácie osobnosti so skupinou nezávisí na veľkosti samotnej skupiny či jej súdržnosti".[24]

Sociálno-kultúrna kríza deväťdesiatych rokov nielenže rozložila štruktúru racionálnych hodnôt, ktorá dovtedy v spoločnosti fungovala, ale aj systém symbolov a stereotypov, ktoré vznikali predovšetkým v textoch masmédií. Sebaidentifikácia osobnosti v sovietskom období bola založená na systéme sociálno-kultúrnych a politických mýtov, čo malo vplyv na vedomie a správanie sovietskeho človeka. Obraz sveta, ktorý dovtedy fungoval a jeho rozpad prispeli k destabilizácii veľkej časti spoločnosti a vznikla naliehavá potreba hľadať nové hodnoty a normy, ciele konania.

V období transformácie, teda aj koncom deväťdesiatych rokov a po roku 2000 však mnohí autori publikujú odborné práce a články v printových médiách, v ktorých sa vyrovnávajú s minulým obdobím, hovoria o *sovietskom dedičstve* či *ťažkom náklade, ktorý si so sebou nesieme od sovietskych čias*[25]. Vzniká otázka, čo spraviť so všetkými *pozostatkami a dôsledkami* bývalého režimu (materiálnymi a mentálnymi) a ich kritické hodnotenie autormi článkov (Leninove sochy, ktoré dodnes *skrášľujú* naše námestia[26]).

Objavujú sa pohľady psychológov, ktoré konkretizujú črty charakteristické pre obyvateľov bývalého Sovietskeho zväzu a ich život, medzi iným: *pocit otroka (v každodennom živote, ale i na všetkých úrovniach), strach chudoby,* paradox *možnosti voľby bez možnosti voľby,* či *kladenie zodpovednosti za svoje rozhodnutia na plecia štátu.*[27] Na tento moment začal sovietsky človek doplácať, keď začal mať na výber, pretože ho celý život učili, že „*ja* je posledné písmeno ruskej abecedy."[28] Ďalším problémom, ktorého korene podľa autorov siahajú do sovietskych čias je *strach z kritiky, pocit a potreba obetovať sa,* či *výchova detí.*[29]

Stav súčasnej ruskej spoločnosti odborníci charakterizujú ako *krízu identity.*[30] „Medzi príčiny takéhoto stavu okrem rozpadu sovietskeho systému možno zaradiť aj svetové procesy,

---

[24] ŠEVČENKO, A., VERNIGORA, N.: Sovietskoje nasledije: Ťažolyj gruz sovietskych vremion. In: KORRESPONDENT. Žurnal novoj epochi Ukrainy. Kyiv Post, č. 32, 5. novembra 2002

[25] ŠEVČENKO, A., VERNIGORA, N.: Sovietskoje nasledije: Ťažolyj gruz sovietskych vremion. In: KORRESPONDENT. Žurnal novoj epochi Ukrainy. Kyiv Post, č. 32, 5. novembra 2002

[26] LUŽECKIJ, P: Liki vlasti. *In* KORRESPONDENT. Žurnal novoj epochi Ukrainy. Kyiv Post, č. 32, 5. novembra 2002
s. 34; podľa uvedeného článku bolo v roku 1992 na Ukrajine 4772 pamätníkov Leninovi.

[27] ŠEVČENKO, A., VERNIGORA, N.: Sovietskoje nasledije: Ťažolyj gruz sovietskych vremion. In: KORRESPONDENT. Žurnal novoj epochi Ukrainy. Kyiv Post, č. 32, 5. novembra 2002.

[28] Tamže.

[29] Tamže.

[30] Pozri napr.: KARA-MURZA, A. 1998. Krizis identičnosti v sovremennoj Rossii: vozmožnosti preodolenija. In: Reformatorskije idei v socialnom razvitii Rossii. Moskva: IF RAN, 1998; NIKITINA, O. 2006. Geroj

akými sú globalizácia, sekularizácia kultúry, pád autority kresťanskej viery, zvyšujúce sa množstvo dezorientujúcich informácií atď.“[31] E. N. Danilovová a V. A. Jadov publikujú výsledky dlhoročných výskumov sociálnej identity obyvateľov postsovietskeho priestoru. Určitú stabilnosť v identifikácii možno pozorovať len v jednom momente – v rámci blízkych ľudí; zvlášť stoja za zmienku zmeny identifikácie v súvislosti s jednotlivými spoločenskými vrstvami. Ľudia hodnotia svoj osobný stav, pričom v súvislosti s uskutočnenými reformami myslia v kategóriách „výhercov“ a „porazených“.[32].

Gudkov a Dubin[33] používajú termín „principiálne modely reality“, ktoré sa podľa nich v rôznych spoločenských vrstvách prakticky nemenili (z hodnôt, kt. skúmali z tlače začiatkom deväťdesiatych rokov) – „nejde o transformáciu samotných hodnôt spoločnosti, ale o zmenu štruktúry ich artikulácie, spôsobu ich vyjadrovania“[34]. Rozdiely medzi obrazom sveta rôznych skupín sa v posledných desaťročiach začali v masmediálnych textoch prejavovať výraznejšie. Rôzne médiá reagujú na udalosti a procesy rôzne. Frekvencia použitia r*eflexív*[35] ako výpovedí, ktoré obsahujú komentár k použitému slovu alebo výrazu, je spojená predovšetkým s procesom sebaidentifikácie ľudí, ktorú Veprevová[36] delí na *ideovo-politickú* (reflexíva, slová a slovné spojenia z oblasti politiky a ekonomiky – kupóny, privatizácia, kapitalizmus) a *národno-štátnu identifikáciu* (konceptuálne reflexíva, ktoré vyhodnocujú zámenu sovietskeho ruským, u Rusov prehodnotenie významu slov domovina, vlasť, otčina; svoj vs. cudzí).

Z ideovo-politického hľadiska môže jazykovedec vidieť dva typy diskurzu, a to liberálny a konzervatívny, čo však predstavuje príliš zjednodušenú schému. Analýza diskurzu, alebo pragmatika diskurzu sa zároveň nezaoberá jazykovým systémom ako prostriedkom komunikácie, ale živou rečou ako formou správania, aktom osobnostnej aktivity.

V otázke prepojenia občianskej a etnickej identity v Rusku[37] je treba podotknúť, že pojmy a parametre rečového správania, ako zdvorilosť, úcta, súdržnosť, prestíž,

---

v sovremennoj gazetno-žurnaľnoj periodike v kontekste krizisa identičnosti: diz. práca. SPb: Sankt-Pererburgskij gos. universitet, 2006. 196 s.

[31] KAMINSKAJA, T. 2009. Obraz adresata v tekstach massovoj kommunikacii: semantiko-pragmatičeskoje issledovanije. Dizertačná práca. SPb: Sankt-Peterburgskij gos. universtitet, 2009. S. 57.

[32] DANILOVA, E, JADOV, V. 2004. Nestabiľnaja sociaľnaja identičnosť – kak norma sovremennych dinamičnych obščestv. In Socis č, 10/2004. S. 27 – 30.

[33] GUDKOV, L., DUBIN, B. 1993. Konec charizmatičeskoj epochi: pečať i izmenenija v sisteme cennostej obščestva. In Svobodnaja mysľ č. 5/1993. s. 32.

[34] Tamže.

[35] VEPREVA, I. 2002. Jazykovaja refleksija v postsovietskuju epochu. Jekaterinburg: Izdateľstvo Ural. universiteta, 2002. 380 s.

[36] Tamže.

[37] KAMINSKAJA, T. 2009. Obraz adresata v tekstach massovoj kommunikacii: semantiko-pragmatičeskoje issledovanije. Dizertačná práca. SPb: Sankt-Peterburgskij gos. universtitet, 2009. S. 57

karhanie/súdenie, sú spojené s existenciou referenčných skupín a s konkrétnymi jazykovými tvarmi. Súdržnosť je prejavom vnútroskupinovej identity, ako **protiklad nás a ich**, ktorý je spojený s **opozíciou svoj – cudzí**, pričom naplnenie týchto konceptov sa mení v súlade so zmenami sociálno-politických podmienok masovej komunikácie. Zároveň ale napr. Mannheim[38] tvrdí, že by sme mali odmietnuť existenciu sféry *pravdy v sebe* ako škodlivú a nedokázateľnú hypotézu. Štruktúrovanie socia pomocou uvedenej opozície poukazuje na existenciu rôznych sociálnych skupín založených na spoločných záujmoch.[39]

Opozíciu svoj-cudzí, dobrý-zlý, nepriateľ-nenepriateľ vo veľkom meradle používali na manipulovanie masového publika nielen rôzne diktatúry. Princíp zjednodušovania, redukcie zmyslu, sa predkladá štandardizovaným a minimalizovaným spôsobom informácie, použitím binárnych opozícií „čierne-biele“, „plus-mínus“. Tieto princípy vytvárania opozície „svoj-cudzí“ vo vzťahu k totalitarizmu sa stávajú charakteristickým znakom ruskej a ukrajinskej žurnalistiky v prelomových historických obdobiach. Zaujímavý je výskum vojenskej rétoriky v období mieru: súčasný svet „sa nevníma ako negácia vojny, ale ako svet, do ktorého vojna patrí“[40]. Osobitne sa to týka politickej komunikácie. Z článkov v printových médiách je často jasné, kto sú *svoji* a kto proti nim stojí.

Pre sovietskeho rétora predstavovali publikum predovšetkým masy (alebo *národ, pracujúci*). Časom sa istá časť publika zmenila: v masách sa preskupili triedy, menilo sa ich kvalitatívne a kvantitatívne zloženie, no aktualizujú sa nepriatelia zo svojich radov, ako možno vidieť i nižšie:

„Jednou zo sfér vplyvu oligarchov, prostredníctvom ktorej sa snažia zbaviť koloniálneho dedičstva, je verejný priestor a médiá, kde aj naďalej dominuje ruština...Poliaci, Česi, Srbi, Chorváti sa učia angličtinu tam, kde aj Číňania či Mongoli: na strednej škole, lebo majú rozumných politických predstaviteľov. A čo Ukrajina?“[41]

„Fakt, že väčšina židovských oligarchov sa radšej rusifikuje, než ukrajinizuje je následkom (nelojálneho?) postoja Ukrajiny a nie protiukrajinského spiknutia.“[42]

V príspevku ma zaujímalo, aké praktiky spomínania a reprezentácie minulosti súvisia s procesom inklúzie, ktorá je komplexným procesom a v ňom tvorí významnú úroveň

[38] MANNHEIM, K. 1936. Ideology and Utopia. New York: Harcourt, Brace, Harvest, 1936. s. 301
[39] KAMINSKAJA, T. 2009. Obraz adresata v tekstach massovoj kommunikacii: semantiko-pragmatičeskoje issledovanije. Dizertačná práca. SPb: Sankt-Peterburgskij gos. universtitet, 2009. S. 59.
[40] KLUŠINA, N.2006. Obraz vraga. O vojennoj ritorike v mirnoje vremja. In: Russkaja reč č. 5, 2006. S. 85.
[41] VELIČENKO, S. 2010. Kapitalizm, bidnisť i rusifikacija. In: KRYTYKA, roč. XI, č, 11-12, 2010
[42] Tamže.

subjektívny pocit začlenenia u adeptov inklúzie[43]. Podmienkou úspešného začleňovania a začlenenia je existencia takej podoby identifikačnej pozície, s ktorou sa aktéri môžu a chcú stotožniť, v ktorej nachádzajú sami seba. Analyzovaný korpus odborných publikácií a článkov veľmi zreteľne poukazuje na kritický pohľad ukrajinských novinárov k svojmu národu a jeho predstaviteľom a nespokojnosť s vývojom udalostí, či už historických alebo aktuálnych (absencia vlastných produktívnych mýtov Ukrajiny[44], prekvitanie korupcie na Ukrajine zapríčinené získaním nezávislosti,[45] atď.). Vo vzťahu k Rusku sa v súvislosti s týmito udalosťami často skloňuje napríklad výraz *ruský imperializmus*[46] spolu s jeho negatívnymi konotáciami.

Druhým základným východiskom bolo, že „identifikačné pozície, teda typy sociálnej identity, sú dočasne stabilizované v špecifických historických podmienkach a zodpovedajú vedeniu artikulujúcemu pravidlá rozlišovania, prostredníctvom ktorých sme umiestňovaní a umiestňujeme sa v sociálnom priestore.“[47] Toto vedenie je formulované v rámci rôznych procesov, rôznymi mechanizmami, predovšetkým diskurzívnymi praktikami predstavujúcimi a utvárajúcimi túto pozíciu. Stredobodom môjho záujmu bol spôsob, akým sa formuluje vedenie prostredníctvom reprezentácie minulosti a ako môže podporovať, prípadne blokovať vytváranie subjektívneho pocitu začlenenia, pričom pri prezentácii udalostí autormi sa v rámci študovaného diskurzu vyzdvihuje pasivita obyvateľov Ukrajiny vo vzťahu k dominantnému postaveniu Ruska, takisto sa objavuje snaha k zjednodušenému zachyteniu typických vlastností Ukrajinca (hospodár, vlastník, *chamtivec* – jazykom Rusa), kedy Rus je skôr márnotratník a hýrivec.[48] Dôležitým momentom je i fakt, že záujem a prejavy odporu a zodpovednosť za následné represie sa pripisuje Moskve (*Bielokamenná*) a jej politickým cieľom[49].

Zároveň je zaujímavé, ako sa na rovine reprezentácie minulosti manifestuje otvorenosť (inkluzivita) prostredia, do ktorého sa majú aktéri cítiť začlenení. Hoci sa prejavujú tendencie

---

[43] ALEXANDER, J. 2006; 1988 „Ústřední solidarita, etnická okrajová skupina a sociální diferenciace.“ In: Marada, cit. d.
[44] POĽUCHOVIČ, D. 2002. Desiať let odinočestva, ili Ukrajina v ožidanii nacionaľnogo MIFA. In: Kievskij REGION, č. 1 (37), 10.–16. január 2002
[45] SOŇUK, V. 2010. Čto nam dala nezavisimosť. In: Večernie vesti, č. 150, 21. augusta 2010, s. 4.
[46] Tamže.
[47] SZALÓ, C. 2003 c. Proces kulturní asimilace a konstrukce identity přistěhovalcú.“ *In* Menšiny a marginalizované skupiny v České republice. Tomáš Sirovátka (ed.). Brno: Masarykova univerzita a Georgetown, 2002.
[48] Tamže.
[49] Pozri napr.: Strana-naslednica: K rassojedineniju Ukrainy s Rossiej *In* VEK XX i mir, 12/91, ISSN 0320 8001, s. 26; SOŇUK, V. 2010. Čto nam dala nezavisimosť Večernie vesti, č. 150, 21. augusta 2010, s. 4.

začleniť sa do európskeho priestoru, z ekonomického hľadiska bolo po roku 2000 pre Ukrajinu východné trhy stále perspektívnejšie než západoeurópske.[50]

Posledné dve desaťročia sa aj na Slovensku nesú v znamení vyrovnávania sa s minulosťou a bývalým režimom, dôležitú úlohu v sebaidentifikácii Slovákov zároveň zohrávajú európske integračné procesy. Objavujú sa dokumentárne filmy, ktoré sa snažia zachytiť obraz Slovákov, slovenskej dediny (Z. Liová – Dom; Piussi – Krehká identita atď.). Považujem preto za efektívne i pre nás, Slovákov, prostredníctvom masmédií pozorovať spôsob, akým o sebe uvažujú Ukrajinci, a to nielen vo vzťahu k minulosti, ale i s ohľadom na možné perspektívy.

Bibliografia:

ABEĽS, Ch. 2000. Interakcija, identičnosť, prezentacija. Vvedenije v interaktivnuju sociologiju. Sankt-Peterburg: Aletejja, 2000. S. 26–27

ALEXANDER, J 2006; 1988 „Ústřední solidarita, etnická okrajová skupina a sociální diferenciace.“

DANILOVA, E, JADOV, V. 2004. Nestabiľnaja sociaľnaja identičnosť – kak norma sovremennych dinamičnych obščestv. In Socis č, 10/2004. S. 27 – 30.

DROBYŽEVA, L. 2010. Identičnosť i etničeskije ustanovki russkich v svojej i inoetničeskoj srede. *In* Sociologičeskije issledovanija Socis No. 12 (320). Moskva: Nauka, 2010. s 49–58. ISSN 0132-1625.

DUFEK *in* MARADA, R. 2006. Etnická různost a občanská jednota. Praha: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2006. ISBN 80-7325-111-6.

ERIKSON, E. 1996. Identičnosť: junosť i krizis. Moskva: Progress 1996. ISBN: 5-01-004479-X. 344 s.

GUDKOV, L., DUBIN, B. 1993. Konec charizmatičeskoj epochi: pečať i izmenenija v sisteme cennostej obščestva. In: Svobodnaja mysľ (s. 32–44) č. 5/1993.

HANNERZ in HOLÝ, L. 2001. Malý český člověk a velký český národ. Národní identita a postkomunistická transformace společnosti. Praha: Slon, 2001. ISBN: 80-85850-97-4. 208 s.

HUMBOLDT, V. 1985. Jazyk i folosofija kuľtury. Moskva: 1985.

[50] AFANASJEV, I. 2001. Kem budut upravľať ukrainskie lideri v XXI veke? (s. 23–26). In: Personal č. 2/2001

KAMINSKAJA, T. 2009. Obraz adresata v tekstach massovoj kommunikacii: semantiko-pragmatičeskoje issledovanije. Dizertačná práca. SPb: Sankt-Peterburgskij gos. universtitet, 2009.

MARADA, R. 2006. Etnická různost a občanská jednota. Praha: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2006. ISBN 80-7325-111-6. (310 s.)

SNITKO J., KULINIČ I. 2005. Russkij jazyk v etnolingvističeskom osveščenii. Kyjev: Kievskij universitet, 2005. ISBN 966-594-587-4. 88 s.

SŤOPIN, V. 2001. Mirovozzrenčeskije universalii kak osnovanije kuľtury. Universalii vostočnych kuľtur. Moskva. ISBN: 5-02-018233-8

SZALÓ, C. 2003. Proces kulturní asimilace a konstrukce identity přistěhovalcú.“ In Menšiny a marginalizované skupiny v České republice. Tomáš Sirovátka (ed.). Brno: Masarykova univerzita a Georgetown, 2002. s. 179–196.

VAJNŠTEJN, G. 2009. Jevropejskaja identičnosť: želajemoje i reaľnoje *In* Političeskije issledovanija No. 4. Polis. Moskva: red. Polis +RAN, 2009. ISSN 0321-2017. S. 123–134.

VEPREVA, I. 2002. Jazykovaja refleksija v postsovietskuju epochu. Jekaterinburg: Izdateľstvo Ural. universiteta, 2002. 380 s.

Časopisy a denníky:

AFANASJEV, I. 2001. Kem budut upravľať ukrainskie lideri v XXI veke? (s. 23–26). In: Personal č. 2/2001

APENČENKO, Ju.: STREĽANYJ, A.: Kino pro Ukrainu. In: DRUŽBA NARODOV 4/1992, ISSN 0012-6756 (186-219). február-marec 1991. s. 187

BONDARENKO, K: Levyj marš. In: KORRESPONDENT. Žurnal novoj epochi Ukrainy. Kyiv Post, č. 32, 5. novembra 2002, s. 35

KLUŠINA, N.2006. Obraz vraga. O vojennoj ritorike v mirnoje vremja. In: Russkaja reč č. 5, 2006. (s.79-87

LUŽECKIJ, P.: Liki vlasti. In: KORRESPONDENT. Žurnal novoj epochi Ukrainy. Kyiv Post, č. 32, 5. novembra 2002

POĽUCHOVIČ, D. 2002. Desiať let odinočestva, ili Ukrajina v ožidanii nacionaľnogo MIFA. In: Kievskij REGION, č. 1 (37), 10.–16. január 2002

SOŇUK, V. 2010. Čto nam dala nezavisimosť. In: Večernie vesti, č. 150, 21. augusta 2010

ŠEVČENKO, A., VERNIGORA, N.: Sovietskoje nasledije: Ťažolyj gruz sovietskych vremion. In: KORRESPONDENT. Žurnal novoj epochi Ukrainy. Kyiv Post, č. 32, 5. novembra 2002

VELIČENKO, S. 2010. Kapitalizm, bidnisť i rusifikacija. In: KRYTYKA, roč. XI, č, 11-12, 2010

Rosijska tiň na nezaležnosti Ukrajiny. In: Politika i čas 12/93, ISSN 0868-8273. s. 29. (s. 24-35)

Strana-naslednica: K rassojedineniju Ukrainy s Rossiej. In: VEK XX i mir, 12/91, ISSN 0320 8001, s. 26.

Zborník Mladá rusistika – nové tendencie a trendy II

Bratislava, STIMUL, 2013
Počet strán: 199

Editorky: Mgr. Zuzana Lorková, PhD., Mgr. Veronika Knapcová

Grafická úprava: Mgr. Zuzana Lorková, PhD.

ISBN 978-80-8127-088-8
EAN 9788081270888

ZBORNÍK

MLADÁ RUSISTIKA

NOVÉ TENDENCIE A TRENDY II